

ХИЗГИЛ АВШАЛУМОВ-

Мурецу из Нью-Йорка

Хизгил Авшалумов-
Мурец из Кюсту

Хизгил Авшалумов-
Мурець из Ютчи

ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННОКОВ

*Далестанское
книжное издательство
Махакала 2013*

ББК 83.3(2-Даг.)-8
УДК 821.3510
Х-42

Х-42 Хизгил Авшалумов – мудрец из Ньюджи: воспоминания современников / Сост. Л.Х. Авшалумова – Махачкала: ГАУ «Дагестанское книжное издательство», 2013. – 248 с. (илл.).

Книга посвящена светлой памяти народного писателя Дагестана, основоположника татской советской литературы, талантливоего прозаика, поэта, драматурга и публициста Давидовича Авшалумова.

Издается к 100-летию со дня рождения писателя.

ББК 83.3(2-Даг.)-8
УДК 821.3510

Х $\frac{4702010204-15}{M123-2013}$ 34-2015

ISBN 978-5-297-01748-1

© Авшалумова Л.Х.,
(составление), 2013
© Дагестанское книжное
издательство, 2013

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Я с большим волнением готовила эту книгу воспоминаний о моем отце-народном писателе Дагестана Х. Авшалумове. Душа моя переполнялась благодарностью и сердечной признательностью ко всем тем, кто писал эти строки: теплые, искренние, дружеские, меткие, мудрые.

Читая очередное воспоминание, я мысленно видела писавшего: Расула Гамзатова, Расула Магомедова, Магомед Джамбулатова, Розу Эльдарову, Заиру Хизроеву, писателей-фронтовиков – Магомед-Султана Яхъяева, Муталиба Митарова, Наримана Алиева, Байрама Салимова, известных ученых – Абдуллу Вагидова, Сулеймана Ахмедова, известных писателей – Магомед Ахмедова, Багаутдина Аджиева, Магомед-Расула, Камала Абукова, Бийке Кулунчакову, Бадрутдина, Ханбиче Хаметову, Марину Ахмедову и многих других.

Какие все замечательные личности и сколько душевной щедрости в их строках, как сильна в их воспоминаниях позиция гражданственности, патриотизма, дружбы, достоинства, и так тепло становится от всего этого на сердце. И так больно, оттого что многих из них уже нет и нельзя сказать им слова признательности или просто обнять, – они бы поняли меня без слов.

Мне повезло в жизни знать их всех лично, часто видеть их в нашей семье, в нашем доме, который в городе называли «писательским», где собиралась шумная пишущая братия. В нашей небогатой, скромной квартире за хинкалом и бокалом вина звучали стихи, тосты, шутки, притчи, песни, читались отрывки из еще неизданных рукописей на разных языках народов Дагестана. Жаль, что в книге нет воспоминаний близких друзей моего отца, ушедших раньше его: искрящегося юмором Ахмедхана Абу-Бакара, мужественного Магомеда Сулиманова, добродушного Аткая Аджаматова, неповторимого Омар-Гаджи Шахтаманова, лиричного Анвара Аджиева, остроуслова Юсуна Хаппалаева, спокойного Мусы Магомедова, неугомонного Александра Назаревича, мягкого Серажудина Гаджиева, вальяжного Миши Бахшиева, улыбчивого Алирзы Саидова, трогательного Дмитрия Трунова, а еще Шахмардана Абдуллаева, Амира Курбанова, Абачары Гусейнаева, Мирзы Магомедова и многих других. Спасибо им за то, что при жизни они были рядом с отцом. В нашем доме вообще жили очень интересные люди: Зеленин Леонид Петрович – редактор «Дагправды», Алиев Амин Исаевич – профессор, Мурзабеков Камиль – художник, семьи Коркмасовых, Аливердиевых.

Как правило, все они выходцы из простых трудовых семей, прошли нелегкий жизненный путь, прежде чем взяли в руки перо, свято любили Родину (многие из них, как и мой отец, защищали ее с оружием в руках), родной язык, свою культуру, а главное – они знали высокую цену мужской дружбе и цену предательству. Это были люди, которые могли сказать правду с большой трибуны, не подать руки подлецу, которые могли уступить друг другу очередь на квартиру (а у всех были дети) и умели радоваться изданной книге или наградам друг друга. В их отношениях была искренность. Помню, когда отцу надо было ехать на операцию в Ленинград (а был он тогда молод) в военный госпиталь, какую заботу о нем

проявили все писатели, а особенно Магомед Сулиманов. Он звонил в госпиталь, договаривался с врачами, искал друзей, у которых могла бы это время жить моя мама, тоже поехавшая с отцом. Каждый день он навещал нас, детей, оставшихся дома. Фатима – жена Ахмедхана Абу-Бакара, Эля – жена Омар-Гаджи Шахтаманова, Майя – жена Зульфугара Зульфугарова ежедневно бывали в нашей квартире в те дни. Расул Гамзатов звонил начальнику госпиталя и объяснял ему, с присущим гамзатовским юмором, что может сделать с ним разгневанный Дагестан, если их любимому писателю-фронтовику Хизгилу не будет уделено должное внимание. И как шумно, весело праздновали возвращение отца домой после удачной операции!

Все праздники отмечали дружно, иногда начинали в одной квартире, а заканчивали в другой. Часто вместе ходили на вечерние прогулки, к морю. Всегда были, в хорошем смысле этого слова, в курсе всех семейных дел: здоровья, учебы, с кем из детей надо поговорить, кого надо в очередной раз помирить с женой, – все бывало. Ведь это сегодня они – названные мною писатели – канонизированные классики дагестанской литературы, а тогда они были обычными людьми, и было им присуще все человеческое. Ошибались, оступались, спорили, обижались, но умели прощать, первыми протягивать руку, находили мужество признавать свою неправоту и от этого становились еще сильнее, еще крепче.

Воистину наш писательский дом подтверждал дагестанскую пословицу о том, «что хороший сосед лучше дальнего родственника».

Каждый, кто уезжал, обязательно привозил детям подарки, не хуже, чем своим детям. Чаще всех уезжал Ахмедхан Абу-Бакар, он был очень популярен и востребован в ту пору, и всегда привозил самые интересные, неожиданные подарки. Я вспоминаю с благодарностью некоторые из них и сегодня.

Помню страшный день, когда случилось землетрясение. Растерянные люди с завернутыми в одеяло детьми в спешке спускались во двор. Толчки, начавшиеся днем, не прекращались и ночью. Дом раскачивался из стороны в сторону, как в нелепом танце. Отец, Ахмедхан, Зульфукар и другие то и дело смело поднимались в дом, вынося из квартир раскладушки, теплые вещи, еду. Все дети были уложены по нескольку в ряд на раскладушки, укрыты, ни один ребенок не остался без внимания. Больным помогли спуститься, и только Аткая Аджаматова его жена Хажар так и не смогла разбудить. Он всегда спал очень крепко и наутро, выйдя на балкон и увидев множество раскладушек во дворе, очень удивился и сказал: «Это ж надо, за ночь столько цыган во двор набежало!» Этот инцидент был долгое время предметом шуток: как Аткая даже землетрясение не разбудило и как он принял нас за цыган!

Не могу не вспомнить и такого курьезного случая. Писатели аккуратно ходили в гости друг к другу и собирались то у нас, то у Хаппалаевых, то у Аткая, то у Наримана Алиева, то у Митарова и т.д. В тот день у нас к обеду собрались Аткай, Юсуп Хаппалаев, Муталиб Митаров и Муса Магомедов. Мирно беседовали за обедом, ждали чуда, которые быстро наловчилась делать моя сестра Наида. Я собиралась в университет на четвертую пару, изредка прислушиваясь к их разговору. Говорили об одном из стихотворений Лермонтова. На этом я и ушла. А дальше, оказывается, было самое интересное: сестра на минутку выскочила в соседний подъезд к дочери Наримана Алиева, Лене. Оставшиеся начали спорить из-за каких-то в этом стихотворении строк. Каждый вспоминал это стихотворение по-своему, и тогда Муса Магомедов, проживавший с Фазу Алиевой этажом выше, пошел за томиком Лермонтова, чтобы спор разрешить, но почему-то задержался. Муталиб не утерпел, поднялся за ним и тоже пропал. Тогда отец

и Юсуп Хаппалаев, обеспокоенные их долгим отсутствием, решили пойти за ними. Оставив Аткаю одного в квартире, они вышли, неосторожно при этом хлопнув дверью, отчего обычный английский замок защелкнулся. Не обратив на это особого внимания, они поднялись к Мусе. Оказывается, Муса и Митаров усердно перебирали тома, чтобы найти нужное стихотворение. Когда оно было найдено и все четверо спустились к нашей двери, она оказалась закрытой. Стали звонить, чтобы Аткай открыл ее. Никакой реакции. Стучали, кричали. Молчание. Поняли, все бесполезно: Аткай, видимо, спокойно заснул, а о крепости его сна ходили легенды. Вздохнув, поднялись опять к Мусе, позвонили Нариману Алиеву, чтобы он прислал Наиду с ключами домой. Когда зашли в квартиру (ко всем присоединился еще и Нариман Алиев), застали Аткаю мирно спящим в кресле за столом. Вот такая была история.

Особо запечатлелась в моей памяти празднования Дня Победы – 9-го мая. К этому празднику готовились заранее. Все собирались на парад, фронтовики шли во главе колонны, мы, дети помладше и постарше, тоже обязательно участвовали в шествии. Звучали военные мелодии. Даже малознакомые люди на улице поздравляли друг друга с Победой, шли на военное кладбище, чтобы возложить цветы на могилы солдат. Затем собирались за столом. Взрослые строго, скромно поднимали 100 грамм фронтовых за непришедших с войны, за Победу, за Родину. Навсегда в моей памяти с 9-м маем связаны запахи сирени, ландышей и мелодии фронтовых песен.

Я помню, как отец, обращаясь ко мне и сестре, а позже и к внукам, говорил: «Обещайте мне всегда помнить этот святой день Победы, посещать кладбище погибших и говорить слова благодарности фронтовикам». И мы обещали. И обещание это выполняем, дорогой отец, и будем выполнять, пока живы.

Часто отец и Магомед Сулиманов сидели вдвоем за стопкой и молчали, меня это очень удивляло и только позже я поняла, что они вели молчаливый, им двоим понятный разговор о войне, о погибших товарищах, о пережитом.

Отец не любил писать, выступать о войне, видимо, не хотел переживать все кровавые ужасы войны заново. Но война навсегда вошла в сознание поколения наших отцов, в их сердца, в их память. Они носили в своих душах и бессильную ярость былых отступлений, и боль потерь и невосполнимых утрат, и торжество победы. Когда отец не мог уже читать сам, он просил меня читать ему вслух стихи военных лет: «Жди меня», «Синий платочек», «Соловьи, соловьи». И молча слушал. Очень родной для меня человек, сделавший мне в жизни много добра, полковник в отставке Алексей Пыленко, бывший на войне совсем еще юным командиром батареи знаменитых «Катюш» (БМ-13), в предсмертном бреду, через 50 лет после войны, шептал: «Батарея, огонь! Огонь, ребята»!

Комментарии, как понимаете, излишни. Это было особое поколение, достойное уважения и вечной благодарности.

В нашем доме всегда были гости. Спасибо маме, которая принимала всех с приветливой улыбкой. Отцу не надо было ее предупреждать, что идет на обед или на ужин не один, а с друзьями. Их всегда ждали в нашем доме.

Помню, как радостно встречал отец своих земляков старшего поколения: Миши Бахшиева, Якова Агарунова, Михаила Мататова, Хануха Анисимова, Сергея Изгияева, Бориса Гаврилова, Абрама Авдалимова, Якова Кукулиева, Лазаря Амирова, Бикель Мататову, Беньямина Сафанова, Зою Семендуеву, Шими Дебияева, Исяя Нахшунова и многих других.

Звучала прекрасная, литературная татская речь, воспоминания, шутки. Позже появилось в нашем доме и молодое поколение представителей татской интеллигенции: Нисон Гилядов, Манашир Азизов, Михаил Дадашев, Валерий Шаулов, Шолуми Матаев, Виктор Абрамов, Борис Келебеев, Борис Ханукаев, Роман Изъяев, Александр Семендуев, Коля Гуршумов и многие другие.

Отец бережно относился к молодежи, дружил с ней, отбирал таланты в секцию татской литературы при Союзе писателей Дагестана, печатал их произведения в татском альманахе, помогал в решении их личных проблем, касающихся работы, жилья и других вопросов.

Я не видела людей, которые бы так любили свой край, свое родное село, своих односельчан. Обычно очень сдержанный, скромный в выражениях, он совершенно терял чувство меры, когда говорил о своем родном селении Нюгди: и воздух там особый, и речка там необыкновенная, и леса там самые густые, и рыба там особого вкуса, и звезды там ярче, а фрукты и овощи неповторимы. А главное – с какой любовью он рассказывал о своих односельчанах, с доброй усмешкой отмечая их слабости, прозвища, и гордился тем, что именно из его селения большей частью вышли заслуженные люди республики татской национальности – Герои Социалистического Труда (как Гюльбоор Давыдова), орденосцы, уважаемые труженики дербентских колхозов. Он часто ездил в родное село, встречался с земляками, да и они в наш дом приезжали по самым разным вопросам и всегда находили здесь помощь и взаимопонимание. Нередко в свои поездки в селение он брал и меня. Я родилась и выросла в городе, и для меня все, что я там видела, было непривычной экзотикой: коровы, лошади, лес, речка и тишина. Удивительная тишина, как будто мир затих и оставил тебя наедине с вечностью. В такой тишине, действительно, можно стать философом или поэтом.

Уже будучи тяжелобольным, он рвался в родное селение, к могиле своего отца. Мы боялись, что он не выдержит дороги, отговаривали как могли, но он был непреклонен. Тогда я запаслась всеми лекарствами, договорилась с родственниками в Нюгди, с Мишей Дадашевым, Валерой Юнотаевым, Изгияевыми (они тоже нюгдинцы, в то время проживали в Дербенте), и мы поехали. Всю дорогу отец отрешенно молчал. Но как только мы стали подъезжать к Дербентскому району, миновали Белиджи, он оживился, стал рассказывать, как ходил здесь в детстве пешком, ездил на арбе с отцом на пашни, шутил и на глазах у нас менялся. Трогательной была его встреча со своей троюродной сестрой Дедей-Бике, ее мужем, детьми, односельчанами. До сих пор я не могу без слез вспоминать, как он на кладбище обнимал холодный серый надгробный камень на могиле своего отца, прижимаясь к нему похудевшей щекой и повторяя на родном языке только одно слово: «Отец, отец!» Словно звал его из небытия. Я с тоской понимала – прощается! В этот день мы покидали Нюгди поздним вечером. За скромным застольем, за которым собрались многочисленные нюгдинцы, отец выглядел абсолютно здоровым, шутил, вспоминал отсутствующих, с удовольствием ел нюгдинские фрукты и овощи. Ни одной таблетки в этот день не понадобилось.

Он не помнил своей матери, ему было 1,5 года, когда ее не стало. Позже в дом вошла мачеха, холодная, жестокая, дикая женщина, сразу сказавшая четырем сиротам: «Не смейте называть меня мамой!» А он всю жизнь писал стихи и песни о материнской любви, которой не досталось на его долю, и завидовал всем, у кого были матери. Всю свою детскую любовь до обожествления он отдал отцу, с восхищением рассказывал о нем и без волнения не мог говорить о том, как сильного, сорокалетнего мужчину унесла простая болезнь, потому что в селе тогда не было ни врача, ни лекарств. Знахарь

сделал ему кровопускание, после чего он уже не встал. Так, в 13 лет мой отец остался сиротой. До последних дней своей жизни он пронес любовь к своим родителям, своим сестрам и братьям, своему народу. Мучился, когда многие из его земляков, устав от происходящих в стране в 90-х годах перемен, покидали насиженные места, тосковал по уехавшим односельчанам, но всегда был с ними, потому что сам он плоть от плоти был сын своего народа. Люди, покидая Дагестан, забирая небольшое свое скромное имущество (в то время строго ограничивали вывоз имущества), увозили пачками книги Х. Авшалумова на родном языке. Об этом мне рассказали таможенники, выражая сомнение, надо ли им разрешать это. Когда я в составе делегации приехала в Израиль и об этом узнали мои земляки, мы очень поздним вечером встретились. Огромный спортивный зал, где состоялась встреча, был заполнен до отказа, люди обнимали меня, протягивали зачитанные книги отца с просьбой подписать их вместо него, говорили с тревогой, что, мол, слышали, что Хизгил болеет. И просили у Бога ему здоровья, клали мне в руки записки для него, называли свои имена, говоря, что дружили с ним с детства. Когда я рассказала ему обо всем этом, он, сдерживая слезы, сказал, что даже, если жизнь разлучила их с ним, герои его книг всегда будут с ними, потому что они и есть народ. Он был прав, его нет, а его книги и его герои давно перешагнули границы Дагестана, России, неся в мир историю, культуру, язык немногочисленного, но самобытного татского народа.

Сам он даже не помышлял о том, что может жить вне Дагестана. Стихотворение Расула Гамзатова, посвященное моему отцу, как нельзя полно отражает его настроение по этому вопросу. Он вообще был очень тверд в своих убеждениях. Долго думал над «культуром личности Сталина», читал об этом многочисленную литературу, но сам в осуждении никогда не участвовал,

кратко заявив: «С его именем я ходил в атаку!» Этим все было сказано. Трагически переживал распад СССР, роспуск коммунистической партии. Свой партбилет хранил как святыню (он был выдан ему во время войны). Резко осуждал волну национализма, фашизма, всплеск криминала. Особенно оскорбляли его высказывания некоторой части молодежи о том, что фронтовикам лучше было бы сдаться Германии, и тогда и сами были бы живы, и страна жила бы цивилизованно. Помню, когда впервые прозвучали подобные по смыслу передачи по телевидению, у нас собрались писатели-фронтовики – Магомед Сулиманов, Муталиб Митаров, Магомед-Султан Яхъяев. Они, пытаясь приободрить друг друга, убеждали себя, что не зря рисковали своими молодыми жизнями, проливали кровь, что это страшное по сути своей затмение обязательно пройдет. Было больно смотреть на них в тот момент.

К счастью, они оказались правы, их доблесть и мужество были по достоинству оценены страной – Россией и ее народами, а празднику Победы возвращен его статус. И я рада, что они до этого дня дожили и увидели это сами.

Отец был очень трудолюбивым человеком, мы никогда не видели его в праздности; он всегда либо читал, либо писал. Домашние заботы полностью лежали на маминых плечах, причем, она никогда на это не роптала. Была она обычной дагестанской женщиной: верной, преданной женой, самоотверженной матерью и бабушкой; нас воспитывала в исключительном уважении к отцу – главе семейства. Казалось, отец и не занимается вплотную нашим воспитанием, не ведет с нами долгих и нудных бесед, не ходит на родительские собрания, но его пример, авторитет, его отцовская забота и нежность были для нас лучшим фактором воспитания.

Помню, как он однажды с моей младшей сестрой пошел на демонстрацию. Друзья окружили девочку, пы-

таясь разговорить ее, и спросили отца, в каком она учится классе. Отец задумался, а затем, ласково обращаясь к дочке, спросил: «Детка, ты уже в каком классе учишься?» Это вызвало дружный смех окружающих и долго служило поводом для шуток. А он действительно этого просто не знал: растет себе девочка и учится, нет причин для особых волнений.

В нашем доме бывали люди самых разных национальностей. Отец твердо считал, что ни в дружбе, ни в деловых отношениях никогда нельзя принимать во внимание национальность человека, а руководствоваться надо лишь его личными качествами. Мне с детства запомнилась его часто повторяемая фраза: у каждого народа есть свои достойные люди и свои недостойные. Он вообще был очень доброжелателен в отношениях с людьми и видел в каждом прежде всего хорошее. Однако мог быть резким, даже жестким, если считал, что человек не только с ним не искренен, но и готов к предательству. Был уверен, что предавший единожды, предаст вторично. Высоко ценил людей труда, подчеркивал, что они и есть «соль земли», очень не любил тех, кто наживается на их труде, и не раз высмеивал их в своих новеллах. В человеке особо из всех черт ценил скромность, не любил роскоши, излишеств в одежде, в быту, в семье, и мы этому старались соответствовать. Женщина олицетворялась у него именно с материнским началом, он считал, что мать должна воспитать не только биологическое продолжение своего рода, но и друга, единомышленника, защитника, а главное – хорошего человека и гражданина. Очень любил детей, животных, природу.

Люди зачастую приходили к нему с самыми разными, совершенно не имеющими к нему отношения просьбами, причем, приезжали разом по нескольку человек, не предупредив даже о своем визите (а наша семья долгое время жила в одной комнате в общей секции, и спать

иногда приходилось даже в ванной). Он всеми силами старался помочь решить их проблемы и часто повторял, что надо быть нужным людям и пусть самый плохой день в жизни будет тот, когда никто тебя ни о чем не попросит.

Порой ему было очень трудно найти в нашей густонаселенной комнате место, где бы он мог спокойно уединиться и писать. И как это ни смешно, но я даже помню день, когда ему обязательно надо было срочно сдавать материал в газету, он ранним-ранним утром ушел на кладбище, где и благополучно, до начала работы, в тиши закончил свой материал. Он никогда ни на что не жаловался, очень не любил обращаться с просьбами к сильным мира сего. Пожалуй, ему так и удалось прожить свою жизнь, не раболепствуя и не подхалимничая. Не очень жаловал чиновников за их некоторую бюрократическую жилку, поэтому и мне не советовал идти работать в обком партии, куда меня приглашали сразу же после защиты диссертации. Зато очень любил людей творчества, писателей, поэтов, певцов, музыкантов, композиторов, считая, что своим талантом они украшают нашу жизнь. Был великолепным рассказчиком, умел от души, искренне смеяться любой остроумной шутке, ценил в людях чувство юмора.

В еде был очень неприхотлив: мог, когда был в районах, не есть целыми днями, довольствоваться хлебом, сыром. Ел арбуз и виноград всегда с чуреком и сыром, как в своем детстве. Самым лучшим блюдом на земле считал хинкал с уксусом и чесноком. Не зря и написал новеллу под названием «Хороший хинкал лучше, чем плохой хабар». Был вспыльчив, в молодости мог и подражаться. Трусом не был. Часто повторял, что человек не должен терять мужества ни при каких обстоятельствах – ведь умираешь только однажды. Ни одного слова, жалобы мы не услышали от него во время болезни,

свой уход из жизни он принял как данность, считая, что судьба была к нему гораздо благосклоннее, подарив ему долгие годы жизни, чем к его многим фронтовым друзьям, оставшимся на полях сражений или после ранений ушедших гораздо раньше его.

Он никогда не занимал высоких должностей, большую часть своей жизни был корреспондентом «Дагправды», потом – секретарем и парторгом Союза писателей, за что Расул Гамзатов и называл его «Совестью писателей», был членом Союза писателей и Союза журналистов СССР. Имел военные и правительственные награды.

Когда отец болел, уже многих из его родственников не было в живых. Я, как старшая в семье, невольно беспокоилась о том, как нам проводить отца достойно в последний путь. И хоть мысли об этом не покидали меня, смерть отца, как всегда это бывает в таких случаях, оказалась для нас неожиданной, горечь потери заслонила все остальные заботы. И какова же была моя благодарность всем тем, кто с готовностью взял на себя эти заботы. Не только наш двор, где проводился прощальный митинг, но и вся улица М. Гаджиева, площадь, прилегающие к ним улицы были заполнены людьми. Со всех районов республики приехали люди разделить наше горе. Глава республики, Председатель Госсовета РД М.М.Магомедов, Председатель Правительства РД Х.И.Шихсаидов, Председатель Народного Собрания Муху Алиев не только присутствовали на митинге, но проводили отца на кладбище. Как мне позже рассказали, один водитель, машина которого не смогла проехать из-за этого потока людей, спросил у рядового постового милиционера: «Что, какого-то мафиози провожают?» – На что тот ответил: «Нет, Дагестан прощается с Шими Дербенди». Свидетелем этого необычного разговора был один из моих однокурсников, пришедших выразить соболезнование.

Вспоминая это, могу лишь сказать, что своей жизнью, своей любовью к Дагестану он по праву заслужил это уважение, потому что и на фронте, и в жизни, и в своих книгах он достойно представлял свой народ и Дагестан.

Как известно, отец ушел на фронт с первых дней войны и отдал Советской Армии 14 лет жизни, при этом никогда не порывал связи с Дагестаном, друзьями и родными.

Мое детство прошло в разных уголках земли: Германии, Польше, Белоруссии, Казахстане, Урале, Азербайджане, Ростове, Сталинграде, Куйбышеве: менялось место службы отца, а значит и моя школа, друзья, соседи.

В этом плане я должна подчеркнуть, что мое кочевое детство не прошло для меня зря: в тяжелые, голодные послевоенные годы я видела, как плечом к плечу трудятся люди разных национальностей, как уважают и чтят воинов-победителей, как люди делились куском хлеба, одеждой, как стеснялись излишеств. Во всем чувствовалась общность, единство, дружелюбие, умение сострадать.

Отец-кавказец, имя которого очень долго заучивали русские сослуживцы, пользовался везде уважением и прежде всего за то, что не был тыловой крысой (выражаюсь языком того времени), а был фронтовиком, и еще за то, что купался зимой в ледяной проруби, которую разрубал топором.

Помню, как я в валенках, пуховом платке стояла у проруби с его одеждой, а он плескался в ледяной воде, а к нам бежали, бежали со всех сторон люди: мужчины с бутылками самогонки, чтоб согреть несчастного, женщины, охая, ахая, срывая на ходу с себя теплые платки, чтобы его укутать. До конца жизни отец любил море, прекрасно плавал, купался зимой. Я часто думаю, какую надо было иметь волю, чтобы, будучи южным че-

ловеком и далеко не богатырского здоровья и сложения, закалить себя так, чтобы спокойно плавать во льдах, вызывая всеобщее изумление.

Мы, дочери, внуки, нежно любили своего отца и дедушку, как, собственно, все дети на свете любят своих родителей. Тысячу и тысячу раз я мысленно благодарю своего отца, не только давшего мне жизнь, воспитание, судьбу, но и оставившего мне свое честное имя, которое служило мне пропуском, авансом во многих случаях жизни, хотя одновременно и накладывало на меня огромную ответственность. Я думаю, что дети известных родителей поймут меня. Не только мы – дочери, но и наши дети помнили: учиться, работать, жить надо так, чтобы не посрамить фамилии.

Я благодарна судьбе, что, будучи старшей дочерью в семье, я вместе с молодыми родителями шла по их нелегкой жизни, делила своей детской душой их трудности и радости, и пусть я не росла в благоустроенной квартире с телефонами, роскошной мебелью и теплыми полами, ходила порою в перешитых вещах, зато мое послевоенное детство научило меня главному: ценить людей, ценить добро, уметь быть благодарной, уметь дружить, как это делал мой отец.

Не знаю, удалось ли мне на нескольких страницах передать всю многообразную палитру черт, присущих не только отцу, но и его современникам, а вернее, его времени.

Я низко кланяюсь памяти отца и прошу у него прощения за то, что, может, не сумела сделать в жизни чего-то так, как он хотел, а также искренне благодарю всех, кто помог появиться на свет этой книге.

От имени всех членов семьи Авшалумовых –

Людмила Авшалумова

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

О праздновании 100-летия со дня рождения народного писателя Дагестана Хизгила Авшалумова

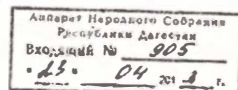
В связи с исполняющимся в 2013 году 100-летием со дня рождения народного писателя Дагестана Хизгила Авшалумова **п о с т а н о в л я ю** :

1. Правительству Республики Дагестан:
образовать организационный комитет по подготовке и проведению празднования 100-летия со дня рождения Хизгила Авшалумова;
разработать и принять план мероприятий по подготовке и проведению празднования 100-летия со дня рождения Хизгила Авшалумова;
рассмотреть вопросы финансирования мероприятий по подготовке и проведению празднования 100-летия со дня рождения Хизгила Авшалумова;
2. Рекомендовать органам местного самоуправления муниципальных образований Республики Дагестан принять участие в осуществлении мероприятий, связанных с подготовкой и проведением празднования 100-летия со дня рождения Хизгила Авшалумова.
3. Настоящий указ вступает в силу со дня его подписания.

**Временно исполняющий обязанности
Президента Республики Дагестан**

Р. Абдулатипов

г.Махачкала
18 апреля 2013 года
№130

В НАШИХ СЕРДЦАХ ОН ОСТАНЕТСЯ НАВСЕГДА

Ушел Хизгил... Улетел с журавлиной стаей, которая все увеличивается с каждым уходящим годом...

Миши Бахшиев, Багаутдин Митаров, Алим-Паша Салаватов, Магомед Сулиманов, Абачара Гусейнаев – вот та плеяда писателей-воинов, ставшая для следующих поколений путеводной звездой, которая не позволила им сбиться с верной дороги.

И Хизгил Авшалумов принадлежал к тому славному поколению, которое ничем не запятнало своей чести и, пройдя через все лишения, через испытания войной, осталось верным самому себе и своим идеалам.

Впервые я увидел Хизгила Авшалумова на фотографии в кабинете своего отца. На фото он стоял рядом с отцом, и я поинтересовался, кто это? Тогда я и узнал, что Хизгил – молодой татский писатель, живо интересующийся фольклором своего народа и уже активно работающий в журналистике. Вскоре началась война, которую Хизгил прошел от начала до конца. Воевал он храбро, и, когда возвратился на родину, к его литературным заслугам прибавились военные. После войны Хизгил еще долго оставался в строю и служил военным корреспондентом, что, на мой взгляд, стало для него, как для писателя, большой жизненной школой, где он приобрел бесценный опыт и профессиональную зоркость.

Затем мы вместе долгие годы работали в Союзе писателей Дагестана, где Хизгил проявил себя как человек высокообразованный, тонко чувствующий слово и умеющий тактично работать с молодыми литераторами. Он всегда помогал молодым, умел распознавать истинный талант и, хотя был от природы человеком необычайно скромным и мягким, всегда проявлял принципиальность в отношении людей бездарных и наглых.

Хизгил Авшалумов сразу же вошел в дагестанскую литературу как зрелый писатель. В конце 50-х годов его рассказы очень высоко оценил такой значительный русский прозаик, как Леонид Соболев...

Пьеса Хизгила Авшалумова «Толмач имама» с большим успехом шла на сценах многих дагестанских театров, в частности, Кумыкского.

Хизгил стал непревзойденным мастером коротких рассказов. Циклы его миниатюр, его замечательные рассказы о Шими Дербенди почти из номера в номер печатала «Дагестанская правда», и читатель каждый раз ожидал продолжения с неподдельным волнением. Это ли не настоящее признание для писателя?!

Но Хизгил Авшалумов был признан не только читателями. Он был признан и дагестанскими писателями, всеми безоговорочно... Это, действительно, редкое явление в писательской среде, противоречивой, часто нетерпимой к успеху собратьев по перу. Но Хизгил был любим всеми.

В жизни я видел много хороших людей, но такого скромного и необыкновенно доброго человека не встречал никогда. Кроме того, он был очень земным человеком, отзывчивым на всякую радость и на всякую беду. Он всех понимал и всеми был понят. Это ли не счастье для настоящего человека?!

Хизгил был очень интересным и содержательным собеседником. Мы часто оказывались с ним вместе в дороге, а это, как известно, не только очень сближает

людей, но и дает возможность лучше узнать и понять друг друга.

Вместе мы ездили на Дни дагестанской литературы в Ленинград, Москву, Таджикистан, Волгоград, Ульяновск – и везде Хизгил был душой нашей писательской делегации.

У Хизгила Авшалумова было много достоинств, но главное из них – это любовь к Дагестану. Ему предлагали райскую жизнь в Израиле, куда уехали многие наши соотечественники, в том числе и некоторые дагестанские писатели. Но Хизгил отказался с твердостью, необычной для его мягкого характера.

«Я здесь родился и вырос, – говорил он, – отсюда ушел на фронт и здесь родились мои дети и внуки, здесь я и останусь».

Ему были открыты широкие ворота в мир и мировую поэзию. Он писал почти на том же очень поэтическом языке, что и Омар Хайям, Саади, Низами и Хафиз, и мог бы поехать в Иран, но выбрал Россию. Ибо считал себя писателем двуязычным – татским и русским одновременно.

Его преданность родной земле была сильной и естественной, как преданность дерева своим корням. Он боготворил родное селение Ньюнди, о котором сложил поэтическую прозу «Сказание о любви». Его творчество ушло корнями в родную землю, но крона его плодоносящего дерева принадлежит всему Дагестану, да и не только ему одному, но и всей многонациональной России.

Ушел Хизгил... Улетел с журавлиной стаей... Но в наших сердцах он останется навсегда, как поэт, сатирик, прозаик, драматург и как человек с доброй улыбкой и умным лучистым взглядом.

2001 г.

*Расул Гамзатов,
народный поэт Дагестана*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ХИЗГИЛЕ АВШАЛУМОВЕ

Мое знакомство с Хизгилом Авшалумовым произошло в 1938 году. В то время я возглавлял Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы – то были как раз годы его становления. Вполне понятно, что перед нами было поставлено множество задач разного уровня: от проблем региональной истории и филологии и до составления учебников для дагестанских школ. Мне очень хотелось иметь в институтском коллективе представителей всех народностей Дагестана, хотя в условиях тогдашнего «кадрового голода» это было непросто. У нас уже работали такие крупные специалисты, как М.-С.Саидов, М.М.Гаджиев, С.Н.Абдуллаев, М.Исаков, Ш.И.Микаилов, Агалар Гаджиев, Г.Б.Муркелинский, однако с привлечением представителей наших малых народностей проблемы все же были.

В те годы ученым секретарем Института был А.Ф.Назаревич. В один из будних дней заходит он ко мне с парнем лет двадцати и говорит, что это Хизгил Авшалумов, по национальности тат, хочет работать в нашем Институте: «Я его знаю, он увлекается фольклором и журналистикой...» Назаревичу я доверял абсолютно, человек он был высококультурный, с энциклопедическими знаниями; значит, было в Хизгиле что-то такое, что разглядел и оценил наш ученый секретарь. На вид Хизгил казался человеком не богатырского телосложения, робким, но в ходе непринужденной беседы

я убедился: этот скромный по натуре, но, несомненно, смысленный молодой человек имеет главное – огромное желание работать, горячий интерес к родной культуре, ее изучению. Как историк, я сразу принял во внимание, что он из Дербента – а ведь это древнейший историко-культурный центр, и черпать весь его историко-фольклорный и этнографический материал лучше человеку из дербентской среды. В те времена вопросы с работой решались быстро: руководителем ему я назначил А.Ф.Назаревича и предложил приступить к работе. Вот так Х.Авшалумов оказался в институтской среде. Следует добавить, что влияние Александра Федоровича не прошло даром для Хизгила, это чувствовалось во всем и, прежде всего, в его исследовательских работах и журналистском творчестве.

На этом мой интерес к Хизгилу не угас. Выяснилось, что он не имеет жилья в Махачкале, ночует у знакомых, то у одного, то у другого, а жена осталась в Дербенте – понятно, что все это не способствует нормальной работе. Что тут поделаешь?! Квартирами я не распоряжался, а терять его мне не хотелось. Так, в раздумьях прошла целая неделя. Наконец, мы нашли выход: во дворе Института стояло небольшое складское помещение, туда я его и определил – не очень комфортно, зато реально и немедленно! Хизгил безмерно обрадовался – он был человек со скромными потребностями, работы и трудностей не боялся, сиротская судьба и работа с малолетства закалили его. Одним словом, это был настоящий сын своей эпохи. Вскоре постройка обрела приличный вид, молодая жена перебралась туда – и теперь можно было всецело отдаться работе. А работать он умел всегда. Если надо было его найти, то обычно искали в библиотеке – там он проводил почти все время. Надо сказать, что в те годы библиотека нашего Института заслуженно считалась одной из богатейших на Северном Кавказе.

За пределами библиотечных стен главным делом Х.Авшалумова оставалось собирание фольклорного и этнографического материала, а неисчерпаемым его источником был Дербент, его старожилы – и таты, и тюрки (как в те годы называли тамошних азербайджанцев), и персы, которых там тоже было немало до середины 30-х годов. Скоро я и сам убедился, что именно этот слой жителей древнего города все еще оставался носителем и наследником многовековой культурной традиции, своеобразнейшего здешнего фольклора и исторических воспоминаний. Видимо, эта своеобразная среда наложила какой-то формирующий отпечаток и на самого Хизгила: его неизменное расположение к людям, никогда не покидавшее его чувство юмора.

Результатом его тогдашних изысканий стал изданный им в 1940 году «Сборник татского фольклора», не утративший своего научного значения до сих пор, – не так-то плохо для начинающего 24-летнего исследователя!..

Позже, почти 60 лет спустя, он издаст объемистую книгу своеобразных рассказов-притч «Похождения хитроумного Шими Дербенди». Конечно же, все они являются авторскими произведениями – не случайно и нынешние наши литературоведы находят им отдаленные аналогии в рассказах Марка Твена и т.п.(а близких аналогий им в нашей литературе вообще нет). И все же... И все же ясно, что они никогда не появились бы на свет такими, какие они есть, если бы их автор не «варился бы в дербентском котле» долгие годы, если бы он не был в определенный период жизни фольклористом-профессионалом. Сам он определяет свой жанр как «юмористические и сатирические новеллы, рассказы». Отчасти это так, но не совсем. Мне они больше напоминают по форме средневековые рассказы («фабль»), порожденные своеобразной средой городских общин, часто соединенные личностью единого условного героя

(вроде вездесущего Моллы Насреддина). Конечно же, и сама эта книга, и внушительный объем литературно-публицистического наследия Х.Авшалумова, да и сама его известность среди читающих дагестанцев свидетельствуют, что он – состоявшийся литератор, недаром взявшийся за перо. И, тем не менее, мне до сих пор жаль порою, что писатель взял в нем верх над фольклористом и этнографом. Вот один пример: среди записанных им в Дербенте фольклорных сюжетов есть предания о Рустам-Зале, Бежане, Манучехре и других эпических героях сасанидского Ирана. Нынешние историки и образованные люди знают о них из одного-единственного источника – «Шах-намэ» Фирдоуси. Между тем сам Фирдоуси почерпнул их из народного изустного эпоса, бытовавшего более тысячи лет назад. Ныне он исчез, а бытующие в иранском фольклоре сюжеты такого рода так или иначе несут отпечаток поэмы Фирдоуси, то есть восходят к его книге. Между тем маловероятно, чтобы эта классическая книга когда-либо проникала в татскую среду, а тем более в народный фольклор. Так не столкнулся ли Хизгил в свое время с последними носителями изустного докнижного иранского эпоса, из которого черпал когда-то сам Фирдоуси? Если так, то научное значение этих находок Х.Авшалумова вышло бы далеко за пределы сугубо дагестанского фольклора... В этом нет чего-то принципиально-невозможного: если в самом Иране не уцелело ни одного памятника сасанидской каменной фортификации и наш Дербентский комплекс остается единственным из таковых, то почему подобное не могло произойти и с сюжетами иранского сасанидского эпоса?

Дербент был одним из общепризнанных очагов-светочей «иранского культурного круга», пределы которого раскинулись от Арала до Персидского залива, от Малой Азии до Северной Индии – и для Дагестана он свыше полутора тысяч лет был самым мощным звеном,

соединявшим духовную жизнь Страны гор с мощными цивилизациями Передней Азии. Именно через Дербент осуществлялась культурная интеграция наших народов в мировой исторический процесс. Здесь, в Дербенте, были заложены начальные основы исламских традиций Дагестана. Здесь начали действовать и первые медресе, где обучались и дагестанские горцы. Здесь созданы и протограф «Дербент-намэ», и «История Дербента и Ширвана». Здесь сформировался как ученый академик М.А.Казембек – знаменитый дербентец. Одним словом, Дербент как хранилище историко-культурных традиций далеко еще не исчерпан. Отрадно видеть, что нынешний кризис не прервал работу археологов – надо надеяться, что настанет черед археографов, эпиграфистов, этнографов, фольклористов. И тогда пусть не забудут и молодого 22-летнего исследователя, который накануне Великой войны XX века сумел кое-что сделать для изучения нашего культурного прошлого, оставив свой след в истории дагестанской культуры. Он стоял у самых истоков этих исследований – так пусть он не будет забыт.

Война оторвала Х.Авшалумова от интересной перспективной работы, в которую он успел втянуться. Уверен: если бы не это, он проявил бы себя здесь гораздо полнее. Он сразу ушел на фронт, и лет 15 мы не виделись. Когда он, наконец, демобилизовался и вернулся в Дагестан, мы встретились по-дружески: оба фронтовики, обоим есть, что вспомнить, отношения складывались какие-то особенно дружеские и доверительные. Вообще-то я был уверен, что он вернется к своим довоенным изысканиям, но с ним произошло то, что нередко случается с богато одаренными людьми, которым при их рождении были даны судьбой несколько талантов, – в конечном счете верх взяли его литературные склонности. Кроме того, Хизгил всегда был «общественным человеком» – отсюда его ранняя тяга к журналистике. Писать о его несомненных успехах и в том, и в другом

считаю излишним – для любого грамотного дагестанца они общеизвестны.

Мы перестали быть сотрудниками, но наши отношения перешли в семейную дружбу, стало привычкой постоянно видеться. Я всегда был в курсе его жизненных и семейных событий, как и он – моих, и это продолжалось до последних лет жизни Хизгила. Во время гонения на Шамиля Хизгил был одним из тех, кто меня старался поддержать. Я и дети мои никогда не забудут, как в горестные для меня дни Хизгил (сам серьезно больной) вместе с дочерью Людмилой пришел ко мне разделить мое горе.

Особенно я должен подчеркнуть неординарную общественную активность Х. Авшалумова. Писателю-фронтовику было что сказать своим землякам. Я в те годы тоже активно участвовал в общественной жизни, и мне часто приходилось видеть и слышать его выступления в городах и районах республики. Мне и сейчас помнится его ровный, спокойный, но при этом не бесстрастный голос, всегда с юмором, иногда и с какой-то хитрецей говорящий о нашей повседневности, – но этот голос сразу становился горячим и взволнованным, когда речь заходила о дружбе и братстве наших народов, о наших общих интересах и проблемах.

Он считал своим долгом находиться в самой гуще масс и служить им своим талантом. Таким мы знали Х.Авшалумова, одного из выдающихся сынов Дагестана – таким останется он в нашей памяти.

2001 г.

*Р.М.Магомедов,
доктор исторических наук,
профессор*

МУДРЕЦ ИЗ НЮГДИ

Внашей жизни наступает такой момент, когда друзей становится все меньше, каждый случай потери дорогого человека воспринимаешь для себя как трагедию; волнения усиливаются, появляется потребность более трезво, оглядываясь назад, спросить себя: с кем же встретиться, о чем говорить, все ли задуманное осуществимо? А позже, столкнувшись с какими-то фактами, ищешь ушедшего друга, хочется поговорить, спросить совета, а его нет – круг близких сузился, появляется тоска.

Вот я сижу за столом, просматриваю последний дар – книгу «Похождения хитроумного Шими Дербенди» Хизгила Авшалумова, человека-писателя, которого очень ценил и любил. Он был очень популярным у читателей. Его юмористические и сатирические новеллы, заставляли читателя глубоко задуматься о происходящих событиях в нашей жизни. Автор умел своевременно подметить и в юмористической форме преподнести недостатки в жизни наших народов Дагестана, и в первую очередь татского народа.!

Я знал Хизгила Давидовича как талантливого писателя, собирателя сказаний татов, автора различных пьес, мудрейшего человека.

К нему домой я частенько заглядывал. Любил с ним поговорить о делах прошлых, иногда и настоящих. Каждая встреча с ним являлась для меня своеобразным праздником, хотя моментами приходилось следить за своей речью. Он обладал природным даром привлекать

людей к себе своей внимательной, дружелюбной натурой, обходительностью и дальновидностью. В людях дорогой Хизгил разбирался достаточно хорошо и был твердо предан своей Родине – Дагестану, Дербентскому району, где он родился.

Человек, пропустивший через себя Отечественную войну, проживший всю свою плодотворную жизнь в Дагестане, сумел своим творческим трудом заставить представителей всех народностей республики заговорить о себе. Заработать уважение нелегко, он, наш дорогой Хизгил, сумел этого добиться.

Разве забудешь его приятную речь, умные советы, глубокие суждения о мире, которые он сопровождал легкой улыбкой и доброжелательным отношением к собеседнику.

Человек ума и совести, я бы его так назвал. Помню, как он твердо отстаивал свое мнение, не избегал острых углов жизни, дальновидно мог предлагать наиболее верные решения сложных вопросов.

Почти все юмористические новеллы, опубликованные на страницах «Дагестанской правды», я читал, – их много, на всех не остановишься. Но об одной мне хочется поделиться. Это рассказ под названием «Телефон». Мне он настолько понравился, что я рекомендовал его прочитать и коллегам по работе, и, убедившись, что и они получили удовольствие от рассказа, захотел поговорить с автором и передать ему свое впечатление. «Надо же придумать такой сюжет!» – сказал я Хизгилу. «Жизнь подсказала», – ответил он. Действительно, рассказ жизненный, мы не всегда задумываемся о последствиях своих поступков, как это сделал герой произведения, установив у себя дома телефон. Весьма поучительная история!

Я частенько советую друзьям не торопиться с установкой телефона в своей квартире, чтобы не попасть в ситуацию, описанную Хизгилом Авшалумовым.

Мне хочется сказать два слова о языке, стиле, хронологии изложения автором татских легенд. Автор мастерски, без лишних слов излагает их и читателя держит в напряжении до самого конца. С какой теплотой, нежностью он вспоминает места молодости, без душевного волнения нельзя читать эти страницы. Чего стоят его мудрые высказывания: в «Сказании о любви» автор говорит, что самое страшное проклятие на устах его народа – «Да чтоб гость не постучался в дверь твоего дома». Он учит хранить добрые традиции предков.

Хизгил Давидович – кавалерист, окончил военное училище, прекрасно знал коневодство и все, что с ним связано. В кавалерийском полку прослужил с первых месяцев Великой Отечественной войны. Поэтому мне, профессионалу по ветеринарии, особенно бывало интересно слушать его рассказы, связанные с лошадьми. Он умел так преподнести материал, будто только сейчас произошел этот случай в его жизни. Все его рассказы или новеллы по-своему уникальны и оригинальны, глубоки по содержанию, связаны с нашей жизнью и поучительны. Я советую каждому прочитать их. Не пожалеете.

Мне с семьей посчастливилось присутствовать на незабываемых юбилейных торжествах Хизгила Давидовича. Наблюдал я за поведением юбиляра, реакцией зала и людей в кулуарах. Должен, не расшифровывая, сказать: он заслуживал тех похвал, благодарностей, которые произносились многочисленными выступающими и которые содержались в многочисленных поздравительных адресах и телеграммах.

Хочется подчеркнуть его особую любовь к своей родине. Хизгил Давидович отмечал юбилей не только в городах Махачкале, Дербенте, но и в своем родном селении Нюнди. Он проявил уважение к своей родной земле, народу, проживающему на ней, и памяти своих родителей, родственников и односельчан.

Я всегда восхищался убедительностью и силой его аргументов. Хизгил Давидович был противником скоропалительных решений, одновариантного мышления. Он рассматривал явления гораздо шире и глубже, в нем я чувствовал наличие интуиции, некоего предвидения. Это его умение на основе единичных фактов прогнозировать перспективу заслуживало особого уважения. Он плохо не отзывался о других людях, наоборот, всячески выделял все лучшее, присущее каждому из них. Вместе с тем Хизгил Давидович умел блестяще отстаивать свои позиции, убеждать слушателей. Разве можно забыть его ответ, опубликованный на страницах «Дагестанской правды», по татскому вопросу в республике. Я убедился, что только активное участие Хизгила Давидовича могло поставить точку в этом надуманном конфликте.

Где Хизгил – там всегда была победа добра и справедливости. Не случайно к нему постоянно приходили люди по различным проблемам и ему удавалось решать многие вопросы.

Духовно он жив, осталась с нами его душа, осталось Авшалумовское благородство и порядочность. Рядом с нами его дети и внуки. Заветы его выполняют они сполна. Примером восхищения является его милая дочь – Людмила Хизгиловна – профессор, 1-й проректор Даггосуниверситета, член Государственного Совета Республики Дагестан, ученый, общественно-политический деятель, пользующаяся большим уважением в республике.

Жизнь продолжается, и живым надо жить. Лучшим памятником Хизгилу Давидовичу будут наши добрые дела, наши умные поступки.

Как пишет в предисловии к книге «Похождения хитроумного Шими Дербенди» Малик Гасанов (М., 1998), «в ряду известных деятелей дагестанской культуры народному писателю Дагестана, заслуженному работ-

нику культуры Российской Федерации и Республики Дагестан, лауреату премии им. Сулеймана Стальского Хизгилу Авшалумову принадлежит почетное место». Достойная признательность!

Ушел из жизни дорогой для нас человек. Не стало еще одного мудреца. Добрые пожелания и советы его народы Дагестана не забудут никогда.

2004 г.

*М.М.Джамбулатов,
президент ДГСХА, член-корреспондент
Российской сельхоз-
академии, академик
Международной академии
сельхозобразования*

ТИХИЙ МЫСЛИТЕЛЬ

С Хизгилом Авшалумовым впервые я познакомился в 1955 году в Союзе писателей Дагестана. Это было весьма сложное и интересное время. На одном из собраний СП, наряду с другими вопросами, писателями рассматривался и вопрос о перестройке творческой мысли литераторов в свете доктрины вышестоящих органов относительно значения «царицы полей» кукурузы для всего народного хозяйства страны. К этому времени некоторые писатели успели написать стихи вроде «Хябиджа-ханум», «Царица полей прокладывает путь к изобилию» и др.

Меня, тогдашнего слушателя Высшей партийной школы при ЦК КПСС, поразили выступления некоторых членов нашей организации, которые старались критиковать, даже отвергать творчество нашего «Гомера XX века» Сулеймана Стальского, написавшего в свое время популярно-сатирическое стихотворение «Хаджикай» («Кукуруза»). Стихотворение было о том, как хитрый и жадный молла Рамазан из сел. Векеляр обманывал бедняка, давая займы ему одну мерку гнилой кукурузы вместо трех с нового урожая. Такой оборот и такое отношение со стороны некоторых «писателей» к нашему любимому поэту вызвало у меня резкий протест... Были и такие, которые мое эмоциональное выступление хотели выдать как протест против решения ЦК КПСС.

Но мое возмущение было поддержано человеком в военной форме, в чине капитана. Он, не торопясь,

подчеркнул, что Сулейман Стальский критиковал не кукурузу, как таковую, а эксплуатацию нуждающегося крестьянства со стороны моллы, который взимал долг в тройном размере. Притом стихотворение было написано задолго до Октябрьской революции, когда сам Сулейман испытывал нужду и голод.

Молодой офицер тихо и твердо выразил свое отношение к критике любимого поэта Сулеймана Стальского. И я сразу почувствовал уважение к этому малознакомому военному человеку.

Я заинтересовался им. Это был Хизгил Давидович Авшалумов, только недавно демобилизованный фронтовик, отслуживший трудовую военную службу. После того собрания мы познакомились ближе и подружились.

Хизгил Давидович Авшалумов родился 16 января 1913 г. в крестьянской семье, в селении Нюгди нынешнего Дербентского района.

Прошло более 45 лет с тех пор, и с каждым годом наша дружба росла и отношения ни разу не омрачились, перешли прямо-таки в братские.

С детства лишенный отца, он вынужден был трудиться наравне со взрослыми в Нюгдинской коммуне, где в ярко выраженной форме шла уравниловка, т.е. когда от людей требовали полной отдачи труда, а распределение результатов производилось исходя из наличия едоков – живых душ в семье. Позднее на месте коммуны создали колхоз, где действовал принцип «от каждого – по способности, каждому – по труду», и в нем работал юный колхозник Х.Авшалумов.

Вскоре сельский молодежный активист Авшалумов был рекомендован в недавно созданную республиканскую совпартшколу.

По завершении учебы в этой школе Хизгил Давидович становится литературным сотрудником областной татской газеты «Захметкеш», созданной в 1928 году.

В этой газете он стал печатать свои заметки, зарисовки, очерки и статьи. Тогда же через эту газету познакомился со ставшими впоследствии известными татскими писателями и представителями культуры своего народа Миши Бахшиевым, Михаилом Мататовым, Мануахом Дадашевым, драматургом Юно Семеновым и другими.

Республиканская газета на татском языке, основанная на базе нового алфавита и орфографии в совершенно новых условиях и на новой идеологии, стала школой освоения всего нового и приобщения к новой духовной культуре. Позднее, будучи научным сотрудником Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН, Хизгилу Авшалумову удалось разработать современные основы новой социальной культуры своего народа.

Увлечшись сбором и обработкой старинного татского фольклора, Хизгил Давидович подготовил и создал первый альманах, который стал на сегодня библиографической редкостью.

Когда грянула Великая Отечественная война, член Союза писателей СССР Авшалумов выступил на защиту Родины и активно воевал вначале на Северном Кавказе, потом на Белорусском фронте в качестве зам. командира эскадрона казачьего полка. После войны служил военным корреспондентом армейской газеты.

В 1946 году увидела свет его первая повесть «Влюбленные», она была опубликована в альманахе на татском языке. В ней ставится тема борьбы современной молодежи с жестокими пережитками и старыми адатами. Эта повесть принесла писателю признание и популярность.

Вернувшись после демобилизации из армии в 1955 году, капитан Хизгил Давидович стал работать в редакции газеты «Дагестанская правда», посвятив себя журналистике, и многие годы одновременно активно

продолжал писательскую деятельность. С учетом накопленного большого багажа знаний и опыта общественной работы Хизгил Авшалумов в 1956 году издал книгу рассказов под названием «Дружба», где обобщается и раскрывается цена дружбы и единства советских людей.

Хизгил Давидович заочно заканчивает Дагестанский педагогический институт и посещает лекции по экономике народного хозяйства в Доме партийного просвещения.

На татском и русском языках одна за другой стали выходить из печати его книги рассказов, новелл и повестей: «Как я воскрес», «Жена брата», «Фамильная арка», «Русский сын», «Встречи у родника» и другие. В 1980 году из печати вышел поэтический сборник «Гюльбоор», где одноименная поэма посвящена Герою Социалистического Труда Гюльбоор Давыдовой. Широкую популярность принес писателю цикл новелл «Хитроумный Шими Дербенди» на русском и татском языках, в которых автор продолжал раскрывать древние традиции своего народа, острой сатирой и увлекательным юмором озарял мысли народа, за что журналиста-писателя народ искренне полюбил.

По своему содержанию и целенаправленности вся деятельность журналиста-писателя Хизгила Давидовича носит общественный характер. Он часто бывал в селах республики и на партийных конференциях, собраниях, активах тружеников полей и предприятий, внимательно слушал каждого, улавливая все до мелочей, касающееся простого человека, и после этого появлялись его статьи, которые всегда были актуальны.

Он бывал на съездах писателей СССР и РСФСР, принимал активное участие в декадах и днях литературы и искусства в областях и республиках. Многочисленные контакты и дружеские отношения с разными людьми давали ему возможность делать интересные зарисовки,

которые после авторского обобщения и переосмысления служили ценным материалом для создания ярких и правдивых образов.

При обсуждении того или иного вопроса он не суетился. Будучи консультантом, секретарем Союза писателей Дагестана или секретарем партийной организации, он свое мнение выше мнения товарищей не ставил. Но тихо, логично выражал свое отношение, находя всегда «золотую середину». Я всегда называл его «тихим мыслителем».

Несколько раз он приезжал в Табасаранский район, где я работал первым секретарем райкома партии, встречался с людьми, читал полюбившиеся им свои произведения, причем общался с народом на азербайджанском языке, которым жители района хорошо владеют. Помню, как за день до открытия очередной партийной конференции коммунистов Табасаранского района он приехал для принятия в ней участия и подготовки по итогам прохождения конференции материалов для газеты «Дагестанская правда». Хизгил Давидович хотел предварительно ознакомиться с моим отчетным докладом на конференции и, делая для себя заметки, сидел в моем кабинете за столом заседания. А я сидел за своим рабочим столом, принимая посетителей накануне конференции.

Вдруг в кабинет зашел председатель колхоза селения Тураг, всеми уважаемый пожилой человек – Агасиев Рамазан-халу. Учитывая его почтенный возраст и общественное признание, я принял его стоя и после предложил сесть.

Хизгил Давидович, как ему было свойственно, молча, внимательно следил за нами... Я познакомил его с Рамазан-халу. Представляя этого заслуженного человека, охарактеризовал его как участника гражданской войны и «красного партизана», долгие годы работающего на ответственных должностях в районе: предсе-

дателем сельского совета, ковровой артели, колхоза в родном селе. Далее я добавил, что он пользуется уважением не только среди людей родного селения, но и во всем районе. Авшалумов заинтересовался его деятельностью, и они стали общаться на азербайджанском языке... Догадавшись, что Хизгил Давидович хочет написать очерк об этом много выдавшем и пережившем, находящемся и сегодня в строю человеке, я оставил их наедине.

Конференция проходила бурно, живо, говорили и критиковали невзирая на занимаемые должности, критиковали всех и каждого. Особенно острой была критика в адрес райкома партии, райисполкома: мол, не принимаются меры по выплате заработной платы ковровщицам в течение полутора-двух лет, что склады ковровых артелей затоварились низкоплотными неходовыми коврами. Знатоки коврового производства говорили о том, что происходит прямая деформация традиционных орнаментов ковра. Рассчитанные на 35x35 или 40x40 узлов в сантиметре, они приспособляются мастерами под более низкие по плотности ковры – 20x25 узлов. Указывали на необходимость решить вопрос с мелкими, нерентабельными, убыточными фермами. На конференции говорили и о том, что по территории Табасарана текут реки и многочисленные речушки, однако скот верхней части района остается ненапоенным. Критиковали и то, что в районе до сих пор сады бессистемные, а виноградники изреженные... Делегаты конференции поднимали и ряд других актуальных и нерешенных вопросов...

Сидя в первом ряду, с краю, корреспондент республиканской газеты Хизгил Авшалумов тихо делал заметки, редко задавая вопросы соседу, сидящему рядом с ним...

Вечером, после ужина в моем доме мы долго беседовали и обсуждали многие проблемы.

Один за другим отвечал я на многочисленные вопросы Хизгила Давидовича, возникшие у него в ходе конференции. Эти вопросы сами по себе говорили о его отношении к делам района. Но вопрос затоваривания в складах ковровых изделий и задержки выплаты ковровщицам заработной платы в течение полутора-двух лет, который вызвал оживленные эмоции на конференции, заинтересовал его более других. Он хотел знать конкретные обстоятельства и причины такого положения. Я говорил, что такое положение создалось впервые, хотя ковровым производством в Табасаране занимаются давно.

Тихо сидевший Хизгил Давидович внимательно слушал меня. Потом, выражая свое неудовлетворение, засуетился и возмущенно сказал: «Как так, женщины и многодетные семьи в сельской местности не могут получить за свой труд!?» Я ответил, что эти и другие вопросы ставились перед ведомственными органами. Много нерешенных, важных актуальных проблем, правы делегаты конференции, которые критически высказались, – признался я.

Острый вопрос о двойном членстве в колхозе и в ковровой артели одного и того же человека значил, что фактически, грубо говоря, наши женщины должны были разрываться на три части: домашнее хозяйство, колхоз и ковровую артель. Это особый и серьезный вопрос.

Отчет корреспондента с охватом многих тем, поднятых в выступлениях на конференции, был опубликован через несколько дней. Спустя месяца два, как полемическую, предназначенную для обсуждения, опубликовали и мою статью «О мерах урегулирования соотношений ковровых предприятий и колхозов в Табасаранском районе»...

Вскоре у меня был вызов на врачебную консультацию в Москву. С разрешения обкома КПСС я выехал

в столицу. Однако стремился туда не только для решения своих послефронтовых проблем со здоровьем, очень волновали проблемы района. Устроившись в гостинице, поехал в ЦК партии, позвонил и попросил о встрече с А.Н. Вороновским, бывшим вторым секретарем нашего обкома КПСС. Был принят. Причину моего посещения объяснять не пришлось, ибо он уже знал суть вопроса. После его звонка в отдел легкой промышленности ЦК КПСС Гондорину, на следующий день был им принят, где я рассказал о положении ковровщиц, которые почти 2 года не получают заработную плату. А на завтра в кабинете зав. отделом легкой промышленности Гондорина в присутствии многих – руководителей Наркомата торговли, Роспотребсоюза, Роскульторга, министерства местной промышленности РСФСР и др., связанных с торговлей, – я изложил причину моего приезда в ЦК КПСС и о положении ковровщиц. В конце совещания зав. отделом ЦК партии Гондорин сказал примерно так: «... Надо среди центральных торговых органов федерации распределить эти 20-25 миллионов рублей – стоимость затоваренных ковров, для них это как капля в море..., а для дагестанского коврового производства – вопрос выдачи заработной платы сельским ковровщицам. Прошу каждого подойти к этому вопросу по-партийному...». В тот же день все затоваренные ковры были реализованы.

На примере этого одного конкретного примера я хочу показать роль корреспондента-журналиста Хизгила Давидовича и общественную значимость его компетентного мнения при публикации материалов в печати, без которых решение важных социально-экономических вопросов района было бы затруднено.

За заслуги перед народом Хизгил Авшалумов получил звание «Заслуженный работник культуры РСФСР и ДАССР», награжден грамотами Верховно-

го Совета ДАССР, ему присуждена Республиканская премия им. С.Стальского, присвоено высокое звание «Народный писатель Дагестана», но заслужил он и более высокую награду – признание и глубокое уважение народа.

2010 г.

Муталиб Митаров,
народный поэт Дагестана

МЫ БЫЛИ ДРУЗЬЯМИ

Мне очень нравится высказывание Н. Некрасова: «...Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан...» Эти слова мне приходят на ум, когда вспоминаю недавно ушедшего из жизни моего друга Хизгила Авшалумова. Он был прежде всего гражданином, человеком в самом высоком смысле этого слова. Многолетняя дружба с ним, совместная работа в Союзе писателей Дагестана, жизнь в одном доме дают мне право говорить эти слова.

В творческой среде не всё бывает гладко: споры, сплетни, группировки, зависть. Хизгил никогда не вмешивался в эти дела. Ни с кем не ссорился, никому не желал зла, работал честно, помогал молодым писателям, писал молча свои произведения, по выходу их не расхваливая первопопавшим.

Ещё об одном немаловажном из жизни Хизгила: сумел создать дружную семью. Дети тоже похожи на него во всём: тихие, порядочные, доброжелательные, трудолюбивые, скромные. Его супруга долго болела. Жильцы нашего дома /особенно женщины/ с завистью глядели, как Хизгил выводил ее в парк на прогулку, держа ее под руку.

Сам же Хизгил был здоровым, закалённым. К удивлению всех, купался в море даже в лютую зиму. Его даже прозвали «моржом». Он закалялся с детства, оставшись без матери, помогая отцу, затем нелегкая служба в Красной Армии и участие в военных действиях на

фронте лихим кавалеристом сделали из него настоящего мужчину, бойца.

Хизгил Давидович был малоразговорчив, но когда возникал вопрос о прошлом, о его родном селе Нюгди, детстве, земляках, своих ровесниках, становился непревзойдённым рассказчиком.

Он очень любил своё родное село. Часто ездил туда для встречи со своими земляками, всегда интересовался их жизнью. Любил он рассказывать о своем детстве, о тяжелой жизни в те далёкие годы. С восхищением и благодарностью вспоминал своего отца, скорбил о том, что никогда не видел матери. Глядя на таких людей, убеждаешься в правоте слов Н.Добролюбова:

«... Характер не рождается с человеком, а приобретается им во время воспитания, устанавливаясь окончательно в последующих треволнениях...»

Хизгил, мне кажется, был очень чувствительным человеком. Уход из жизни супруги не мог не отразиться на его здоровье. Он перестал быть «моржом». Вообще не ходил на море. Стал еще менее разговорчивым и потом слёг надолго. Я часто навещал его. Мы беседовали. Вспоминали войну, говорили о литературе. Пожалуй, главной темой беседы становилась трагедия распада нашего великого государства СССР, где мы жили, работали, а когда злой враг напал на нас, пошли воевать. Не менее тяжело переносил Хизгил и то, что нынешние политики оболгали, очернили, оклеветали коммунистическую партию, членом которой Хизгил оставался до своего последнего дня.

Всё это не могло не отразиться на здоровье Хизгила.

Теперь несколько слов о творчестве Хизгила Давидовича. О его произведениях писалось немало. Литераторы, критики, журналисты подвергали анализу его произведения.

Хизгил дарил мне свои книги. Я читал их с интересом, можно сказать, с восхищением.

Повести, рассказы Хизгила не выдуманы, а взяты из жизни и потому они близки народу. И свое почетное звание «Народный писатель Дагестана» он носил абсолютно заслуженно.

Как известно, Хизгил писал на своём родном татском и русском языках. Я удивлялся, откуда у него такое блестящее знание русского языка. Ведь ему не пришлось учиться в вузах, защищать диссертации. Я не задавал ему такого вопроса. Но уверен, ему помогли многолетняя работа журналистом в разных русских редакциях, чтение книг на русском языке и, наконец, врожденный талант. Ведь, известно, что Максим Горький тоже нигде не учился, а стал всемирно известным писателем.

Хизгил начал свою творческую деятельность с очерков на злобу дня, которые печатались в газетах. Затем стали появляться рассказы, а потом и сборники рассказов, которые восторженно встречались читателем.

Хизгил вообще считается признанным мастером в таком трудном жанре, как короткий рассказ. Во всесоюзном конкурсе по короткому рассказу он занял первое место.

Я думаю, что главная причина успеха произведений писателя Авшалумова – глубокое знание жизни. Потом умение выстроить сюжет. И ещё – нарисовать образы героев короткими штрихами, живо описать природу и, наконец, использовать во всех произведениях юмор.

В качестве примера этого мастерства писателя, умения выводить образы персонажей на фоне природы хочу привести короткий отрывок из повести «Возмездие», изданной в Москве:

«... Вскоре Сосун и Шелбет ехали на фургоне, запряженном парой откормленных гнедых. Хорошо укатанная дорога была ещё мокра от предутренней росы. Сосун сидел на передке, держа в руках вожжи, а Шелбет, привалившись костлявой спиной к дощатому борту фургона, сосредоченно жевал беззубым ртом хлеб и

сыр, взятые из котомки Сосуна. В его куцей, уже позеленевшей от старости и свалывшейся бородке торчали мелкие соломинки: не имея постели, старик спал на соломенной подстилке...»

Вот такая великолепная вся проза Хизгила Авшалумова. Книги писателя широко известны не только в Дагестане, а во всей нашей стране. Он успешно работал и в области драматургии. Его пьесы шли в нескольких театрах республики.

Незадолго до смерти Хизгила Давидовича у него вышел из печати в Москве прекрасно оформленный сборник его самых популярных новелл «Похождения хитроумного Шими Дербенди». Он радовался, дарил книгу друзьям с теплыми автографами, как будто готовился к вечному прощанию.

Да, Хизгил Давидович Авшалумов оставил большой след в литературе и добрую память о себе как о человеке талантливом и благородном.

2002 г.

*Магомед-Султан Яхъяев,
народный писатель Дагестана*

ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Но специфике моей работы (более 30 лет я возглавлял Гостелерадиокомпанию «Дагестан») мне посчастливилось встречаться, общаться, дружить со многими выдающимися поэтами, писателями, учеными, деятелями культуры и искусства. И среди тех, кто произвел на меня огромное впечатление, оставил глубокий след в моей памяти – Хизгил Давидович Авшалумов.

Впервые я его увидел и познакомился в начале 50-х годов в редакции газеты «Дагестанская правда». Он выделялся среди сотрудников газеты своей выправкой, осанкой, манерой держаться собранно, подтянуто. У этого на вид сурового, нелюдимого человека было щедрое, доброе, отзывчивое сердце, излучающее тепло и свет, любовь к жизни и веру в лучшее будущее. Он был готов прийти на помощь любому, кто нуждался в ней.

Сегодня, вспоминая Хизгила Давидовича, мы прежде всего думаем о роли, значении литературы в жизни народа, о тех сотнях и тысячах людей грядущих поколений, которым доведется впервые открыть страницы Авшалумовских книг, удивиться народной мудрости его героя Шими Дербенди.

Судьба дагестанского юмора, литературной сатиры тесно связана с журналистикой. Это особенно наглядно проявилось в деятельности Х. Авшалумова. Более десяти лет он работал в редакции газеты «Дагестанская правда». На ее страницах регулярно печатались не только статьи и очерки, но и сатирические, юмористические произведе-

дения Х. Авшалумова. Критики, читатели встречали их с большим интересом, их подкупали актуальность и лаконизм изложения. Но дело не только в краткости, для настоящего художника она никогда не является самоцелью. В произведениях Х. Авшалумова явственно виден эпицентр смешного, главного – он там, где пересекаются события, сталкиваются обстоятельства.

Чем объясняется популярность, притягательность произведений Х. Авшалумова? На мой взгляд, ответ на этот вопрос кроется не только в литературном таланте автора, но и в глубоком знании жизни, психологии, обычаев своего народа, в правдивом, высокохудожественном их отражении. Х. Авшалумов стал поистине народным писателем, затронув в дагестанской душе самое потаенное и светлое. Он кропотливо собрал произведения устного народного творчества и издал первый сборник татского фольклора. Его произведения были изданы на немецком, английском, французском и других языках.

В своих прозаических, поэтических, драматургических произведениях Х. Авшалумов правдиво показал великие, драматические события своего сурового, противоречивого времени. Его рассказы, стихи, пьесы, повести – высокая поэзия жизни, поэзия мудрости, добра, любви к своему очагу, своему народу, Дагестану, Советскому Союзу, России.

Х. Авшалумов до конца выполнил свой патриотический долг. В годы Великой Отечественной войны он, не щадя жизни, воевал с фашистами. Был заместителем командира кавалерийского эскадрона, дважды был ранен. День Победы встретил в Берлине.

К каждому человеку хоть раз в жизни приходит его весна. И каждый навсегда сохраняет ее в недрах своей памяти. Такой весной для Хизгила Давидовича была весна 1945 года. Об этом он говорил с особенной душевной теплотой и понятным волнением.

Хизгил Давидович был не только талантливым писателем, журналистом, но и Человеком с большой буквы. Из множества примеров, подтверждающих вышесказанное, приведу один. Нам надо было организовать радиовещание на татском языке. Легко сказать: «надо было». Не было хотя бы мало-мальски подготовленных кадров. Искали людей хотя бы умеющих читать и писать на татском языке. Словом, на пустом месте приходилось создавать редакцию. Об этих наших проблемах я поведал Хизгилу Давидовичу. Более трех месяцев он подбирал, обучал молодых работников татской редакции, сам готовил передачи, выдавал их в эфир. И когда я попросил его зайти в бухгалтерию получить гонорар, он с улыбкой посмотрел на меня и твердо сказал:

– Магомед! Это мой прямой долг перед моими земляками. Мы с тобой давно друзья. Когда другу нужна помощь, оказать ее – святая обязанность друга. И за это гонорар не полагается.

Так поступили бы немногие.

Во всем Хизгил Давидович был чрезвычайно скромным, порядочным, чистым и честным человеком. На больших собраниях, встречах он бывал очень сдержан и даже застенчив, но, будучи среди друзей, которым он полностью доверял, он был открыт и доступен. У него была очаровательная манера поведения.

Хизгил Давидович оставил нам бесценное духовное наследие. Сказанное и написанное им о своем времени – суровая правда. Но в ней нет и тени безнадежности. В ней – глубокая вера в родную страну, в ее народ. Про таких, как Хизгил Давидович, давно и мудро сказано: он делал все, что мог, и все, что мог, – сделал. И сделанное Х. Авшалумовым навсегда останется с нашим народом, как золотая нить, связующая наше прошлое с будущим и помогающая человеку в самые трудные минуты его бытия.

2013 г.

*Магомед Гамидов,
народный поэт Дагестана*

СЛОВО О ДРУГЕ

Это был добрый, скромный, неутомимый труженик пера, фронтовик. Но если бы Хизгил Давидович за всю свою долгую жизнь не написал ни одной строки, он бы всё равно заслужил бы в моём сердце Любовь и Преклонение. Он любил жизнь, принимал её со всеми радостями и горестями спокойно и мужественно. Он никогда не роптал, был преданным супругом, любящим отцом двоих дочерей, которыми мог бы гордиться любой глава семьи. Любил солнце, в летнее время загорал на пляжном песке, не боялся и холода – в морозную стужу превращался в «моржа». Он пел, сладостно звучал его бархатный баритон под мелодии родных татских и азербайджанских песен.

Он был хлебосольный, гостеприимный, но терпеть не мог пьянства. В своих миниатюрах о Шими Дербенди, как бы смеясь над пороками, старался избавиться от них общество.

Он был большой эрудит. Я в этом убеждался неоднократно. Но об одном случае хотелось бы вспомнить. Однажды Хизгил Давидович позвонил мне и пригласил на обед. За столом сидели две милые женщины, одна – наша преподавательница вуза, другая – гостья из далекой Франции, филолог, работавшая в области кавказских языков и обычаев. Француженка внимательно слушала хозяина дома и торопливо записывала интересные факты, поражаясь научным познаниям моего друга. А я, не выдавая своего профанства, молчал и

глядел на них как баран на новые ворота. Француженка прекрасно владела русским языком, но я был удивлен не только этим. Когда мы проводили приятных гостей, я восторженно отозвался о красоте и манерах держаться за столом великолепной мадам. Хозяин улыбнулся и лукаво спросил:

– А ты знаешь, кто эта мадам? Это далеко не простая мадам. Это – правнучка самого Карла Маркса. – У меня отвисла челюсть. Придя в себя, я все же спросил:

– Интересно, а каковы её политические взгляды?

– Судя по всему, антимарксистские, – заключил мой незабвенный Хизгил Давидович.

Последние годы он часто болел, но не бросал пера. Сидел, отстукивал на пишущей машинке новое сочинение, делал небольшие интервалы в разобранной постели. И снова стучал пишущей машинкой.

Он ушел смиренно, тихо, с улыбкой на лице.

2001 г.

Нариман Алиев,
писатель

ДОБРЫЙ, ИСКРЕННИЙ И ЧЕЛОВЕЧНЫЙ

Доброту Хизгила Авшалумова я узнал, еще будучи школьником. Мне так понравился его рассказ «Встречи у родника», переведенный на аварский язык и напечатанный в хрестоматии, что я написал ему письмо в Союз писателей с просьбой прислать книгу с автографом. Если честно сказать, то такие письма писали раньше многим писателям, но на них не все отвечали.

Хизгил Давидович мне ответил и даже нашел для меня теплые слова, написав, что он надеется, что я тоже стану писателем и при встрече он обязательно подарит мне книгу. Для меня это было большой радостью. Когда после окончания Литературного института я стал работать оргсекретарем Союза писателей Дагестана, я напомнил Хизгилу Давидовичу о его давнем обещании подарить мне книгу. Он очень удивился и сказал, что не помнит об этом обещании. Тогда я рассказал ему о своем письме и его ответе, который он мне прислал несколько лет назад. Хизгил Давидович озарился своей бесподобной улыбкой и тут же где-то отыскал книгу, на которой поставил свой автограф.

С этого дня мы с Хизгилом Давидовичем подружились, хотя слово подружились не совсем подходит к тем нашим отношениям. У Авшалумова были великие друзья – Расул Гамзатов, Ахмедхан Абу-Бакар, Муса Магомедов, Юсуп Хаппалаев, Омар-Гаджи Шахтаманов,

Магомед Сулиманов, Аткай, Анвар Аджиев и другие выдающиеся писатели Дагестана, цвет нации и национальной литературы, но и ко мне Хизгил Давидович относился с искренней добротой. А я к нему относился с большим уважением и почтением.

Мы все знали, что он фронтовик, кавалерист, на теле которого были следы от ран, блестящий офицер, красивый и благородный человек.

Хизгил был великим дагестанцем, интернационалистом. В советское время очень редко задевали людей по-национальному признаку. Но был один случай, когда к Хизгилу Давидовичу и ко мне, как к оргсекретарю Союза писателей, пришла с жалобами одна татка, что кто-то из наших писателей, задел ее национальное чувство.

Я до сих пор помню ее слова: «Какая разница, что один аварец, другой даргинец, третий евреец»... Так и сказала – «евреец». Мы с Хизгилом Давидовичем встретились с ней, поговорили... Выяснилось, что это элементарная бытовая ссора, где наш писатель сгоряча перешел на национальности. Писатель этот потом извинился перед ней, а она почувствовала себя счастливой, что познакомилась с лучшим из татов Дагестана – Хизгилом Авшалумовым.

Меня всегда умиляло отношение Хизгила Давидовича к своим друзьям. Как они беседовали при встрече, как радовались, как поддерживали друг друга! Особенно помню дружбу Хизгила Давидовича с Магомедом Сулимановым, тоже фронтовиком, замечательным писателем и человеком. У них была какая-то особая любовь друг к другу.

А вот еще один случай из той нашей бурной писательской жизни. Многие, особенно молодые писатели, часто подшучивали над аварским поэтом-баснописцем Гаджи Заловым, в шутку критиковали его творчество. А Хизгил Давидович всегда подчеркнуто

хвалил Залова и его творчество, и тот был по-детски счастлив. Он без конца повторял: «Понимаете, эту басню похвалил сам Хизгил Авшалумов, секретарь парткома Союза писателей, один из лучших наших юмористов. А вы, понимаете, что-то не то говорите».

Мне посчастливилось несколько лет работать рядом с Хизгилом Давидовичем, встречаться с ним на собраниях, съездах Союза писателей, слушать его выступления.

Неторопливая, насыщенная внутренней добротой и человечностью речь Хизгила Авшалумова производила большое впечатление на всех, кто его слушал. Он не суетился, не жестикулировал, а доводил до слушателей свои слова без крика и шума, с каким-то чувством внутреннего доверия, с достоинством человека, прожившего безукоризненную писательскую и человеческую жизнь.

Талантливейший юморист, создатель бессмертного Шими Дербенди, Хизгил Авшалумов был задумчивым, спокойным, интеллигентнейшим и человечнейшим человеком. Его читали во всем Дагестане и за его пределами.

Приезд Хизгила Авшалумова в любой уголок Дагестана становился праздником для простых людей.

Хизгил Давидович излучал тепло сердца, он мгновенно становился своим для многих.

И сегодня, когда читаешь Хизгила Авшалумова, еще раз убеждаешься, что он был и остается большим писателем с огромным и добрым сердцем.

Его творческое и человеческое поведение стало примером для меня на всю жизнь.

Когда я поднимаюсь по ступенькам Союза писателей, у меня иногда бывает такое ощущение, что сейчас откроется дверь кабинета Расула и вместе с ним выйдут в коридор Хизгил, Ахмедхан, Муса, Магомед Сулиманов,

Аткай, Анвар, Омар-Гаджи и другие наши выдающиеся писатели.

Для меня они всегда живы.

Жив и Хизгил Давидович Авшалумов – один из лучших сынов Дагестана, мужественный воин, неповторимый писатель, замечательный друг, великий интернационалист.

2012 г.

*Магомед Ахмедов,
народный поэт Дагестана*

ОН УЧИЛ НАС ГЛУБИННЫМ ВЕЩАМ

Что сказать, падох наш брат-литератор на скороспелые литературные, а в наши дни и чиновничьи воспоминания. И произносятся щедро слова хвалебные в превосходной степени не к месту и без надобности. И стираются слова, словно старые монеты, теряя новизну и первозданность. А ведь предки нас учили: «Настоящее слово стоит скакуна».

Я хорошо знаю, что при жизни Хизгил Давидович Авшалумов не нуждался ни в моем, ни в чьем бы то ни было славословии. В этом не нуждается и его творчество после его смерти. Творчество Хизгила Давидовича дошло до сердца народа и закрепилось в его сознании.

Но мне посчастливилось в течение многих лет пользоваться добрым отношением Хизгила Давидовича, его дружеским расположением. Не берусь утверждать, что я это заслужила. Я сейчас не об этом, не о моих заслугах. Из истории литературы мы знаем много случаев, когда большие художники, личности добросклонно, бережно относились к своим, порою не всегда заслуживающим такого отношения, собратьям. Помня это, я сегодня имею смелость сказать свое слово любви и признательности о замечательном старшем друге, знакомством с которым я гордилась всю жизнь.

Я не могу винить судьбу в том, что она лишила меня радости общения с настоящими талантами, с крупными писателями – современниками. Я пользовалась и пользуюсь добрым отношением многих из них. Я дружила

с Анваром Аджиевым, с этим молчаливым мудрецом, с неповторимым Аткаем, с великим гуманистом Шах-Эмиром Мурадовым, с человеком-гигантом Магомедом Сулимановым, со скромным и преданным пахарем дагестанской прозы Мусой Магомедовым и др. Их уже нет среди нас. Дружу нынче с Рашидом Рашидовым, Юсупом Хаппалаевым, Муталибом Митаровым и др. и не боюсь признаться, что была и являюсь их ученицей.

При жизни Хизгила Давидовича я не осмелилась бы назвать себя его ученицей. Быть ученицей такого писателя – ответственное дело. Но то, что он жил среди нас, мы имели счастье общаться с ним, слушать, читать его – это уже было школой для нас.

Я лично считаю, что это было счастьем, которого, к сожалению, я лишилась.

Более чем 16 лет я жила в ближайшем соседстве с Хизгилом Давидовичем, с этим обаятельным, мудрым, талантливым человеком. Я полюбила его, и эта любовь и уважение навсегда остаются со мной. Остается она и с моими детьми.

Мы с моим покойным мужем, дагестанским поэтом Алирзой Саидовым, жили на 5 этаже писательского дома, а на 4 этаже нашим соседом был Хизгил Давидович. Наша семья была большая (12 человек), шумная, с утра до вечера кричали, бегали, прыгали дети. В наспех сданном доме ходуном ходили паркетные полы. Наша большая семья не имела средств нанять мастеров для ремонта. Ремонт делал сам Алирза в свободные от работы и творчества часы. Нетрудно представить, какой стук, гам-шум, треск стояли постоянно. И каждый раз, встречаясь с тактичным, добрым соседом, я и мои дети, смущенно поздоровавшись, виновато опускали глаза.

И другое. Я была молода, в литературной среде довольствовалась ролью жены поэта, и отношения с писателями складывались через Алирзу; так что, не могу сказать, что все эти годы соседства с Хизгилом Давидо-

вичем я с ним близко дружила и была его единомышленником.

Это стало позже. Рано ушел из жизни Алирза. Я стала работать в Союзе писателей Дагестана, стала ежедневно общаться с дагестанскими писателями, ездить с ними на выступления.

Мое общение с Хизгилом Давидовичем не ограничилось случайными встречами. Мы много раз ездили по Дагестану, особенно по Юждагу, попадали в самые неожиданные переплеты, уставали, беседовали, выступали перед народом. Об этих встречах много можно говорить, но суть их выражается в том, что со временем я поняла, что приобрела большого друга и единомышленника. Мне кажется, что общение наше не закончится, пока я живу. Я и сейчас беседую с ним, еще и еще раз возвращаясь к его памяти и к его мудрым книгам.

Эти беглые воспоминания я пишу сегодня не потому, что об умерших принято говорить только хорошее, а потому, что благословенна память людей, и очень важно быть верным истине. Я уже говорила, что Хизгил Давидович не нуждается в ложной славе. Его требовательность к себе и к своему творчеству, его человечность и совесть, эрудиция и скромность исключали всякую фальшь.

Общаясь с Хизгилом Давидовичем или говоря о нем, о его творчестве, я каждый раз боялась высокопарных слов. Боюсь и сейчас, когда осмелилась писать о нем – народном писателе Дагестана, в самом истинном значении этого слова. Многим сейчас присвоено это высокое звание официально, но Хизгил Давидович – один из самых лучших и достойных.

Опыт крупного художника – это всегда школа для его современников, ибо художников, свободных от влияния, опыта предшественников и старших современников, не бывает. Все мое поколение, так или иначе, училось у Хизгила Давидовича.

Но сегодня, когда и у меня за плечами определенный жизненный и литературный опыт, и о моем творчестве пишут дипломные и диссертационные работы, ни один из литературоведов не заметил влияния на мое творчество Хизгила Давидовича. Это происходит потому, что я пишу в жанре поэзии, а Хизгил Давидович писал прозу (хотя он же писал и поэзию, и драматургию). А сама я точно знаю, как старательно и многому я училась у Хизгила Давидовича. Я училась у него глубинным вещам, таким как народность в подлинном смысле слова, четкость авторской позиции, значительность факта, поступка и т.д. Он, сын дагестанского крестьянина, достиг вершин культуры, прекрасно знал восточную и европейскую литературу, искусство и слушать его всегда было наслаждением. Тем более, что он был лишен всякого аскетизма, снобизма и прочих «измов». При всей его серьезности он имел характер общительный, любил застольную беседу, поездки, веселый смех и юмор. Даже за обычным дружеским столом значимость его слов и поступков все замечали, и, как правило, все сказанное до него, как мелкое, незначительное, отодвигалось, когда начинал говорить Хизгил Давидович. Нет, он не старался произвести впечатление. Он любил людей, имел широкую и добрую душу, был тактичен и учтив. Его обаяние действовало на всех. Более тонкого, деликатного писателя в нашей среде я не припомню.

Хизгил Давидович никогда не суетился, его совсем не заботила популярность, он спокойно жил, работал, знал цену творческому труду.

К сожалению, в 60 – 70-е годы многих наших авторов душила риторика в самом плохом ее смысле, кто-то увлекся голым назиданием, иные становились в позу философов. А писать о том, что лежало рядом, видит глаз и сердце, волнует душу, считалось примитивизмом. Помню, на одном из выступлений в Каспийске у нас чуть не возник конфликт с одним амбициозным поэтом. Я

прочла стихи про тетю Рукият с натруженными руками, приехавшую к нам из селения с весенней крапивой для чуда и которая была сама, как весна. Амбициозный поэт с пренебрежением заметил незначительность темы моего стихотворения. Это было бестактно, но полемика не состоялась. Разумеется, я была смущена, и кто знает, какой червь сомнения зародился бы в моей душе, не окажись рядом мудрый Хизгил Давидович. Видя мою взволнованность, он миролюбиво погладил мою руку, затем с большим тактом предложил послушать его. Он не стал ни с кем полемизировать, никого винить или защищать, а прочел стихи «В кабинете Гитлера». Все точно, правдиво, убедительно; слова взвешены и проверены памятью и сердцем. Не внешний блеск, а большая внутренняя сила, высокая точность обобщений. Взятие Берлина, штурм Рейхстага, портрет Гитлера под ногами советских солдат, факт, ставший эмоциональным зарядом. Это было близко моим представлениям о поэзии. Хизгил Давидович стал мне близким, я нашла в нем единомышленника. После мы не раз оказывались в компании того амбициозного поэта, и он каждый раз говорил Хизгилу Давидовичу: «Значит, по-твоему, Хизгил, я абстрактно философствую?». Таких и других, самых разных случаев было много и все они были нравственными и творческими уроками для нас.

Читая Хизгила Давидовича, понимаешь главное - каждый крупный писатель нужен человечеству, если он приходит от родной колыбели, родника, очага, земли, языка.

Многие национальные, и в том числе дагестанские, писатели не устояли перед декоративностью, украшательством своих произведений, стараясь выдавать это за национальный колорит. На самом же деле таким методом они прикрывали отсутствие мысли и мастерства. Все это говорило о малообразованности, о творческой беспомощности и бессилии подобных авторов, об отсутствии

ответственности также. Своим творчеством Хизгил Давидович доказал, что большим мастерам творчества некогда заниматься мишурой и клоунадой, у больших писателей – большая простота и большая естественность, а это недоступно окололитературным явлениям.

Давайте посмотрим, как Хизгил Давидович назвал свои книги: «Судьба Сосуна», «Дочь пастуха», «Жена брата», «Шими Дербенди», «Сказание о любви», «Фамильная арка», «Гюльбоор», «Встречи у родника» и т.д. Как видите, названы просто и даже тихо, спокойно и без притязаний. И все такое до боли знакомое и родное. Это говорит о силе духа и уверенности в себе автора, о четкости позиций его, о ясности цели, о причастности к живущим рядом с ним людям.

Хизгил Давидович уважал и любил людей, среди которых он жил и для которых он работал. Он писал просто и естественно, ибо хотел быть понятым людьми, с которыми он радовался и с которыми страдал. И все это ему было дорого.

Сын сельского труженика, прошедший задымленные поля войны, художник-боец, художник-человеколюб, Хизгил Давидович стал нашим национальным достоянием.

Где-то я читала, что в древней Японии художник, добившись известности и признания своего имени, брал новое имя или псевдоним и начинал работать вновь. Так он работал до тех пор, пока новое имя не становилось признанным. Говорят, некоторые художники древности добивались за жизнь признания трижды. История поучительная.

К Хизгилу Давидовичу – нашему незабвенному «Шими Дербенди» – эта история имеет самое прямое отношение.

2010 г.

*Ханбиче Хаметова,
народный поэт Дагестана*

ЧЕЛОВЕК ЯСНОЙ ДУШИ И ЧИСТОГО СЕРДЦА

Я бесконечно счастлива, что мне довелось знать и общаться с такой совершенно незаурядной личностью – писателем, человеком, гражданином, каким был Хизгил Давидович Авшалумов.

Стоит только заговорить о нем или вспомнить что-то связанное с ним, как тут же в моем воображении возникает его неповторимый образ, всегда с ясным светлым взором и доброй улыбкой.

Хизгил Давидович глубоко и проникновенно видел мир, жизнь, людей. Как человека беспредельной порядочности и чистоты, его глубоко ранили всякая фальшь, изъяны человеческой души. Однако сам он и в творчестве и в общении с множеством различных людей во всем и всегда проявлял искреннюю любовь и доброту к простым людям, к своей малой родине – Дагестану и к своей большой отчизне – России. Эти качества нельзя было отделить от его редкой разносторонней натуры. Хизгила Давидовича всегда волновали все аспекты человеческого бытия. Он осмысливал жизнь через тонкий юмор, умел проникать в глубины человеческой души, видеть и замечать ее тончайшие движения, сопереживать.

И это удавалось ему благодаря богатому жизненному опыту, мудрости, пронизательности, уже не говоря о творческом даре, ниспосланном ему свыше. Как человек большой культуры, высокой нравственности, он был истинным патриотом и интернационалистом.

Тому подтверждение – его замечательное творчество, охватившее многие стороны человеческой жизни, и вся его жизнь.

Хизгил Давидович прошел суровую школу жизни. Прошел через огненный ад Великой Отечественной войны, смотрел смерти в глаза, видел, как гибли его фронтовые товарищи, сам чудом уцелел после серьезного ранения. Он олицетворял самые высокие человеческие качества и, естественно, более всего ценил их в людях.

Хизгил Давидович еще в далекие шестидесятые годы не раз бывал в нашем доме, общался с моей мамой – Разият Алмаксудовной Хизроевой. Он написал о ней трогательный очерк: о том, как в годы гражданской войны в Дагестане она возвращалась с двумя партизанками из Левашей, где находился Совет обороны и куда она ездила, чтобы доставить мужу – Магомет-Мирзе Хизроеву секретные документы. На обратном пути они были задержаны белогвардейским отрядом. В Темир-Хан-Шуру они также везли важные сведения. Об этом эпизоде в те времена упоминалось в центральных изданиях. Все это могло завершиться трагически для моей мамы и ее спутников, однако обошлось все благополучно только благодаря силе дагестанских традиций, по которым запрещалось задеть или обидеть женщину, прикоснуться к ней. Командир отряда услышал слова Разият на аварском языке, обращенные к уже разоруженным партизанам с просьбой, если кто-либо из отряда посмеет подойти к ней, чтобы они убили ее ударом камня в висок. Тогда командир отряда во имя адата встал на защиту женщины, чуть не поплатившись за это жизнью. Это был офицер белой армии, известный как очень мужественный и благородный человек, полковник Магомед Джафаров.

Хизгил Давидович, видимо, слышал или читал об этом случае и в силу широты своего интеллекта заинтересовался им и решил узнать о нем подробней. Я видела, как ему приятно было вести беседы с мамой. В ней

он сразу распознал человека весьма образованного и глубокого. Их беседы иногда затягивались и касались общечеловеческих проблем. Мама не раз говорила мне о большом обаянии, уме, душевной теплоте, эрудиции, редкой доброжелательности и простоте Хизгила Давидовича.

Позже мне посчастливилось более часто общаться с Хизгилом Давидовичем, и каждое такое общение согревало душу и приносило радость. А однажды, в конце 1986 года, я получила по почте от Хизгила Давидовича письмо. Я уже была на пенсии. Тогда только что вышла в свет моя книга о моем муже, военном летчике, Герое СССР Юсупе Акаеве «Исполненный долг». Я еще даже не успела подарить эту книгу Хизгилу Давидовичу, а он ее уже прочел. И ведь мог бы позвонить мне по телефону и высказать свое мнение. Но нет! Хизгил Давидович был человеком, который, если что-то задело его душу, затронуло ее струны, он не мог ограничиться телефонным звонком. Ему захотелось со всей искренностью поделиться своим впечатлением о книге. И он написал мне письмо и прислал его по почте. Оно растрогало меня до слез. Когда же после кончины незабвенного Хизгила Давидовича на доме, где он жил, устанавливали доску с его барельефом, рядом со мной стоял Расул Гамзатов, и я, вспомнив, рассказала ему о том самом письме, написанном мне Хизгилом. Расул тут же меня попросил, чтобы я передала его в «Дагправду» напечатать. Я согласилась и решила подождать какого-то подходящего момента. И так оно осталось. А сейчас я его приведу полностью.

«Дорогая Заира Магомедовна!

С большим вниманием и интересом прочел Вашу книгу «Исполненный долг». Закончив читать ее, я не сразу смог взяться за перо и написать Вам это небольшое письмо – настолько я был взволнован. Да и

когда печатаю эти строки, волнение меня не покидает.

Я Вашу книгу читал не только как читатель, но и как фронтовик, который не раз смотрел смерти в глаза, видел гибель своих фронтовых товарищей, сам чудом выжил после одной полученной тяжелой раны на войне.

Общее впечатление от книги очень хорошее. Написано так, словно автор сам все это видел, пережил, участвовал во всех этих событиях, драматических, героических, связанных с фронтовой жизнью Юсуна Акаева и его боевых товарищей. Вместе с Вами читатель восхищается их подвигами, испытывает глубокую скорбь, когда кто-нибудь из них погибает. И очень больно сознавать, что этот замечательный герой, прекрасный человек Юсуп Акаев так мало жил после Победы, ради достижения которой он так много сделал.

Книга написана с душой, с умом. Я себе представляю, сколько пришлось Вам работать, ездить, искать все эти документальные и другие материалы, включенные в книгу, без которых нельзя было написать ее.

Вы выполнили трудный и почетный долг перед памятью мужа-Героя, детьми, читателями. Такая книга тем более нужна потому, что у нас в дагестанской литературе, к сожалению, еще очень мало книг на военно-патриотическую тему, о наших героях.

Заира, нельзя ли было поместить стихотворение Гамзата Цадаасы, которое он написал во время войны о Вашем муже, в эту книгу?

От души поздравляю Вас с выходом этой книги! Лично я считаю, что было бы очень хорошо, если бы ее переиздали, притом большим тиражом и соответственно отметили.

С глубоким уважением к Вам

15/Х-86.

Хизгил Авшалумов»

Что же касается его слов «нельзя ли было поместить стихотворение Гамзата Цадасы, которое он написал во время войны о Вашем муже, в эту книгу?» – хочу пояснить. Эти стихи Гамзата, написанные им во время Отечественной войны о Юсупе Акаеве, мне прислал, когда я писала книгу, Гаджи Гамзатович Гамзатов. Они были на аварском языке. Я их отправила в Москву известному переводчику стихов Расула Якову Козловскому. Он очень быстро прислал перевод. Однако, к великому моему сожалению, перевод из моего дома исчез. Я припоминала, что кто-то из журналистов попросил их у меня переписать и не вернул, а кто это был, я не смогла вспомнить. И вдруг, через 15 лет я их прочла в сценарии к 80 -летию Ю.Акаева. От кого и как они попали к автору сценария, я выяснить не смогла, но факт, что именно там они прозвучали впервые, и я их, конечно, переписала себе. Если книга будет переиздана, о чем многие меня просят, там обязательно будут эти стихи Гамзата Цадасы, – ведь об этом просил меня и Хизгил Авшалумов.

2003 г.

*Заира Хизроева,
государственный
и общественный
деятель, публицист*

ЗАЩИТНИК ОТЕЧЕСТВА

Благодарен всем, проявившим инициативу издать книгу, посвященную памяти замечательного человека Хизгила Давидовича Авшалумова. В плеяду дагестанцев, заслуженно пользующихся глубоким уважением соотечественников за свое творчество, пронизанное чувством любви к Родине, входит и участник Великой Отечественной войны Х.Д. Авшалумов. Он имел непосредственное отношение к достижению Победы над фашистской Германией. Добыта она ценой величайшего напряжения на фронте и в тылу.

Капитан Авшалумов начал войну с ее первых дней, освобождал Северный Кавказ, Белоруссию, страну от фашистских войск, был в числе воинов Красной Армии, овладевших логовом фашизма в Берлине. Делился о том, как участвовал в заключительном штурме Берлина. До капитуляции врага на улицах этого города днем и ночью шли кровопролитные бои. Каждую улицу, каждый дом воинам родной армии приходилось брать штурмом. Рукопашные схватки происходили и под землей, в туннелях метро, в многочисленных подземных ходах сообщения: армия накануне победы неслла большие потери.

Преодолев тяготы военных лет и последствия полученных ранений, Хизгил Давидович активно участвовал во всех, связанных с военно-патриотическим воспитанием населения и подрастающего поколения.

В творчество писателя и общественного деятеля глубоко вошло идейное содержание, характерное для

него, – дух патриотизма и интернационализма. Помню, как заботливо относился он к своим соплеменникам, настойчиво оберегал их от расставания с родной для них Республикой Дагестан. Не переставал заботиться и о тех, кто выехал за пределы родины. Он пользовался в народе большим авторитетом и уважением.

Каждая встреча с Х.Д. Авшалумовым, общение с ним доставляли душевное удовлетворение.

Он искренно любил Дагестан и радовался позитивным переменам в республике, глубоко переживал за издержки в общественно-политическом и социальном развитии.

Х. Авшалумов – известный писатель, журналист, верный друг, прекрасный собеседник и очень скромный человек. Он нам дорог и как активный член Союза ветеранов, который принимал участие во всех мероприятиях по патриотическому воспитанию молодежи.

Читатели республиканских газет помнят его яркие выступления, с глубокой убежденностью воспевавшие патриотические и интернационалистические ценности.

Хорошо, что его дочь Людмила, перенявшая от отца любовь к Дагестану, выносит на страницы этой книги воспоминания друзей об отце, верном сыне и народном писателе Дагестана. Пусть эта книга послужит добрым целям, миру, укреплению дружбы и благополучию в родном нашем крае.

В изданной в республике Книге Памяти под названием «Солдаты Отечества» в 10 томе на 52 странице есть строки, посвященные капитану Х.Д. Авшалумову, мужественному человеку, отстаившему Родину в Великой Отечественной войне и заслужившему высоких орденов и наград.

2013 г.

*О.М. Муртазалиев,
генерал-майор в отставке*

МОЕ СКРОМНОЕ СЛОВО О ХИЗГИЛЕ АВШАЛУМОВЕ

Хизгил Авшалумов – член Союза писателей СССР с 1940 года, народный писатель Дагестана, человек в высшей степени порядочный, у которого запас внутренней доброты был огромен. Живя некоторое время по соседству с ним, с его семьей, я имела возможность видеть и наблюдать эти его качества воочию.

Хизгил писал свои произведения не только на родном татском, но и на не менее родном русском языке. И тут надо сказать, что наряду с другими ведущими писателями – А. Абу-Бакаром, М.-Р. Расуловым, З. Зульфукаровым, М. Бахшиевым, К. Абуковым – Х. Авшалумов продолжил традиции национально-русского двуязычия, которое было зарождено в Дагестане давно и у истоков которого стояли Айдемир Чиркеевский, Довлет-Мирза Шихалиев, Гасан Алкадарский, Казем-Бек, а позднее – Алибек Тахо-Годи, Юсуп Гереев, Эффенди Капиев, Магомед Хуршилов. Благодаря этому, мы и имеем возможность читать многие произведения Авшалумова.

В частности, я наслаждаюсь, читая сборник его юмористических новелл «Хитроумный Шими Дербенди», который очень популярен в народе.

Такую же большую популярность имеет роман Авшалумова «Фамильная арка». Я его получила с автографом – «Славной дочери Дагестана, женщине с неувядаемой красотой, глубоким умом и большой внутренней

культурой, известному государственному деятелю, дорогой Розе Басировне Эльдаровой, с огромным уважением от автора – Авшалумов».

Книга читается легко и с большим интересом, ибо в ее основу положены правдивые, действительные события, происходившие в одном из известных городов Дагестана – Дербенте, начиная с предреволюционных лет и по 70-е годы прошлого столетия, со всеми непростыми, нелегкими перипетиями, особенно периода гражданской войны.

Читая роман, вместе с автором переживала я судьбу его героини – Марал, женщины очаровательно красивой, ставшей жертвой роковых для нее обстоятельств, злой людской молвы. Одновременно от души смеялась над трагикомическим происшествием, случившимся с другим героем романа, с братом ее покойного мужа – Эбоем, который преследовал и издевался над Марал: по существующим обычаям, она должна была перейти женой к этому ненавистному ей человеку, хотя у него уже было две жены. Воевал он в гражданской войне на стороне Деникина, и ему, слава Богу, одним выстрелом с вражеской стороны оторвало жизненно важный орган, которым он дразнил врагов, превратив его в одночасье в кастрата.

Все творчество Хизгила, преданного сына Дагестана, проникнуто большой любовью к своей родной республике. Бесконечно был влюблен он и в свой родной древний город – Дербент (который древнее «вечного города» Рима и воспетой Гомером в «Илиаде» Трои).

Как же хорошо знает Хизгил Давидович обычаи дагестанских татов, народный быт, обряды, традиции своего родного народа, своего родного села Ньюгди!

Еще до войны, работая научным сотрудником Института истории, языка и литературы Дагестанской базы АН СССР, сумел он собрать много материалов, связан-

ных с историей, этнографией, обычаями и традициями татов.

И как интеллигент, занимающийся творческим трудом, и очень деятельный человек, Хизгил также собрал и издал первый сборник татского фольклора и материалы по русско-татской терминологии. Это был ценный вклад в развитие родной культуры.

С болью рассказывал мне Хизгил, что рос он круглым сиротой, мать не помнит, а отец умер, когда ему было 13 лет. «И что было бы со мной, если бы не пришла Советская власть? – вопрошал он и сам же отвечал на этот вопрос: – Состоялся я при ней, при Советской власти».

И потому, бесконечно благодарный ей, безгранично любил он и свою большую Родину – Союз Советских Социалистических Республик, грудью защищал ее от врага в годы тяжелых испытаний.

Участник Великой Отечественной войны, он вернулся из армии, прослужив в ней 14 лет, на свою малую родину – Дагестан.

Думаю, движимый именно патриотическими чувствами, решил Авшалумов перевести на татский язык воспоминания генерального секретаря нашей партии Л.И. Брежнева, тоже от начала до конца прошедшего войну, – «Малая земля», «Возрождение», «Целина». Он хотел, чтобы татский народ знал эти произведения. И они действительно вышли в Махачкале отдельными книгами. Конечно же, не знал Хизгил, не ведал он, что не писал Леонид Ильич этих книг. Я то знала это, но не думала, что может быть правдой то, что он ни единого раза не встретился с теми, кто писал за него эти книги, чтобы сказать им хотя бы «спасибо». Но недавно подтвердили это по радио «Россия». Такие вот дела...

Всякие были дела на нашей малой и большой Родине, не все, что происходит, нам может нравиться. Но ни за что и ни за какие великие блага не могли бы и не хо-

тели поменять мы эту страну на другую. И Хизгил Авшалумов доказал это всей своей жизнью и всем своим существом.

Мне очень приятно сегодня быть в дружбе с обязательной, безупречно элегантной, прекрасно образованной дочерью Хизгила – Людмилой Авшалумовой, сам же он будет жить в моем сердце, пока оно бьется.

2005 г.

*Роза Эльдарова,
государственный,
общественный деятель,
писатель*

ЕГО НЕВОЗМОЖНО БЫЛО НЕ УВАЖАТЬ

Двух одинаковых писателей нет, как нет и двух одинаковых людей.

Когда мы говорим об Ахмедхане Абу-Бакаре, перед нами встает образ жизнерадостного, остроумного и компанейского человека, который одним своим появлением разряжает атмосферу неловкости и недоверия, делая микроклимат общения раскрепощенным, открытым и доверительным.

Когда говорим о Камиле Данияловиче Султанове, перед нами встает образ степенного, вдумчивого и наблюдательного человека, при встрече с которым невольно становишься собранным и внимательным, чтобы не попасть впросак, помня о том, что его дальновидный ум довлеет над тобой.

Когда говорим о Хизгиле Давидовиче Авшалумове, перед нами встает образ всегда безупречно одетого импозантного мужчины, знающего цену людям и себе и ведущего себя со всеми на равных независимо от их социального положения, национальной принадлежности и вероисповедания.

Жизнь Хизгила Авшалумова была насыщенной значительными событиями, многосложной и многотрудной, но примечательной во всех отношениях. Один тот факт, что с первых дней Великой Отечественной войны до самой победы над фашистской Германией он прошел боевой путь воина-освободителя, а потом все годы своей жизни был активным строителем мирной

созидательной жизни, уже сам по себе говорит о многом.

Он был одним из тех редких людей, который говорил то, что думал, делал то, что говорил. Терпеть не мог фальши, но не спешил уличить человека, осудить его. Тактичными, наводящими вопросами склонял собеседника к самоанализу, и все менялось вроде бы само собой. Невозможно было представить себе, чтобы он вышел из себя, задел чью-то честь, оскорбил кого-то. В этом смысле в нем было что-то от всемирно признанного интеллигента Чехова.

Встречаясь и общаясь с ним, трудно было предположить, что ты имеешь дело с известным юмористом республики, автором нашумевшей книги «Шими Дербенди», множества юмористических рассказов. Он всегда держался терпеливо, давая возможность высказаться другим. Только изредка, со скрытой лукавой улыбкой и как бы между прочим, бросал реплику, свидетельствующую о том, как внимательно слушает он собеседника. Хизгил Авшалумов не был спорщиком, но и не держался соглашательской позиции, вытекающей из равнодушия к тому, что говорит собеседник. Он давал возможность человеку обрести уверенность в себе.

Не могу сказать, что с ним легко было дружить. Потому нелегко, что надо было постоянно контролировать себя, помнить о том, что он может не одобрить тебя, если дашь слабину.

Зато, если ты дружил с ним, мог быть уверенным в его верности, в его поддержке и отеческой опеке.

Да и героев своих произведений он наделял лучшими чертами своего характера. Пишет ли он о семейной арке, о жизнелюбе и балагуре Шими Дербенди, о толмаче имама, – всюду и везде наличествует хизгиловский дух: человек может оказаться как в простых, так и в сложнейших ситуациях, но чувство чести и собственного достоинства не должно покидать его. В этом и за-

ключается тот большой нравственный заряд, который несут в себе произведения Хизгила Авшалумова.

Есть люди, которых не обязательно уважать. Есть такие, которых надо уважать. Но есть и такие, которых невозможно не уважать.

Хизгила Авшалумова невозможно было не уважать.

2009 г.

*Магомед-Расул,
народный писатель Дагестана*

ОТЕЦ НАРОДНОГО ГЕРОЯ

Впамяти каждого человека есть немало людей, которых он помнит, вспоминает с благодарностью, хочет как-нибудь встретиться и сказать сердечные теплые слова, но каждодневная суета поглощает его время, вместе с ним и благие намерения. И вдруг кто-то из таких людей уходит навечно в мир иной. Скажи каждый из нас, не откладывая, хорошие слова доброму или дорогому человеку, возможно, они жили бы дольше. Ведь благодарность, как ничто иное, способна согревать сердца людей. Но между намерением и усилием часто существует большое расстояние. Когда уже ничего нельзя исправить, приходит раскаяние.

В моей памяти тоже есть люди, которых я очень люблю или уважаю искренно, или благодарна за помощь в беде, или ценю за преданность. Я тоже хочу выразить свои чувства теплыми словами, они уже готовы в моем сердце, но часто не успеваю.

Вот так я рассталась с одним из основоположников современной дагестанской литературы, народным писателем Дагестана Хизгилом Авшалумовым. Он был удивительно добрым и спокойным человеком. Ни творческая среда, в которой имеет место соперничество, ни тяжелая фронтовая жизнь, ни ранения, ни раннее сиротство, которое лишило его тепла и ласки родителей, ни семейно-бытовые заботы не разрушили целостность его натуры, не уменьшили его природную доброту и оптимизм.

Мне часто приходилось вместе с ним выезжать в командировки, участвовать в Декадах литературы, видеть и слышать, как он выступает перед большим залом. Особенно хорошо познается человек в дороге. В пути бывает всякое. Если твои товарищи ненадежны, то поездка будет не из приятных. А с Авшалумовым дорога всегда бывала удачной. Его простота, веселость, мудрость и надежность были тому порукой, хотя и по возрасту, и по регалиям, и по количеству изданных книг он был на целую голову выше нас.

Почему я начала свою статью о писателе с характеристики его как человека, а не творческой личности? Потому что Хизгил Давидович был одинаково талантлив и как писатель, и как человек. Его обаяние запомнилось, вызывало приятное удивление. Вот такой был Хизгил Авшалумов, признанный мастер прозы и отец народного героя Шими Дербенди.

Почему отец? Потому что он своим сердцем и своим воображением породил на свет этого героя, удачно придал ему национальный колорит татов и вывел на большую дорогу литературы.

А почему герой народный, если у него есть конкретный родитель? Потому что герой под именем Шими Дербенди из многочисленных новелл автора, вобрав в себя истинно народные черты характера – жизнелюбие, неиссякаемый юмор, смекалку, острый ум, трудолюбие, нетерпимость к подлости и высокомерию, обману и лицемерию, и сам был не лишенный недостатков. Рядовой колхозник Шими Дербенди, неунывающий и насмешливый, порой и наивный, на самом деле, пришелся по душе читателям. Об этом герое заговорили после выхода новелл отдельной книгой на русском языке в 1982 году критики, ученые-литературоведы, признанные мастера слова. Положительные оценки почитателей таланта автора печатали в те годы газеты «Дагестанская правда», «Советская культура». Журналы «Наш совре-

менник», «Советская литература» напечатали цикл новелл о Шими Дербенди.

Успех образа Шими некоторые видели в том, что таты, из которых вышел герой, живут в древнем городе Дербенте, где есть крепость Нарын-кала, горы, море, солнце, вино, фрукты, известная торговая дорога, соединяющая Азию и Европу, что таты говорят на одном из диалектов фарси, на котором писали прославленные поэты средневековья.

Вот так Шими Дербенди, герой новелл Авшалумова, стал знаменитым и народным.

Хизгил Давидович – автор не только новелл, его перу принадлежат рассказы, повести, пьесы, поэмы. Еще в 1959 году, когда Авшалумов участвовал во Всероссийском творческом семинаре рассказчиков в Подмоскovie, его рассказы получили заслуженное признание, похвалил их и председатель правления Союза писателей РСФСР Леонид Соболев во время Декады дагестанской литературы в Москве в 1960 году.

Повести «Фамильная арка», «Возмездие», «Кушак бездетности» тоже получили признание читателей. В них отражены борьба и чаяния, обычаи и традиции, жизнь и труд земляков автора.

Историческая драма писателя «Толмач имама», где описана народно-освободительная борьба дагестанцев, ставилась на сценах государственных музыкально-драматических театров республики.

Заметил Авшалумов и судьбу сильной женщины, своей односельчанки Гюльбоор Давыдовой, Героя Социалистического Труда, матери двух погибших на войне сыновей. Он посвятил ей поэму.

Родина достойно оценила заслуги Хизгила Авшалумова. Он награжден орденом Великой Отечественной войны I степени, орденами «Знак Почета», «Дружба народов», медалями «За боевые заслуги». Ему присуждены почетные звания «Народный писатель Дагестана»,

«Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Х. Авшалумов – лауреат премии им. Сулеймана Стальского.

Добавим ко всему и то, что Хизгил Давидович был прекрасным семьянином: вырастил и воспитал двух дочерей и внуков. Старшая дочь Людмила, профессор, долгие годы работала первым проректором Даггосуниверситета, зав. кафедрой. Трижды избиралась членом Государственного Совета РД, депутат Народного Собрания РД. От отца она унаследовала много хороших качеств.

Х.Д. Авшалумов был достойным сыном не только Дагестана, но и всей страны. Четырнадцать лет своей жизни писатель отдал защите Родины, был дважды ранен. После армии он служил стране другим оружием – своим талантливым пером.

Светлая память о Человеке с большой буквы навсегда сохранится в сердцах его друзей и почитателей.

2010 г.

*Бийке Кулунчакова,
народный поэт Дагестана*

ВОСПОМИНАНИЯ ПОД УНЫЛЫЙ СТУК КОЛЕС ЖИЗНИ

(ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ХИЗГИЛА АВШАЛУМОВА)

«Звездное небо над головой и нравственность в нас – пугающая загадка», – писал Л.Н.Толстой. Не исключено, что великий мыслитель с неменьшей тревогой думал и о природе человеческой памяти – откуда она и вечна ли, как небеса?

Комплекс этих вопросов порожден двуединством «жизни и смерти человеческой». Человеческая жизнь сродни пассажиру поезда дальнего следования. Одни сходят с него раньше, другие – чуть позже. Не обо всех мы думаем с болью, да и недолго храним в памяти. Память выборочна и прочна лишь тогда, когда теряем людей дорогих, с которыми срослись судьбы и души.

Хизгил Давидович Авшалумов несколько лет тому назад сошел с нашего «поезда», а я пока еду под унылый стук колес и часто думаю: «зачем?», т.к. с уходом таких людей, как Х.Авшалумов, мы становимся мельче, сиротливее и беззащитнее.

Каким был Хизгил Давидович? Свои впечатления я попытаюсь изложить ниже, но лучше начну со ссылки на Расула Гамзатова. Дело в том, что Х.Авшалумов продолжительное время работал консультантом Союза писателей Дагестана и неоднократно избирался секретарем партийной организации. И что примечательно: Расул Гамзатович никогда не называл Хизгила Дави-

довича «парторгом», а говорил о нем: «наша совесть». В совестливости, точнее – в обостренной совестливости, и была человеческая, гражданская суть писателя и коммуниста Х.Авшалумова.

Теперь о моем субъективном, сугубо личном восприятии Хизгила Давидовича.

Каждый ушедший от нас – каким бы разным он ни был! – в памяти закрепляется в характерном ему облике. Хизгил Давидович запомнился мне задумчивым, хотя и был человеком, Богом наделенным юмором (не едким, не царапающим!), ценил шутки, сам умел веселить людей и при всем этом – оставался грустно задумчивым.

В 1988 г. я перевел и издал отдельной книгой на русском языке пьесы классика дагестанской литературы Алим-паши Салаватова, чье имя носит Кумыкский государственный музыкально-драматический театр. Готовя предисловие, я обратился к Хизгилу Давидовичу с обычным в таких случаях вопросом: «Каким был Алим-паша в жизни?» Я знал, что они дружили и до войны вместе работали в Институте национальных культур (ныне Институт языка, литературы и искусств им. Г.Цадасы Дагестанского научного центра РАН).

– В те годы, – разъяснил мне Хизгил Давидович, – у входа в Институт дежурил вахтенный милиционер. И вот Алим-паша каждый день, когда разрешали ему вход в помещение (а во дворе Института ему предоставили хибарку), милиционеру говорил: «Большое спасибо!» Выходит, благодарил за то, что его пропускают на работу и к семье!

Почему запомнил Хизгил Давидович в натуре Алим-паши именно это? Потому что и ему самому в высшей степени было присуще чувство благодарения! Ведь они были самыми образованными для того времени людьми. Более того, олицетворяли будущее дагестанской

литературы и науки! Однако же – никакой кичливости, высокомерия...

Скромность.... В жизни я не раз встречал людей, играющих (мастерски!) в скромность и реже – подлинно, врожденно скромных. Хизгил Давидович был скромным врожденно, генеалогически. Помню, как в Какашура нас, группу писателей, повезли в полеводческую бригаду. Был обеденный перерыв. Под огромным тутовым деревом отдыхали колхозницы, кто сидя, кто – лежа. Завидев приближающихся гостей, женщины привстали, подобрались. И когда мы поздоровались, одна из колхозниц, полушепотом сказала соседке:

– Вай, это же Шими Дербенди!

Ведь это редкий, может, и единственный случай в мировой литературе, когда имя литературного героя заменяет (затмевает) фамилию самого писателя, т.е. создателя!

Хизгил Авшалумов пользовался неубывающим признанием как у сельских, так и у городских читателей, как у горцев, так и у жителей равнин.

Бывал я с Хизгилом Давидовичем и Хасавюрте, и в Дербенте, и в Кизляре, и в Кизилюрте, и в Москве, и в Ленинграде. Везде его принимали радушно, главное – с особой теплотой.

Случалось, что вести литературные встречи приходилось мне. Я искренне и с душевным подъемом говорил о жизненном пути Хизгила Давидовича и неповторимом своеобразии его творчества. Иногда Хизгил Давидович осторожно брал меня за локоть: мол, хватит. Я понимал, что он смущается, может, даже внутренне страдает от, как ему казалось, незаслуженных похвал.

Это был человек трепетной души, с низким болевым порогом. Помню, как Хизгил Давидович с неулегшимся за многие десятилетия состраданием рассказывал, как погибал от тяжелых ран его, кавалериста, конь, не просто конь, а друг, боевой товарищ. Хизгил гладил его

челку, дрожащие от боли бока – и плакал. Навернулись слезы у отважного воина и в тот вечер, когда рассказывал нам о прощании со своим спутником. Это был реквием, который ныне вряд ли кто посвятит не только безмолвному животному, но и человеку!

Мне думается, что Хизгил Давидович, склонившись над своим умирающим боевым соратником – верным конем, – посреди поля, опустевшего после кровопролитного боя, может, шептал строки В.Маяковского:

*«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте –
Чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка,
Все мы немножко лошади,
Каждый из нас по-своему лошадь...»*

Как уважительно, сострадательно и нежно сказано! Главное – на «вы» и ласковое «деточка». А, может, Хизгил Давидович говорил на ушко умирающему другу другие, не менее значительные слова на родном татском языке, которые он до добровольного ухода на фронт произносил над колыбелью старшей дочурки Клары? Людмила родилась позже, когда отец сражался на фронтах Великой Отечественной. Папу она увидела в трехлетнем возрасте, когда Хизгил Давидович, возвращаясь в свою часть из Тбилисского военного госпиталя, на три дня завернул домой... Людмила Хизгиловна сейчас вспоминает эти дни, особенно то, что сама так и не подошла к отцу – чуралась чужака. И еще то, что случись что с отцом на фронте, так никогда бы его и не увидела.

Хизгил Давидович был теплым, сердечным человеком. Неизменной сердечностью, непоказным гостеприимством отличалась и супруга писателя Татьяна Асаиловна. Теплота взаимоотношений супругов создавала

в их семье особую ауру благородства. Нашим ужинам, неторопливым беседам о литературе, искусстве, философии аромат светскости приносило участие в них дочери – Людмилы Хизгиловны – кандидата наук, затем профессора, заведующей кафедры, первого проректора ДГУ и члена Госсовета РД. Кстати, стремительная динамика восхождения по научной и служебной лестницам никогда не сказывалась, не сказывается и ныне в её общении с людьми.

Хизгил Давидович и тетя Таня любили море. С лета и до поздней осени они купались, регулярно прогуливались по Родопскому бульвару. Эта супружеская пара стала каким-то добрым знаком, символом, может, даже талисманом надежности: «Раз они прогуливаются, значит, все будет хорошо!». Может, и сглазили – Татьяна Асаиловна внезапно ушла из жизни. И мне кажется, что после её ухода какая-то очень важная, судьбоносная жилка оборвалась в душе Хизгила Давидовича – он сник, потух блеск в глазах и улыбался он как-то растерянно...

Меня многое поражало в Хизгиле Давидовиче. Больше всего – его феноменальная память. Он превосходно знал восточную литературу, мог за беседой наизусть прочесть творения Низами, Физули, Саади и др. Знал историю и философию Востока.

Не ведаю, вел ли Хизгил Давидович записные книжки, дневники. Вероятно, не вел, ибо память его была надежной интеллектуальной кладовой. В этой связи с неубывающим восторгом хочу назвать Александра Назаревича, Камиля Султанова, Расула Гамзатова, нашего патриарха Расула Магомедовича Магомедова, неустанный подвижник духа, народного учителя СССР Булача Гаджиева. Они, без преувеличения, составляли когорту энциклопедистов Дагестана.

Хизгил Давидович ценил дружбу и дружил ненавязчиво. В их семье я часто встречал Расула Гамзатова, Ах-

медхана Абу-Бакара, Омар-Гаджи Шахтаманова, Аткая Аджаматова, Юсупа Хаппалаева, Магомед Сулиманова, Зульфугара Зульфугарова, Алирзу Саидова.

Подчеркну одну очень мне нравившуюся его черту: он нигде – ни в ресторанах, ни на свадьбах, ни в гостях «не набрасывался» на еду. Это – не просто бытовая сдержанность, а подлинная культура! И еще: ни в годы моей работы в Дагобкоме КПСС, а в последующее десятилетие и в Союзе писателей в качестве заместителя Расула Гамзатова не помню, чтобы Хизгил Давидович обращался с какими-либо просьбами. А ведь ему бы не отказали! Именно этой врожденной скромностью я объясняю то обстоятельство, что Х.Авшалумов редко сидел в президиумах и не рвался к трибуне...

Уровень и общественный авторитет литератур любого народа определяет не количество пишущих, а наличие в ней крупных личностей, ярких талантов. Хизгил Давидович был именно крупным писателем и порядочным человеком.

2003 г.

*Камал Абуков,
народный писатель
Дагестана*

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

На закате летнего дня 1985 года, завершив служебные дела в Дахадаевском районе, я возвращался в Махачкалу. Когда райкомовская легковушка, на которой я ехал, проезжала мимо Уркарахской автостанции, мой взгляд выделил из толпящихся там людей два знакомых лица. Я попросил водителя остановиться автомашину и подошел к ним – к Хизгилу Давидовичу Авшалумову и Хабибу Наврузову. Оказалось, они были командированы Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей Дагестана в села Дахадаевского района. Обменявшись приветствиями, мы сели в автомобиль и поехали в сторону Маджалиса.

– Хабиб – молодой человек, ему можно ездить и в автобусе. Но вы, Хизгил Давидович, как могли согласиться выехать в столь дальнюю командировку без автомашины? – спросил я.

– Абдулла, дорогой, мне не привыкать. Я с послевоенного времени езжу по селам Дагестана на автобусах, попутных машинах и даже на лошадях.

В то время я занимался изучением творчества только даргинских авторов и не знал, что журналист и писатель Хизгил Авшалумов изъездил весь Дагестан. Итогом его поездок стали не только многочисленные публикации в газете «Дагестанская правда», но и рассказы на злободневные темы, составившие ему имя одного из известных дагестанских рассказчиков.

Чего стоят его рассказы «Встречи у родника», «Женных бабушки Фатьмы», «Хабар и хинкал», «Как я воскрес», в которых бичуются вредные обычаи, мешающие жить! Сюжет юмористических и сатирических рассказов строится на небольшой, в общепринятом смысле, житейской ситуации. Бытовые условия, хороший заработок, красота и трудолюбие женщины, желание выслужиться и получить лучшие должности и блага побуждают порой не только глупых, но и смекалистых героев совершать поступки, в ходе и итоге которых они оказываются в невыгодном для себя положении. Созданные татским, русскоязычным дагестанским писателем образы, может быть, не стали бы столь заметными в дагестанской литературе, если бы автор не вдохнул в них живую жизнь.

...Автомобиль подъехал к повороту, ведущему к селению Чишили, и Хабиб стал расхваливать Хизгилу Давидовичу свое родное село Дибгаши, которое находится в километрах пяти от Чишили.

– Знаю, дорогой Хабиб, твое село, наслышан о нем. Сулейман Рабаданов, уроженец Дибгаши, много рассказывал мне о своем родном селе, о его жителях. Кстати, однажды с ним вместе я слушал песню о Дибгаши в исполнении известного певца Алжанбека Алисултанова. Мне она понравилась. Нередко включаю радио, когда звучат даргинские песни, чтобы еще и еще раз услышать эту песню.

«Песня – душа народа, – подумал я. – Значит Хизгил Давидович постиг душу моего народа. Как же должен знать он душу своего народа?!»

Ответ на вопрос был найден мной через несколько лет, когда я вплотную занялся изучением творчества известного писателя. Многие произведения Х. Авшалумова впечатляют живыми, реалистическими образами. В повестях и рассказах Х. Авшалумова изображены самые разнообразные ситуации из жизни дореволюцион-

ного татского села. Повесть «Возмездие», ставшая явлением во всей дагестанской литературе, примечательна не только тем, что в ней изображен рост политического сознания горцев, показано обретение ими исторической правды – необходимости ликвидации эксплуататорского общества и замены его обществом социальной справедливости. В этой повести, как и в повести «Фамильная арка», обычаи и традиции татов описаны скрупулезно. Домашний быт, свадебный, похоронный и другие обряды изображены так достоверно и широко, что повести эти в некотором смысле могут заменить этнографическое исследование. Познавательная и эстетическая ценность повестей «Возмездие» и «Фамильная арка» не в нагромождении событий, создавших увлекательный сюжет, а в целостном и разностороннем осмыслении жизни.

...Кончилась извилистая часть дороги, и водитель прибавил скорость. Когда мы подъехали к Маджалису, Хабиб Наврузов предложил погостить у даргинского писателя, участника войны Султанмурада Зубаилова.

– Он не только бывший секретарь райкома, но и писатель, и фронтовик, Хизгил Давидович, – обратился он к старшему, не принявшему предложение об остановке в Маджалисе.

– Хабиб, дорогой, фронтовые воспоминания не приятны для меня. Я был свидетелем гибели многих моих товарищей... Тяжело вспоминать, тяжело сознавать, что их нет рядом...

– Вы поэтому, Хизгил Давидович, не обращаетесь к теме войны? – не отступал Хабиб.

– И поэтому. И не только поэтому. Чтобы изобразить величие советского солдата-победителя, нужно написать что-то самобытное, оригинальное. После Шолохова, Симонова, Фадеева братья за тему войны просто нелегко.

Тяжесть утраты в той войне коснулась всех семей. И моей, в том числе. Я не знал, как вмешаться в этот разговор, и как бы невзначай сказал:

– Хабиб, зачем тебе Маджалис, поедем к моей маме – вдове фронтовика. Она тоже помнит это нелегкое время. Тем более что я у нее не был две недели и она меня заждалась.

– Вот хорошее предложение, дорогой Хабиб. Примем его, – обрадовался Хизгил Давидович.

В сумерках дом у дороги произвел на моих гостей (вернее, на гостей моей матери) благоприятное впечатление. Небольшое строение, включившееся в ряд, составивший первую улицу переселенческого села, не очень выделялось из себе подобных. Две комнаты этого дома всегда были свободными, если не наезжали гости. Моя мать и ее сестра, которые с 1942 года, т.е. после призыва в Советскую Армию мужей, жили вместе, оказались дома. Самое приятное: был готов ужин.

Когда стол был накрыт, я несказанно обрадовался, что чисто горские блюда – курзе из баранины и чуду из специально подготовленного сыра-тянучки – очень понравились Хизгилу Давидовичу.

– Дорогой Абдулла, нас ждали в этом доме. Иначе такое вкусное угощение не могло быть приготовлено...

Я перевел маме сказанное моим кунаком.

– Конечно, уважаемый Хизгил, я готовилась к встрече. Ведь сын не приезжал уже две недели.

– Ваш сын занятой человек, дорогая Хадижат, он не может приезжать в село, когда ему захочется.

Когда Хабиб перевел слова нашего кунака, мама моя, не задумываясь, сказала:

– Его отца, моего мужа, жду всю жизнь. Сыну не подобает заставлять себя ждать.

Я не знал, как ответить маме... За меня ответил Хизгил Давидович:

– Ваш Абдулла, дорогая Хадижат, человек очень благодарный, но воздержанный, как я успел сегодня заметить. Он не выплескивает своих чувств, как использованную воду из таза. По дороге к вам, он так сокрушался, что не часто видится с вами, что я не сумел отказать ему и тоже заехал к вам, в чем не раскаиваюсь. Если вы позволите, – продолжил Хизгил, – у меня есть тост: пусть живут и здравствуют женщины-матери, вырастившие детей фронтовиков, сохранившие верность мужьям, отдавшим жизнь за свободу Отечества!

Мама моя – традиционная горянка, она не только никогда не пила и не пьет алкогольные напитки, но и не садилась за стол с пьющими мужчинами. Но услышав сказанное Хизгилом Давидовичем, подошла к столу, села рядом с кунаками и дрожащим голосом сказала:

– Спасибо, Хизгил, ты (в даргинском языке нет формы обращения – «вы»), наверное, храбрый воин и душевный человек, умеющий ценить благородное и благородство. Абдулла, Хабиб, выпейте за нашего кунака. Спасибо тебе, Хизгил, за победу! Наши потери и страдания оправданы мужеством, доблестью советских воинов, одержавших победу над гитлеровской Германией. Ты один из них. Еще раз спасибо тебе, Хизгил.

Я не думал, что моя мама умеет говорить тосты, произносить благопожелания. Не менее, чем я, оказалось, был удивлен и Хизгил Давидович. Его удивление было не похожим на мое. Он увидел в простой солдатке, вдове фронтовика человека государственного, жамиатского уровня...

После этого вечера при встрече со мной уважаемый в республике человек двадцать с лишним лет интересовался здоровьем простой горянки:

– Как живет, дорогой Абдулла, твоя доблестная мама? – непременно спрашивал он.

Двадцать с лишним лет мы общались с Хизгилом Давидовичем как близкие, родные люди. И не было горше печали, чем тогда, когда распалась страна и рухнуло то, ради чего сражался мужественный воин, честный журналист и талантливый писатель.

– Хизгил Давидович, – я обратился к мастеру после публикации в 1993 году в «Дагестанской правде» новеллы из цикла «О хитроумном Шими Дербенди» «Ваучерные злключения», – ваша жизнь прошла в борьбе за утверждение добра и справедливости. Герой рассказа «Ваучерные злключения» стал не только жертвой несправедливых отношений. Он оказался подавленным. Что суждено нам – быть подавленными от «ваучеризации» или мы возродимся и станем народом, страной, достойной уважения?

– Абдулла, дорогой, вопрос тяжелый, но не такой, чтобы я не мог дать ответа. Страна развалена. Народы великой страны разобщены. Труженик раздавлен, унижен и оскорблен. – Умудренный опытом жизни, отточивший свои мысли писательским трудом, Хизгил Давидович поднял на меня глаза и сказал: – Мы надеемся на кого-то, то на центральную, то на местную власть. А зря. Народ, в том числе и интеллигенция, должен знать, чего он хочет, чего добивается. Кстати, как твоя доблестная мать? – и на сей раз он задал обычный при наших встречах вопрос. Выслушав мои новости о селе и матери, он продолжил: – Герой «Ваучерных злключений» тоже один из этих персонажей будущего политического действия, будущих социальных акций. Он доведен до того, что начнет действовать, станет активным, деятельным членом общества, способным предъявить претензии к тем «ваучеризаторам», кто довел его и многих ему подобных до этого состояния.

В новеллах «О хитроумном Шими Дербенди» воссозданы жизнь и поступки, думы и размышления неунывающего ни при каких обстоятельствах смекалистого и находчивого человека. Биография, жизнь героя, пере-

данная путем изображения, казалось бы, однотипными средствами юмористических, сатирических ситуаций, в которых оказался герой, показывает этапы социально-экономического развития общества, в котором он живет. Герой действует сообразно той социальной или бытовой обстановке, в которой оказывается по воле случая. В рассказах немало и юмористических или сатирических ситуаций, спровоцированных самим Шими Дербенди. И они нужны, чтобы высмеять невежественных религиозников, скупердяев и взяточников, спекулянтов и бездельников, мошенников и ловкачей, воров и дугую нечисть на теле общества.

Смех «над своей постыдной жизнью, сделавшей их (людей. – А.В.) мелкими, хитрыми, неуважительными, а то и вовсе враждебными друг другу», после начала перестройки стал темой последних рассказов Х.Д. Авшалумова «О хитроумном Шими Дербенди».

На протяжении всего творческого пути Х.Д. Авшалумов через посредство полюбившегося народу образа Шими Дербенди влиял на сознание своих читателей, воспитывал и возвышал их.

Много было встреч, бесед с Хизгилом Давидовичем, человеком прямым, открытым, честно излагавшим свои взгляды и пристрастия и устно, и письменно. Еще больше незабываемых встреч было с книгами, с героями Хизгила Давидовича. Они остались в моей памяти.

Думаю, что я один из тысяч, сотен тысяч тех, кто увидел в Хизгиле Давидовиче писателя, гражданина и человека, озабоченного судьбой страны, человека, способного сострадать ближнему, проникнуться его думами и надеждами, радоваться и горевать с ним.

2002 г.

Абдулла Вагидов,
литературовед,
доктор филологических наук

МОИ ВСТРЕЧИ С ХИЗГИЛОМ АВШАЛУМОВЫМ

Хизгил Давидович Авшалумов относится к плеяде дагестанских писателей, создавших вершинные в художественном плане произведения словесного искусства. Его имя справедливо упоминается рядом с именами Э. Капиева, Р. Гамзатова, А. Абу-Бакара, К. Меджидова и других замечательных писателей Дагестана.

Я познакомился с творчеством Х.Д. Авшалумова еще в 50-е годы по его новеллам. Тогда он работал в редакции газеты «Дагестанская правда». Позже, когда он стал работать в аппарате Союза писателей Дагестана, мы познакомились лично, стали часто видеться, беседовать. Хизгил Давидович был среднего роста, с едва заметными оспинками на смуглом лице и живыми карими глазами. Человек он был добрый, внимательный к собеседнику, улыбчивый, вместе с тем очень серьезный.

В своем творчестве Хизгил Давидович был юморист, одновременно и лирик, бытописатель, создатель колоритных жанровых картин. Но, общаясь с ним, я не заметил, чтобы он рассказывал о каких-то смешных историях, как, например, Аткай Аджаматов, или рассказывал анекдоты, как, например, Ахмедхан Абу-Бакар. Нет, он был серьезным собеседником, хотя и поддерживал шутки.

В начале своей научной карьеры я работал в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР (теперь Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН) руководителем от-

дела энциклопедии «Дагестан». По поручению главного редактора энциклопедии профессора Г.-А. Д. Даниялова мы собирали для обсуждения проектов словариков отраслевые редакции. Я на всю жизнь запомнил одно заседание редакции литературы и фольклора, на котором присутствовали научные сотрудники нашего Института, преподаватели вузов. От Союза писателей пришли: Хизгил Давидович Авшалумов и Аткай Акимович Аджаматов. Делал доклад по словарю я, вел заседание Г.-А. Д. Даниялов.

Гаджи-Али Даниялович был деятельным директором Института. По его инициативе открывались новые секторы, росли кадры Института ИЯЛ, была начата работа по энциклопедии «Дагестан». Мы, молодые научные сотрудники, да и не только мы, боялись его как огня, тем не менее порой и мы вынуждены были резко парировать на не всегда справедливые его упреки.

На мою беду Гаджи-Али Даниялович на том заседании был, как говорится, в ударе и стал задавать мне один за другим вопросы типа: «Сколько феодальных терминов в словнике?» Я отвечал, как умел. Но всякому терпению приходит конец. После очередного бессмысленного, на мой взгляд, вопроса я резко заметил: «Может быть, меня экзаменовать будете в другое время, а сейчас проведем совещание?» Сказав это, я демонстративно сел на свой стул. Наступила мертвая тишина. Надо было видеть лицо Гаджи-Али Данияловича, побагровевшее от гнева, грозные брови, которые, казалось, готовы были вонзиться в меня, испепеляющий взгляд.

Но скоро Гаджи-Али Даниялович овладел собой, представил слово заведующему сектором Р.Ф. Юсуфову, который меня поддержал морально, заметив: «Вы, Гаджи-Али Даниялович, ставите перед нами вопросы, на которые наука еще не ответила».

Заседание завершилось принятием словника и извинением Гаджи-Али Данияловича передо мной (говорили, что он первый раз в своей жизни перед кем-либо извинялся). Видимо, присутствие известных писателей побудило его к этому.

Не знаю, какое впечатление эта памятная сцена произвела на писателей, но они оба после этого со мной подружились. Во всяком случае, Хизгил Давидович предложил мне, тогда молодому кандидату филологических наук, выступить с докладом на собрании писателей Дагестана по теме рабочего класса в дагестанской прозе. Я согласился, перечитав все, что было написано на эту тему (подстрочный перевод романа Магомеда Сулиманова «Огни» мне предоставил сам Хизгил Давидович из архива Союза писателей). Я написал доклад и понес его в Союз писателей. Мне казалось, что А. Абу-Бакар (тогда ответственный секретарь Союза писателей) и Х. Авшалумов, как заказчик доклада, прочитают его, сделают свои замечания, и уже потом я выступлю с ним на совещании. Но не тут-то было. Они с ходу отправили меня к машинистке и затем к Расулу Гамзатову перед самым совещанием. Расул Гамзатович бегло просмотрел его и спросил, кого я критикую.

Я смущенно заметил, что я такой задачи перед собой не ставил, а обобщил то, что было сделано в этой области прозаиками республики (понятно, что я оценивал эту тему с «колокольни» производственного романа).

Судя по реакции Р. Гамзатова, доклад на него не произвел ожидаемого впечатления, тем не менее собрание прошло довольно оживленно, выступил ряд писателей, заключил его своим выступлением Расул Гамзатович.

После собрания Хизгил Давидович поздравил меня, а что касается критического пафоса, у него на этот счет было свое мнение: «Тема эта новая и сразу начинать с критики нельзя. Перед необъезженным жеребцом нечего махать шапкой».

По его инициативе мой доклад был напечатан во всех выпусках альманаха.

В дальнейшем мне не раз приходилось писать рецензии на книги рассказов и повестей Хизгила Давидовича, а к одной из них я написал и предисловие. По своей инициативе я написал довольно большую статью о Х.Д. Авшалумове для татского альманаха «Ватан Советиму». Хизгил Давидович не ограничивал меня ни объемом, ни в смысле содержания. Он рассказывал мне, где он нашел сюжет той или иной новеллы. Рассказал, в частности, как в его творчестве появился образ Шими Дербенди.

Вначале Хизгил Давидович писал о реально жившем в Дербенте человеке по имени Шелми Мемри, но последний не давал ему простора для вымысла. Поэтому писатель «вызвал к жизни» образ Шими, который полюбился дагестанскому читателю. Представлял мне Хизгил Давидович и свои архивные материалы, вырезки из газет, письма читателей.

Однажды меня пригласили на телевидение вместе с Хизгилом Давидовичем. Там же были и артисты Кумыкского музыкально-драматического театра, которые показали интермедии по новеллам Авшалумова. На телевидении мы говорили о его прозе, ее достоинствах и особенностях. Разговор продолжился у него на квартире, куда он пригласил всех нас.

Хизгил Давидович был большой труженик, я видел, как он работал над рукописями, как аккуратно наклеивал буквы на машинопись. Я не знаю другого прозаика, который бы так тщательно шлифовал свои произведения. Однажды он принес мне два варианта перевода повести «Фамильня арка» (позже он ее доработал, восстановил некоторые эпизоды из рукописи и выпустил в формате романа). Один перевод принадлежал какой-то переводчице из Москвы, а другой был его собственным. Хизгил Давидович попросил меня помочь ему выбрать

лучший из них для опубликования. Я прочитал оба варианта и решительно отвел перевод москвички. Это была откровенная халтура, рассчитанная на провинциалов. А перевод самого Хизгила Давидовича был сделан на самом высоком уровне. Богатый и отшлифованный язык перевода был ярким и сочным.

Меня всегда трогало внимание старших по возрасту. Внимание Хизгила Давидовича было мне особенно дорого. С ним был близко знаком и мой тесть Заид Курбанович Бугаев, работавший долгие годы начальником отдела кадров Махачкалинского морского порта. Помню, как он передал через меня Хизгилу Давидовичу газету с заметкой «О моржах». Оказывается, Хизгил Давидович был не только заядлым «моржом», купающимся в море круглый год, но и собирал материал о «моржах».

Благодаря Хизгилу Давидовичу я совершил развлекательно-познавательное путешествие в Дербент, где проходил его юбилей. Во Дворце культуры Дербента собралось много народа. Из Махачкалы приехали писатели, ученые, министры, руководящие работники госучреждений. Все выступающие высоко оценивали творчество Хизгила Давидовича, тепло отзывались о нем, как о человеке. После торжественной части состоялся концерт, были показаны отрывки из спектакля по повести Х. Авшалумова «Толмач имама», поставленного Татским народным театром.

Не могу умолчать еще вот о чем. Хизгил Давидович был истинный патриот и коммунист. Он не изменил своим идеалам юности и после «перестройки» осудил приватизацию по Чубайсу, остался на стороне обездоленного народа. И в вопросе о том, кто такие таты, он придерживался принципиальной позиции. Он не делил нации по конфессиональному признаку. Поэтому он гордо говорил, что он тат, дагестанец. Это тоже импонировало мне.

В последние годы Хизгил Давидович серьезно болел, и мы виделись редко, больше общались по телефону, либо через его дочерей, Людмилу Хизгиловну и Наиду Хизгиловну, с которыми я знаком давно.

Когда вышла обновленная «Фамильная арка» Х.Д. Авшалумова, я прочитал ее оперативно и написал рецензию в «Дагестанскую правду». Я очень хотел, чтобы Хизгил Давидович прочитал мою рецензию, которую он ждал. Рад, что он успел ее прочесть и по достоинству оценить.

Я искренне горжусь тем, что Хизгил Давидович подарил мне свою дружбу и целую библиотеку своих книг с автографами. Один автограф я привожу здесь. На книге «Похождения хитроумного Шими Дербенди», изданной в Москве, Хизгил Давидович написал: «Профессору Сулейману Хановичу Ахмедову, известному дагестанскому ученому, литературоведу, талантливому исследователю, пропагандисту многонациональной дагестанской литературы с пожеланием новых творческих успехов и сердечным уважением от автора (подпись). 20.09.99»

Такая надпись дорогого стоит. Спасибо за нее Хизги-лу Давидовичу!

2003 г.

*Сулейман Ахмедов,
литературовед,
доктор филологических наук*

ПОСЛЕДНЕЕ ОБЕЩАНИЕ

Мы с народным писателем Дагестана, известным татским прозаиком и драматургом Хизгилом Давидовичем Авшалумовым жили в одном писательском доме. Почти всегда вместе ходили на утренние прогулки, а летом – на море. Много раз мы вместе бывали на встречах с читателями почти во всех уголках нашей республики.

Читатели нас, особенно Хизгила Давидовича, встречали с большой радостью, и его небольшие юмористические произведения им запоминались навсегда. За многие годы такой жизни у нас завязалась мужская дружба.

Потом я ушел из этого дома и долго скучал по привычной жизни.

Хизгил Давидович был для меня и близким соседом, и старшим товарищем, и тем, кто всегда был со мной искренен. Поэтому я знал о нем много, что другие не знали.

Знал, что в его литературном архиве – дневниках, записных книжках, рабочих тетрадях – осталось множество художественных набросков характеров, пейзажей, сюжетов. Писатель мечтал создать и книгу стихов в прозе – маленьких рассказов. Для этого у него была заведена специальная папка. Жизненные наблюдения должны были лечь в основу будущих этих сочинений.

– Снова думаю о том, – говорил он мне, – что такие стихи в прозе надо записывать кратко, конспективно на основе биографии интересных людей, случаев из их

жизни. Это и будут жизнеописания или сюжеты рассказов.

Среди таких записей есть совсем законченные, есть наброски в сжатом виде, заключающие в себе мысль большого произведения. По тому, на что обращал внимание писатель, виден его гражданский и человеческий облик. Более 50 таких готовых стихов в прозе у писателя о простом народном герое Шими Дербенди. Они написаны на фоне социально-общественных потрясений, крутых жизненных поворотов, картин народного быта, обрядов, традиций. Жаль, что Хизгил Давидович не успел издать все это отдельной книгой.

Без преувеличения скажу: во всем нашем многонациональном Дагестане нет школы, библиотеки, где не знали бы имени и произведений народного писателя Дагестана Хизгила Авшалумова. В его книгах – следы жизни самого писателя, а жизнь его состоит как бы из трех этапов.

Первый – юные годы. Хизгил Давидович, окончив школу, посвящает себя пионерской и комсомольской работе. Очень важно было почувствовать, что силы и сердце отданы Родине. Второй ответственный этап – военная служба, которой посвятил долгие годы. И, наконец, третий – это писательская работа, когда дарование, энергия всецело были отданы литературному творчеству.

Хизгил Давидович вступил в литературу не в самые молодые годы, но его произведения завоевали любовь читателей и признание прессы. Потому, что они были правдивы и увлекательны.

Работая над созданием образов современников в художественной литературе, Авшалумов не повторяет сказанное ранее другими. Писатель выбирает существенное, но никем в художественном плане неосвещенное.

Большую популярность завоевал роман писателя «Фамильная арка». В основу романа положены действительные события, происходившие в Дагестане, начиная с предреволюционных лет по семидесятые годы. В романе раскрывается непростая, полная трагических обстоятельств история красавицы-горянки Марал.

Писатель плодотворно работал и в драматургии. Успешной была драма «Толмач имама», посвященная народно-освободительному движению горцев под руководством имама Шамиля. Пьеса долгие годы оставалась на сценах республиканских театров и была отмечена юбилейной медалью в честь 200-летия со дня рождения Шамиля.

В последний раз я был у больного Хизгила Давидовича 20 января 2001 года. Тогда он подарил мне последнюю свою книгу, только что вышедшую из печати.

Планов было у писателя очень много, в частности, издание новой книги очерков, которую писатель обещал подарить мне. К сожалению, этому не было суждено сбыться. И это был тот единственный случай, когда Хизгил Авшалумов не выполнил обещания, ибо был он человеком слова.

2004 г.

*Байрам Салимов,
народный поэт Дагестана*

ДОБРЫЙ СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

Хизгил Давидович Авшалумов. Как ответственно и как непросто писать о нем. Непросто, потому что, несмотря на солидный стаж знакомства с ним, я вдруг обнаружил, что у меня нет ни одной серьезной зацепки, которая придает воспоминаниям особую теплоту и документальность. Ни яркого эпизода, ни совместного застолья... Потом подумал, но ведь это же не мешало мне не только с теплотой, но с каким-то особым уважением, почтением, переходящим в восхищение, относиться к Хизгилу Давидовичу при жизни и к его памяти после смерти. Секрет прост: кто хоть мельком встречался с ним сразу попадал в плен его удивительного обаяния. Цыганки-гадальщицы любят говорить, чтобы заворожить очередную жертву: я знаю ты хороший человек, у тебя добрые глаза. Внешность Хизгила Давидовича, думается, ошеломила бы даже их: у него все было доброе, и глаза, и большой открытый лоб, и густые ресницы, и пушистые усы, под которыми он пытался спрятать очень, очень добрую улыбку. Жизненные трудности не могут не отразиться на характере и внешности человека. Только одних они делают суровыми и замкнутыми, а других открытыми и отзывчивыми.

Хизгил Авшалумов был на редкость отзывчивым, но сказать, чтобы открытым, я бы поостерегся. Как у каждого крупного писателя, было у него что-то свое, сокровенное, может быть тайное, которое приберегалось для будущих задумок и книг, но не становилось предметом

душевных излияний. Еще одно качество, которое, я уверен, отметят все пишущие о нем – это удивительная скромность. Как писательская, так и человеческая... Если бы не внушительная орденская колодка на левой стороне пиджака, мало кто из встречных признал бы в этом невысоком, худощавом и добродушном человеке настоящего бойца и храбреца.

Мне вспоминаются строки поэта Э.Багрицкого:

*«Нас водила молодость
в сабельный поход,
Нас бросала молодость на
кронштадтский лед...»*

«Кронштадтского льда», конечно, у молодого Хизгила не было, а сабельных походов хватало с избытком. Ведь на войне он был заместителем командира кавалерийского сабельного эскадрона. И дошел, доскакал до самого Берлина. Я, может быть, немного слукавил вначале, говоря, что у меня нет особых зацепок для воспоминаний. Мне посчастливилось дважды брать у него телеинтервью. Жалею, что не больше, еще больше жалею, что их судьба туманна. Не теряю надежды найти их в огромных, как чемодан, бобиных «Кадр-3». Они сотнями бесцельного пока и бесценного в будущем груза лежат в фильмотеке. Лежат и ждут своего часа, пока не отыщется на просторах нашего телехолдинга уже давно списанная аппаратура.

Второе интервью я брал у Хизгила Давидовича дома, в знаменитом доме писателей по ул.Гаджиева, 3. Запомнил и номер квартиры – 37, и очень скромную, как сам хозяин, домашнюю обстановку.

Люди того времени, особенно фронтовики, вообще не гонялись за материальными ценностями. Были рады, если крыша не протекает, и просто счастливы, если телефон под рукой. Но насколько же богаче они

были душой и какая подмена понятий и ценностей произошла за какие-то 20 лет. Хочу снова вернуться к памятному для меня интервью, потому что, говоря о войне, он несколько раз возвращался к одному и тому же эпизоду. Эпизод этот заслуживал того. Хизгил Давидович закончил войну не только в логове фашистской Германии Берлине, но и побывал действительно в самом настоящем «логове» – имперской канцелярии Гитлера спустя несколько суток после его самоубийства. Меня так впечатлил его рассказ, что я собрал небольшую библиотечку про эту самую канцелярию, про последние дни гитлеровской верхушки. Листая или перечитывая эти книги, рассматривая знаменитую картину Кукрыниксов про те же события, я всегда вспоминаю Хизгила Давидовича, людей его поколения. Они никогда не говорили громких слов: «Мы – победители!», «Мы – освободители!». А на самом деле были не только участниками исторических событий, но и творцами этой самой истории.

Если снова вернуться к образу незабвенного Хизгила, то он мне дорог не только как человек, но и как писатель. Один из самых моих любимых. На моей юмористическо-сатирической полке Ильф и Петров, Сервантес, Гашек, Довлатов, Зощенко, Джером и многие другие авторы. А возглавляет эту полку очень красиво изданная книга с дарственной надписью автора про похождения Шими Дербенди. И когда мне становится грустно, я открываю на глаз любую страницу и с удовольствием читаю один-два рассказа. Хватает надолго. Могу перечитывать их бесконечно. Ведь это тот же Молла Насреддин, который из короткого анекдота перепрыгнул в большую новеллу. И когда в жизни я встречаю людей, очень похожих на Шими Дербенди, то от души хохочу над их приключениями и думаю: «Как жаль, что рядом нет Хизгила...».

Спасибо тебе, дорогой Хизгил Давидович, за то, что ты возвращаешь хорошее настроение, за то, что ты подарил Дагестану таких прекрасных дочерей, как Людмила Хизгиловна и Наида Хизгиловна. За то, что оставил такой добрый след на земле!

2011 г.

*Салам Хавчаев,
журналист,
зам.директора
ГТРК «Дагестан»*

БОЛЬШОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ

Более чем 25-летняя дружба с Хизгилом Давидовичем убедила меня в глубоко интернациональном характере его творчества и публицистической деятельности. Все его произведения проникнуты духом дружбы народов нашей республики.

Первое наше знакомство с Хизгилом было как бы заочным.

Затем в 1975 году состоялась моя первая встреча с Хизгилом Авшалумовым в его доме. Передо мной сидел обаятельный человек с приятной улыбкой. Говорил он спокойным тоном, не торопясь, взвешивая каждое слово. В многочасовой беседе со мной из его уст истекла мудрость, основанная на его собственном жизненном опыте сына крестьянина-батрака. Ведь все притчи и поговорки рождались в среде земледельцев. Обладая природным талантом писателя, он умело использовал все это в своих произведениях. Меня удивили его знания писаний всех трех религий: иудаизма, христианства и ислама. Хизгил предстал передо мной не только писателем, но и историком. Об этой стороне его знаний дагестанский читатель узнавал из его публицистических статей, в том числе и из статьи «Легенда и быль», опубликованной в газете «Дагестанская правда». Это была не только блестящая публицистическая статья, но и первая научно-историческая публикация о татской народности.

Хизгил Давидович бесспорно возглавлял татскую секцию Дагестанской писательской организации и был главным редактором литературного ежегодника «Альманах тати». Он проводил большую работу с молодыми татскими литераторами. По сути дела он был неформальным лидером татского народа, продолжателем дела первопроходцев татской культуры в широком смысле этого слова.

Хизгил Авшалумов как интернационалист выступал против любых проявлений национализма, в том числе и антисемитизма. Так, например, в статье «Не призывайте людей к вражде и ненависти!» он дал аргументированный отпор проявлениям антисемитизма, допущенным автором одной из статей, опубликованных в газете «Советская Россия».

Не могу не сказать и о членах его семьи, исключительно скромных и обаятельных людях, с которыми я дружил многие годы.

Трижды членом Госсовета Республики по достоинству избрана дочь Хизгила, профессор Людмила Авшалумова, такая же интернационалистка по своим убеждениям, как и ее отец.

Я рад тому, что многие годы работал в творческом содружестве с Хизгилом Авшалумовым, – верным сыном своего народа, талантливым писателем и публицистом, историком-исследователем с богатым диапазоном знаний, прекрасным организатором, человеком, внесшим значительный вклад в укрепление дружбы народов нашей республики.

Москва, 2002г.

*М.Е. Мататов,
общественный
деятель, публицист*

ОН БЫЛ МАГНИТНЫМ ПОЛЕМ ДОБРА И ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Хизгила Давидовича Авшалумова я знал еще с детства. Он был большим другом моего отца, народного поэта Дагестана Анвара Аджиева. Они часто встречались у нас дома, особенно во время больших литературных праздников, которые в годы Советской власти были часты и отмечались шумно и радостно. Наш двор в те годы, а это 60-е и 70-е годы, был одним из образцовых частных дворов того времени, отец здесь развел клумбы цветов, имел беседку с виноградником, большой сад – всё это я постарался сохранить по сей день. Я помню, как после работы отец вместе с Хизгилом Давидовичем, Аткаем, Юсупом Хаппалаевым приходили во двор и, сидя на большой тахте, ели виноград, только что мной срезанный с беседки, и долго разговаривали. Говорили они о новых литературных произведениях, о прозе, о поэзии. Для меня всё это было еще не доступным, я был школьником, далеким от литературных проблем того времени.

– Ты, Багаутдин, родился под счастливой звездой, – часто говорил мне Хизгил Давидович.

Смысл этих его слов я никак не мог понять тогда. Как выяснилось позже, Хизгил Давидович очень сильно любил моего отца и всю жизнь восхищался его поэзией. Молодым он рекомендовал обязательно читать Анвара и в жизни себя вести подобно ему – скромно и достойно. Здесь мне припоминается один случай, – это был 1966 год, когда Хизгил Давидович получил Респуб-

ликанскую премию им. Сулеймана Стальского за книгу «Невеста с сюрпризом». Мой отец, который в те годы был парторгом в Союзе писателей Дагестана, привел его к нам домой, и хотя Хизгил Давидович был уставшим от поздравлений, они все-таки смогли отметить это событие рюмочкой коньяку у нас во дворе всё с тем же виноградом и, конечно же, накрытым столом.

– Он очень заслуженный человек, – любил говорить о нем мой отец. – В годы войны, представляете себе, он руководил кавалерийским сабельным эскадроном казачьего полка, воевал на разных фронтах, был несколько раз ранен и в конце войны уже после победы видел разгромленный фашистский рейхстаг и кабинет Гитлера. А ныне – он один из самых крупных татских писателей, которым гордятся все в нашем Союзе.

В десятом классе я потянулся к литературе. Что это было, я не мог понять. Произвольно вырывались у меня зарифмованные куплеты, сравнения, но это все оставалось во мне. Уже в институте, на втором курсе, появились мои первые стихи. Надо же тому случиться, со мной в одной группе филфака учился Нисон Гилядов, молодой начинающий поэт, очень скромный, но грамотный и начитанный. Он и я стали дружить. Шли годы. У меня появились первые книги, и самым первым моим переводчиком стал Нисон Гилядов. Это были чистые, как утренняя роса, мысли молодых людей. Нисон прекрасно перевел мою первую подборку. Она была опубликована в газете «Народный учитель». Иногда он меня спрашивал о Хизгиле Давидовиче и его семье... Я и не подозревал, что Нисон стал ухаживать за его дочерью и у него серьезные намерения. Трепетное отношение моего друга к семье Авшалумовых передалось и мне. Я стал с особым интересом читать новеллы и рассказы Хизгила Давидовича, которые, как из рога, изобилия, в те годы выливались на страницы газет и журналов. Это было второе мое знакомство с творчес-

твом интересного и самобытного писателя, подлинно народного писателя, не по Указу, а по призванию и признанию народа, всего дагестанского народа. И многое я стал видеть по-другому. Я стал сравнивать того Хизгила Давидовича – друга моего отца – с тем, кого для себя открыл, и это сравнение оказало на меня сильное впечатление.

Каждая встреча с ним оставляла след. Он жил полнокровной литературной жизнью, всё время был в поисках и задумках. Как только с ним заговоришь, он демонстрировал большой кругозор знаний по истории нашего края, знал биографии разных писателей, героев как гражданской, так и отечественных войн, их труды и подвиги. Как же теперь нам не хватает таких людей, как он...

Как-то мне в очередной беседе он сказал:

– Багаутдин, ваш поэт и революционер Зайналабид Батырмурзаев – потрясающая личность, почему о нем вы мало пишете, не посвящаете ему повести и поэмы?

Он всегда взволнованно говорил о том, что выпало на долю молодого поэта-революционера Зайналабида Батырмурзаева, и искренне проникся трагической судьбой этого талантливого человека, в 1921 году расстрелянного денкикинцами. Этот факт обо многом говорит и возвышает личность Хизгила Давидовича. Вот тебе и толерантность, вот тебе и дружба народов, вот то магнитное поле добра и человечности, притягивающее писателей всех национальностей к личности Хизгила Давидовича Авшалумова, вот на каких людей мы опирались, у кого учились.

Прошли годы. Наша дружба с семьей Хизгила Давидовича еще более крепла уже по той причине, что мой друг Нисон Гилядов стал его зятем. Я часто стал приходить к ним в дом. Там мы встречались уже все вместе. Так было судьбе угодно, что в писательскую среду попал и я. Когда Хизгил Давидович узнал из пе-

чати о моих литературных шагах, надо было видеть, как он приветствовал это. Он поздравлял моего отца с выходом моей большой подборки в газете «Литературная Россия» с предисловием Расула Гамзатова. А в 1980 году мы отмечали уже с моим отцом и Хизгилом Давидовичем мой прием в члены Союза писателей СССР.

К этому времени я был уже знаком со многими произведениями Хизгила Давидовича. Сборники рассказов и повестей «Как я воскрес», «Кушак бездетности», «Жертва одного поцелуя», «Толмач имама», «Сказание о любви», «Фамильная арка», сборник юмористических новелл «Хитроумный Шими Дербенди», после выхода которого режиссер Валерий Щербатов и я подготовили сценарий пьесы для Кумыкского театра под названием «Шими Дербенди», которая вошла потом в золотой фонд телевидения...

В 1984 году я работал заведующим Бюро пропаганды Союза писателей РД. С этого периода наши отношения еще более сблизились. Хизгил Давидович как писатель-юморист был очень популярен. Его новеллы о Шими Дербенди широко печатались в республиканских газетах и были на слуху у читателей. Куда бы мы ни приезжали с Хизгилом Давидовичем и с такими писателями, как Нариман Алиев, Байрам Салимов, певец Магомед Омаров, нас встречали с большой радостью и не хотели отпускать.

Где бы ни появлялся Хизгил Давидович, люди ощущали его доброту, отзывчивость, все чувствовали какую-то особенную радость общения.

Я присутствовал на юбилейных вечерах Хизгила Давидовича, был у него на родине в селении Нюгди Дербентского района. Помню его последний юбилей в Дербенте. Каждое выступление, каждый подарок символизировал признание заслуг Хизгила Авшалумова в деле укрепления дружбы народов и их ли-

тератур. Великий интернационалист, он смог своим писательским сердцем широко охватить мир, быть в радости и в горе вместе со своим народом. Об этом говорили академик Магомед Джамбулатов, председатель Союза писателей Дагестана Расул Гамзатов, главы администраций разных городов, приехавшие сюда лично поздравить руку народному любимцу, каким был Хизгил Давидович.

Творчество Хизгила Авшалумова всегда было пронизано чувством личной причастности к истории, к судьбам родной страны и республики, оно было пропитано ответственностью перед временем, перед народом. Ведь Хизгил Давидович сам был свидетелем и участником великих перемен в нашей стране. Я видел его стремление с высоты прошедших лет осмыслить былое, глубоко вникнуть в новое и загадочное, к которому шло наше общество. А как же иначе, у человека с таким диапазоном мышления по-другому и быть не могло.

Писатель был активен до последних дней своей жизни. Ни одно заседание правления Союза писателей РД не проходило без его участия. Он на каждом из заседаний обязательно выступал и говорил то, на что многие не могли решиться. У нас бывали и литературные споры, доходящие до резких выпадов. Когда такое случалось, Расул Гамзатов обязательно приглашал Хизгила Давидовича для того, чтобы он «сделал маслиат», усмирил некоторые горячие головы. И это всегда удавалось Хизгилу Давидовичу.

«Настоящая внутренняя биография писателя – не выдуманная вещь, – писал Николай Семенович Тихонов, великий русский поэт. – Талант, полный искренности и смелости, не случайно чувствует зов эпохи». Этот «зов эпохи» для Хизгила Давидовича всегда был определяющим. Его произведения, это уже доказало время, глубоко современны и востребованы по сей

день, а магнитное поле добра и человечности Хизгила Давидовича, уже ушедшего в бессмертие, до сих пор притягивает нас, тех, кто знал его и имел счастье общаться с ним.

2013 г.

*Багаутдин Аджиев,
поэт*

ДАГЕСТАН – ОБЕТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ
ХИЗГИЛА АВШАЛУМОВА

Недавно я перевела на русский язык новую подборку стихов народного поэта Дагестана Расула Гамзатова, среди которых было и посвящение его старому другу Хизгилу Авшалумову, замечательному нашему прозаику, народному писателю Дагестана:

НАДПИСЬ НА КНИГЕ,
ПОДАРЕННОЙ ХИЗГИЛУ АВШАЛУМОВУ

*– Хизгил, поедem в Персию, мой друг,
Ведь там поймут тебя без перевода.
– Где я родился, там я и умру, –
Ответил мне на это друг мой гордо.*

*Потом добавил, что милей всех стран,
Которые на свете существуют,
Ему его родимый Дагестан,
Что он не примет родину другую.*

*Из этих мест пошел он на войну,
Сюда вернулся он после Победы.
Он воевал отважно за страну
И разделил с ней радости и беды.*

*– Хизгил, в Израиль поезжай со мной,
Ведь там понятны всем твои молитвы.*

*– Обетованною моей землей
Стал Дагестан – очаг мой и обитель.*

*Потом добавил, что судьба его
С родной навеки связана землею
И в жизни нет дороже ничего,
Чем эти горы, полные покоя.*

*– Хизгил, дай руку мне, товарищ мой,
Дербент – нам Рим, Гуниб для нас – Монако.
Нарын-кала – Акрополь золотой,
Где светит нам история из мрака.*

*Таких преданий нет в краях чужих,
А если есть, то мне не тронут душу,
Они, Хизгил, сильнее слов твоих,
Которые готов я вечно слушать.*

Эти искренние и взволнованные строки перенесли меня в то время, когда мы с Хизгилом Давидовичем, Байрамом Салимовым и Нариманом Алиевым выступали по линии Бюро пропаганды художественной литературы на заводах и в учреждениях Махачкалы. Наши встречи чаще всего проходили во второй половине дня, и я была вынуждена на них брать своего сына – ученика младших классов. По дороге Хизгил Давидович подружески общался с маленьким мальчиком и своим негромким спокойным голосом рассказывал ему разные веселые истории. Это общение на равных пожилого, уважаемого всеми писателя с маленьким школьником было очень трогательным и о многом говорило. Демократизм Хизгила Давидовича был не деланным, но естественным, как и он сам, и все его творчество. Он был чем-то похож на своего любимого литературного героя Шими Дербенди, новеллы о котором читал на наших литературных вечерах. Читатели любили его. У людей

самых разных профессий и социальных слоев проза его пользовалась неизменным успехом.

Хизгил Давидович был замечательным рассказчиком. Его жизненные истории, которые он рассказывал между прочим, по сути были настоящими перлами устного творчества. Как жаль, что в те времена не было портативных диктофонов, чтобы сохранить эти рассказы для дагестанского читателя.

Поскольку литературные встречи проходили почти ежедневно, у нашей писательской бригады была своя творческая программа, которой мы неукоснительно придерживались, в разных местах читая одни и те же произведения. Через неделю мы знали творчество друг друга почти наизусть – но странно! – рассказы Хизгила Давидовича я продолжала слушать с неугасающим интересом, всякий раз открывая в них что-то новое.

Даже сейчас, когда я пишу эти строки, я будто вижу, как неторопливым шагом он спускается по улице Дахадаева вниз по направлению к Союзу писателей, куда Хизгил Давидович заглядывал почти каждый день и непременно обходил все кабинеты, чтобы поздороваться со всеми и поделиться своими размышлениями о жизни.

Я хорошо помню и наши майские встречи с писателями-ветеранами, на которых Хизгил Давидович всегда рассказывал интереснейшие эпизоды из своей фронтовой жизни. Она действительно была уникальной. Ведь не каждый фронтовик мог похвастаться тем, что во время войны служил кавалеристом и носился в атаку на своем верном боевом скакуне. От военных рассказов Хизгила Давидовича веяло какой-то романтикой начала века, и мы, молодые дагестанские писатели, слушали его зачарованно. Особенно нас поразил его рассказ о кабинете Гитлера, в котором Хизгил Давидович вместе с группой советских офицеров побывал сразу же после окончания войны. Впоследствии свои впечатления от

увиденного в гитлеровском бункере он передал в стихотворении, которое так и назвал «В кабинете Гитлера»... Это стихотворение я перевела к 40-летию Победы и впервые прочитала его в городе-герое Волгограде, где в 1985 году проходили Дни дагестанской литературы. После этой поездки у меня осталось много фотографий. Я часто просматриваю их и всякий раз обращаю внимание на то, как серьезен и задумчив на них Хизгил Давидович.

Добрый, внимательный, прекрасный человек. Он жил рядом с нами, активно работал, интересовался всеми писательскими проблемами. Он и в свои восемьдесят был молодцом и, казалось, так будет всегда. Мы часто встречались с ним в городском сквере, где он любил прохаживаться своим четким размеренным шагом философа, все испытавшего и все знающего об этой жизни. Он всегда останавливался, и мы разговаривали о самых простых вещах, и не было случая, чтобы он не спросил меня о сыне: «Ну, как там мой маленький друг?». Эти встречи в сквере стали уже неотъемлемой частью моей жизни, и мне порой казалось, что время не властно над этим мудрым и спокойным человеком. И только тогда, когда на его традиционный вопрос о маленьком друге, я отвечала: «Он уже учится в университете» или «он уже работает главным редактором газеты», – я вдруг спохватывалась. Как же быстро бежит время!

В конце девяностых мне часто приходилось покидать Махачкалу в связи с тяжелой болезнью моего отца, и я все реже виделась с Хизгилом Давидовичем. Когда папа умер, я возвратилась в город, но долгое время не могла и не хотела ни с кем общаться. Наконец, справившись с депрессией, вышла в сквер, где случайно встретила Хизгила Давидовича, проявившего к моему горю большое участие. Он расспрашивал меня об отце, тоже

фронтовике, и мне казалось, что его умиротворенный голос унимает мою непроходящую боль.

Прошло еще немного времени, я постепенно вошла в прежний ритм жизни. И вдруг стала замечать, что все реже вижу знакомую фигуру Хизгила Давидовича в привычном сквере. После X писательского съезда он еще дал интервью нашей газете «Литературный Дагестан», которое, к сожалению, оказалось последним.

Для меня его уход был неожидан и болезнен, как уход очень близкого и родного человека. Только с его уходом я четко и ясно осознала, что значил этот человек в моей жизни. Как у Высоцкого: «Мне не стало хватать его только теперь, когда он не вернулся из боя»...

Странно. Я знала Хизгила Давидовича более двадцати лет, дружила с ним и никогда не задумывалась о той роли, какую сыграл он в моей жизни и в моей литературной судьбе. И только когда его не стало, поняла, насколько она была велика. Ведь пустота, образовавшаяся после его ухода, так и осталась незаполненной. Простите меня, Хизгил Давидович, что я не сказала вам этого при жизни!

2010 г.

Марина Ахмедова,
поэт

СТАРШИЙ ДРУГ И УЧИТЕЛЬ

Когда он умер, ему было 88. За свою долгую жизнь он написал не так уж и много: несколько повестей, сотни рассказов и очерков. Он не стремился издавать толстые романы. Он не гонялся за количеством книг и за их объёмом. Он писал, как и жил: взвешенно, неторопливо. Он любил повторять слова А.П. Чехова, что «краткость – сестра таланта», и придерживался этого как в своём творчестве, так и в жизни. Он был немногословен и сдержан как в общении с людьми, так и в своем творчестве.

Хизгил Давидович Авшалумов создавал свои произведения одинаково талантливо и на русском, и на родном татском языке. И на том, и на другом его читали с огромным удовольствием. В Дагестане, в России и во многих республиках бывшего Советского Союза особой популярностью пользовались его юмористические рассказы. Когда я мысленно возвращаюсь к ним, то, как и раньше, прихожу к выводу, что он обладал большим чувством юмора. Повествуя о поступках своих героев, Хизгил Давидович вызывал у читателей улыбку, порой заставлял их смеяться и, конечно же, задуматься. Почему читатели его рассказов смеются? Потому что Х. Авшалумов – тонкий и меткий наблюдатель. Создавая образы своих персонажей, а вместе с тем сюжеты своих произведений, писатель уделяет большое внимание комическим подробностям изображения. Его мастерство в том и заключается, что он не только умеет

подмечать смешное в жизни, но и передать это смешное такими словами, привести такие остроумные сравнения, выражения, что читатель, о чём бы ни шла речь, невольно смеётся. Над всем тем, что делает человека нечестным, жадным, смешным.

Когда однажды я спросил Хизгила Давидовича, почему он так мало пишет, он глубоко задумался, поглаживая двумя пальцами свои усики. Мой вопрос, видимо, немного задел его самолюбие.

– Понимаешь, Манашир, – после некоторого раздумья не без горечи в голосе заговорил он. – Можно и быстро, и часто писать свои вещи, как, кстати, и делают некоторые из нашей пишущей братии. Но что толку? Эти произведения – однодневки. Прочитал – и забыл. Ни уму, ни сердцу. Но если хочешь создать что-нибудь значительное, весомое, неважно, рассказ это или повесть, надо трудиться в поте лица. В нашем деле, помимо таланта, трудолюбие – самое главное качество человека! Я же не только ради гонорара пишу. Я хочу, чтобы мои произведения нравились людям. Да что я тебе об этих истинах говорю? Ты и сам прекрасно об этом знаешь.

Сколько бы лет я ни встречался с Хизгилом Давидовичем, я не переставал удивляться одному факту. Перед тобой сидит сосредоточенный, задумчивый человек, поглаживает двумя пальцами свои аккуратно подстриженные усики и исподлобья поглядывает на тебя, размышляя над твоими словами. Он мог подолгу и терпеливо слушать собеседника, и порой создавалось впечатление, что перед тобой сидит мрачноватый и угрюмый по натуре человек. Но какое это было обманчивое и ошибочное впечатление! В связи с этим я вспомнил роман Л. Толстого «Анна Каренина». Великий психолог не зря многие страницы своего романа посвятил тому, как художник Михайлов, рисуя портрет Анны Карениной, никак не мог завершить работу над

ним. Почему? Да потому, что портретист не находил ту единственную, деталь, которая могла бы передать внутреннее душевное состояние Анны. И он искал её месяцами. И лишь однажды удалось художнику поймать то, что он долго искал: душевное богатство и красоту её души.

Так и я постепенно смог уловить внутреннее душевное богатство Хизгила Давидовича. Во время одной нашей встречи я рассказал ему об одном забавном случае. И вдруг лицо Хизгила Давидовича засияло улыбкой. Он весь преобразился. Через минуту он уже не просто смеялся, а хохотал. Через некоторое время он, вспомнив об этом забавном случае, с искоркой в глазах стал покачивать головой в знак удивления и вновь хохотать. При этом он платком вытирал слезу, появившуюся от неудержимого смеха.

Как-то Хизгил Давидович позвонил мне домой. Голос его показался мне встревоженным. Он попросил меня приехать к нему. Я забеспокоился. «Что же могло случиться? – думал я по дороге. – Не обиделся ли он на меня за что-либо?»

Не успел я войти и поздороваться, как он, бледный и расстроенный, что с ним случалось довольно редко, начал жаловаться на нашего общего знакомого, который решил стать писателем.

– Понимаешь, недавно принёс мне свою повесть и попросил прочитать её. Я, естественно, согласился. Даже обрадовался, что мой земляк перешёл к этому жанру. Начал читать – и мне стало плохо. Жена уже хотела вызвать «Скорую помощь». Ладно, рассказы он писал более или менее сносные. А тут без всякой подготовки, понимаешь, не утруждая себя, накатал повесть. Сплошная чушь. Как можно так безответственно относиться к своему творчеству? И как можно такое подсовывать мне? Он, что, хотел меня раньше времени угробить? И столько времени я потратил зря... Ты попроси

его, пожалуйста, больше так не поступать. Сам я ему так сказать не смогу: нервы не выдержат.

Хизгил Давидович, рассказывая всё это, вновь нервничал, горячился. Я понимал его. Но когда он подчеркнул, что этот «писатель» хочет его угробить, мне вдруг стало так смешно, что я не удержался и захохотал.

– Неужто он ахинею понёс? – удивлялся я, продолжая смеяться.

– Ну да, – не сразу поняв причины моего смеха, тоже весело захохотал Хизгил Давидович.

Я был доволен, что рассмешил его, снял с него нервное напряжение.

– Ты чего? – продолжая смеяться, спросил он меня.

– Неужели так на вас подействовал этот факт? Вы же подобное читаете довольно часто.

– Ты же знаешь, что я не переносу чуши, – убеждал он меня уже серьёзно.

Немного помолчав, добавил:

– Вот ты спросил как-то меня, почему я так мало пишу. Твой вопрос прозвучал для меня как упрёк, хотя я понимаю, ты этого не хотел. Но я отвечу тебе вот так. Я работаю над каждым произведением упорно и кропотливо. Не хочу всякую ерунду издавать. Только трудиться – и только тогда ты ответственно создашь что-нибудь путное. Надо быть строгим к себе. Каждым писателем должна владеть жажда совершенства. Ты меня понимаешь? Работать надо над собой! А они не хотят утруждать себя. Куда это годится?

Наш татский альманах выходил один раз в году. Часто Хизгил Давидович поручал мне рецензировать произведения авторов. Это было для меня страшным испытанием и мучением. Я каждый раз задумывался над тем, как бы, покритиковав того или иного автора, не навлечь на себя гнева.

И когда я жаловался ему на слабость их произведений, он с хитрой улыбкой на устах говорил:

– Теперь ты понял, каково было мне до твоего переезда в Махачкалу?

– Да, – отвечал я, тяжело вздохнув.

– Пойми, Манашир, – выговаривал он мне. – Всем добреньким быть невозможно. Так что ты пиши объективную рецензию...

– Да, но если быть таким строгим, то альманах просто не выйдет. Ведь они в основном все пишут слабо. У нас просто не хватит материала. И что будем делать тогда?

Тут он задумывался, двумя пальцами поглаживая усики и внимательно заглядывая мне в глаза, как бы ища в них ответа.

– Я и так стараюсь для них. Подправляю, редактирую... Но они продолжают писать старомодно, будто живут в прошлом веке. Никакого творческого роста, – рассуждал он с печалью в голосе.

– Да, – поддерживал я его. – Мы их всё равно мастерству не научим. У них устоявшиеся понятия, приёмы, сюжеты...

И он уже вместо ответа уходил весь в себя.

– Здесь, понимаешь, о чём я подумал, – как-то задумчиво произнёс он. – Когда нас, литераторов старшего поколения, не останется, то наша татская литература может просто прекратить свое существование. Исчезнуть. Во-первых, многие из нынешних поэтов и прозаиков до сих пор не в ладах с нашим языком. Во-вторых, им некому будет помогать. Язык в школах не изучается. Наши земляки очень мало покупают нашу литературу, – с огромной печалью в голосе завершил он свои рассуждения.

И он страдал. От всего. Он, мудрый и талантливый человек, не знал, как сохранить родную литературу, родной письменный язык... Он знал, что и его, любимого в народе писателя, земляки в основном читают на русском языке. А он, повторяю, одинаково прекрасно

писал на родном и русском языках. И в этом он превзошёл многих своих коллег по перу.

– Манашир, – говорил он часто. – Я просто поражаюсь одному: как можно жить без труда, самозабвенного, творческого, обогащающего?!

И в каждом подобном случае его вопросы заключали в себе и ответы. Это были вопросы-утверждения, после которых можно было поставить и вопросительный, и восклицательный знак.

Когда вспоминаешь жизнь Х. Авшалумова, начиная с его отроческих лет, диву даёшься: как мог сын бедняка из татского села Нюгди, рано потерявший мать и отца, задумчивый, немногословный мальчишка, пройти путь от сельского пастушка, а затем и скромного корреспондента областной татской газеты «Захметкеш» («Тружник») до известного в стране писателя! И спустя много лет я нашёл ответ на этот вопрос. В этом ему помогли трудолюбие и природный талант. Он, с детских лет познавший труд, уже будучи взрослым человеком, любил повторять поговорку, что труд кормит, а лень портит. Вот почему ему удавалось быть последовательным и целеустремлённым в своих начинаниях. Вот почему был приятно поражён его друг и земляк, татский поэт, командир роты Манувах Дадашев, получивший известие о Хизгиле от своего друга А.Ф. Назаревича. «Вы не можете себе представить, друзья, – писал Манувах с фронта, – как вы меня порадовали вестью об Авшалумове. И так, наш Хизгил участвовал в освобождении Пятигорска. Вы пишете, что он занял первое место в полку по рубке и второе по джигитовке. И где? В частях Кириченко, среди казаков! И это тот самый маленький Хизгил, который годами сидел в Институте над рукописями и никогда не сидел на коне. Воистину война творит чудеса. Пишите подробнее о его ранах, о лечении, обо всём-всём».

Вот так Хизгил Давидович работал над собой, чего бы это ни касалось. Так он работал и над своим творчеством!

Х.Авшалумов после войны проработал много лет корреспондентом республиканской газеты «Дагестанская правда». Творческие командировки по Дагестану помогли писателю найти многочисленные темы для создания большинства рассказов. Он всегда с благодарностью вспоминал тот период своей трудовой биографии.

Хизгил Давидович часто брал меня с собой на разные мероприятия. Однажды он попросил меня проехаться с ним в наш родной город Дербент. Мой двоюродный брат писатель Михаил Дадашев пригласил нас к себе на загородную дачу. Берег Каспия здесь был песчаным и море – неглубоким. Чтобы окунуться по грудь, надо было пройти по воде метров тридцать. Мы с братом расположились на берегу играть в шахматы, а Хизгил Давидович с огромным удовольствием вошёл в море. Я изредка поглядывал в его сторону, беспокоясь, как бы чего с ним не случилось. Он же шёл и шёл, а море всё было ему по колено. Увлёкшись игрой, я какое-то время отвлёкся и перестал следить за Хизгилом Давидовичем. А когда поднял голову, то не увидел его. «Куда он мог деться? – заволновался я. – Неужто ему стало плохо?»

Я перестал задумываться над своими ходами и предложил брату войти в воду и поискать Хизгила Давидовича.

– Да ничего не случится. Играй, – невозмутимо ответил брат.

Прошло ещё минут пять. А нашего дорогого человека было не видать. Я не выдержал (аж губы пересохли), встал и громко заявил:

– Нет, брат, это уже серьёзно. Был человек – нет его.. Так не бывает.

Метров в тридцати от нас на берегу мы увидели мужчину и двух мальчиков лет 10-12.

– Ребята! Ребята! – закричал я, уже не выдержав. – Идите сюда! – нервно просил я и звал их движением руки.

Мужчина и ребята подбежали к нам.

– Что случилось? – спросил старший.

– Наш дорогой человек пошёл купаться, – заикаясь от волнения, заговорил я. – И вдруг его не видать. Давайте на расстоянии пяти метров друг от друга войдём в воду и поищем его. Может, ему стало плохо и он утонул.

– А какой он из себя? – спокойно спросил мужчина.

– Ниже среднего роста, худощавый, с усиками... – постарался я объяснить.

– Это не он там бегаёт? – указал мужчина на человека, бегающего по берегу метрах в пятидесяти от нас.

Мы с братом всмотрелись и не особенно поняли, кто там бежит. Между тем, «бегун» этот стал постепенно приближаться к нам. И вдруг мой брат прыснул со смеху.

– Ты переживаешь, впадаешь в панику, – продолжал он хохотать, издеваясь надо мной, – а он в это время физзарядкой занимается.

Подбежал Хизгил Давидович и, ничего не понимая, вопросительно посмотрел на нас.

– Кто кричал? Что случилось? – спросил он, тяжело дыша после пробежки.

– Да вот, Манашир тут запаниковал, – продолжал ехидничать брат.

Мы поблагодарили мужчину и его детей за внимание, и они ушли.

Я не мог отойти от пережитого страха, был бледен и напряжен. «Как же я мог забыть, что Хизгил Давидович давно занимается бегом? – то ли удивлялся я, то ли успокаивал сам себя. – Когда же он вышел из воды?»

От волнения мне стало совсем плохо. Хизгил Давидович с братом помогли мне дойти до домика.

– Так что же всё-таки случилось? – поняв, что что-то стряслось, с беспокойством спросил Хизгил Давидович.

– Он всё время наблюдал за тем, как вы купаетесь. А потом вдруг потерял вас и стал волноваться, – небрежно бросил брат со смехом.

Хизгил Давидович с благодарностью посмотрел на меня, и я, не выдержав нервного напряжения, истерично и громко заплакал.

Брат занялся приготовлением шашлыка, а Хизгил Давидович, обняв меня за плечи, стал успокаивать, приговаривая:

– Всё уже нормально. Все обошлось. Всё хорошо. Давай выпьем по стаканчику сухого винца.

С полчаса я всхлипывал – не мог успокоиться. И лишь когда я представил себе, как Хизгил Давидович как ни в чём не бывало бегал по пляжу, а я тем временем накачивал себя, меня вдруг разобрал нервный смех. Глядя на меня и поняв всю комичность ситуации весело захохотал и сам Хизгил Давидович.

– Как же я мог не помнить, что вы каждое утро совершаете пробежки?! – продолжал я удивляться и смеяться.

По возвращении в Махачкалу он на второй же день по телефону пригласил меня в гости к себе. И пошутил:

– Приходи, отмоем мое второе рождение. Я хочу тебя видеть. Домашние, и особенно жена Таня, в восторге от твоего благородного поступка.

В тот день мы с Хизгилом Давидовичем «тяпнули» аж по три рюмочки коньяку.

– Здесь, ты знаешь, что со мной однажды произошло? – улыбаясь и поглаживая усики двумя пальцами, заговорил Хизгил Давидович. – Мы, группа дагестанских писателей, поехали в горный район на встречу с читателями. Ну, как и принято у нас, вечером пригласил нас к себе домой председатель райисполкома. Вот на сей раз я действительно чуть не погиб. Так вот. Сидим мы у этого председателя, выпиваем, шашлыком закусываем, беседуем. Когда совсем стемнело, я решил перед сном немного подышать горным воздухом и вышел во двор. Дом председателя стоял на краю села и на краю оврага. А так как дело было, повто-

ряю, ночью, за кустарниками я не заметил обрыва. Хотел было ступить дальше, как вдруг услышал резкий окрик Ахмедхана Абу-Бакара: «Хизгил, стой!»

Честно говоря, поначалу мне был не совсем понятен его окрик, и я подумал: «Что ему надо?» Но я всё же остановился. «Что могло случиться?» – рассуждал я про себя.

Ахмедхан быстро подскочил ко мне, схватил за руку и резко, даже грубо, отвёл меня в сторону. Я был шокирован его поведением. Я ничего не соображал.

«За кустарниками обрыв! Ещё бы шаг – и ты бы полетел вниз головой», – со страшным волнением произнёс Ахмедхан. И для убедительности он, подыскав палку, стал показывать мне, что за кустарниками пустота. Оказывается, когда я вышел во двор, Ахмедхан, хоть и основательно выпил, заметил мое долгое отсутствие и, подумав, что я могу направиться к обрыву, выскочил за мной.

– А поначалу вы, наверное, подумали что-то недоброе? – спросил я.

– Да. Я никак не мог понять, почему он так грубо меня окликнул.

Он так рассказывал страстно об этом случае, что мне показалось, что он вновь переживает то событие.

Потом Хизгил Давидович, немного задумавшись (видимо, он мысленно ещё находился в том горном ауле), посмотрел на меня внимательно и сказал:

– Ещё по рюмочке?

Это он ради меня старался. Сам же он не был любителем выпивать.

Но в дверях появилась тётя Таня.

– Хизгил, может, хватит? Плохо же потом тебе будет. Манашир молодой. Ты ему налей, а сам пригуби только.

Признаться, Хизгил Давидович очень редко употреблял спиртное. А тётя Таня вообще очень бережно относилась к его здоровью.

– Всё, Хизгил Давидович, – согласился я с тётёй Та-ней. – На сегодня достаточно.

– И всё-таки я глубоко признателен тебе, Манашир, за твою человечность, за заботу обо мне, – вернулся он к первоначальному нашему разговору. – Я виноват, конечно, что поневоле устроил вам тогда на море нервотрепку. Зато я понял, как ты меня любишь, как дорожишь мной! Спасибо тебе за это!

Шёл 1978-й год. Я преподавал в педагогическом институте. Приближался День Советской Армии – 23 февраля. Я, будучи куратором студенческой группы, решил со своими подопечными организовать встречу с участниками Великой Отечественной войны. Пригласил двух Героев Советского Союза – Подорожного и Гальченко и двух офицеров в отставке, писателей Хизгила Давидовича и табасаранского поэта Муталиба Митарова. Поручил своим студентам во время встречи прочитать два юмористических рассказа Хизгила Давидовича и два стихотворения Муталиба Митарова. И попросил ребят задавать гостям вопросы о войне, об их творчестве.

Какая это была запоминающаяся встреча! Аудитория, вмещавшая до 300 человек, была заполнена до отказа. Вовсю трудились фотокорреспонденты республиканских газет. Наши уважаемые Герои вспоминали эпизоды из своей фронтовой жизни, а писатели говорили не только о своём участии в войне, но и делились секретами работы над своими произведениями.

Хизгил Давидович очень любил выслушивать мнения читателей. Он любил общаться с ними, с удовольствием отвечал на их вопросы. А если к тому же вопросы к нему звучали и остроумно, то он с удовольствием смеялся вместе со всеми. Никто не поверит тому, что Хизгил Давидович серьёзнейшим образом и ответственно относился к самому процессу фотографирования. В особенности к групповым фотоснимкам. Да,

да. Он готовился к ним, как к какой-то торжественной акции! Помню, когда в тот день фотокорреспондент попросил меня и Хизгила Давидовича попозировать ему, вдруг к нам подбежала одна из моих студенток. «И я хочу с вами!» – попросила она. Хизгил Давидович охотно уступил девушке место посередине, а сам встал с краю. Своей скромностью он приводил любого человека в состояние растерянности! Такова была сила его человеческого обаяния!

Позже, когда я ему принёс уже готовые фотографии, он с огромным интересом рассмотрел их, спросил, для него ли они, а затем бережно отложил в сторону и сказал:

– Ну, спасибо! Ты сделал мне добрый подарок! – душевно благодарил он меня, придавая этому факту большое значение. Он любил бывать в гуще народа. Поэтому групповые фотоснимки вызывали у него огромную радость.

Он любил людей и умел быть им благодарным!

* * *

Хизгил очень любил поездки по республике. Так вот однажды он позвонил мне и с некоторым волнением в голосе сказал:

– Манашир, здесь, понимаешь, я надумал вот что. Я давно не был в своём родном селе Мишкюр /Нюнди/. Я сильно соскучился по нему, по родным местам.

Я слушал его внимательно и мысленно рассуждал про себя: «Он, видимо, устал. Хочет отдохнуть. И родное село придаст ему силы, вдохновит. Он хочет прикоснуться к родной земле».

– Кстати, – продолжал он возбуждённо. – И твои дед и бабушка по материнской линии тоже родом из нашего села. Не хочешь ли проехаться туда со мной? «Газик» нам дают – туда и обратно. Не пожалеешь. Ты же никогда не

был в наших краях. Вот видишь? По дороге и нашу знаменитую виноградарку Гюльбоор Давыдову прихватим с собой. Она же тоже там родилась.

Я с удовольствием согласился. Мне было интересно сравнить, насколько совпадут с реальностью мои представления об этом селе из прочитанных повестей Хизгила Давидовича.

...Когда мы подъезжали к селу, признаюсь, мне показалось, что я оказался в сказочном царстве. Село лежало в окружении лесных массивов. Тут же протекала речка Гюльгеричай, которая напрямиком текла в Каспий. Живописный край! И я понял, как умело смог Хизгил Давидович передать красоту своего края в своих повестях!

– Нас выручало богатство леса и рыба в речке, – не глядя на нас, заговорил Хизгил Давидович. – Бедняков кормило то, что в лесу было много ягод, орехов...

– Но если люди старосты ловили нас, – включилась в размышления писателя Гюльбоор, – то нам приходилось худо.

Мы проехали по всему селу. Останавливались по дороге, потому что знаменитых земляков приветствовали сельчане, приглашая в гости.

– Мы часто купались в речке, – заметил Хизгил Давидович, когда мы вплотную подъехали к ней. – До моря всё-таки, как считали мы, было далековато. Чистая, прозрачная и прохладная речная вода освежала наши разгорячённые головы. Порой мы целыми днями пропадали здесь.

Я обратил внимание на то, как загорелись глаза у Хизгила Давидовича. Он весь преобразился, оживился. Он готов был обнять весь этот живописный край! Неопишуемая красота, окружающая село, оставила у меня неизгладимое впечатление. «Вот где вырос будущий писатель! – размышлял я про себя. – Вот какой край вдохновлял его!»

И еще я понял здесь, почему пейзаж в повестях Х. Авшалумова выступает не только с функцией чисто психологической, не только раскрывает отношение героев к природе, к миру. Писатель использует пейзаж не только с философской направленностью, но и подчиняет его общим задачам чисто художественного плана. С помощью пейзажа Х.Авшалумов дополняет характеристику героя, раскрывает его духовное богатство и, таким образом, – идею всего произведения. Авшалумовские чудные пейзажные зарисовки так сильно эстетически на нас действуют, что мы не только наслаждаемся первозданной красотой, но и задумываемся над тем, как сохранить эту красоту и что надо сделать, чтобы вся наша земля преобразилась и превратилась в единый большой цветущий сад! Вот почему Х.Авшалумов так трепетно и взволнованно передает свою любовь к родному краю. Вот почему, прочитав яркие, полные романтики описания писателя, нам становится интересно в том красочном мире, открывающем с такой образной силой самые, казалось бы, неожиданные связи, существующие между человеком и природой. И мы погружаемся в бесконечно щедрый, обогащающий мир поэтического видения.

К таким вот выводам пришёл я в тот день приезда в родное село писателя. Х.Авшалумов, выросший в татском селе, среди гордой и величественной природы, любит и знает её движения, чутко улавливает её запахи. Глубокое знание жизни природы помогло писателю умело передать все её оттенки. Живописные и эмоциональные картины природы создают поэтическую атмосферу повестей Х. Авшалумова.

Будучи сельским пастушком, Хизгил Давидович, подолгу лёжа на лесной поляне, где недалеко паслось небольшое стадо коров, порой съёжившись от страха, наверное, мысленно разговаривал с рано ушедшей из жизни матерью. А может быть, он разговаривал с дере-

вьями, кустарниками, с небом... Кто знает, о чём мечтал юный романтик Хизгил, оставаясь с самим собой. Может быть, всё это и превратило его в человека-молчуна, в «мрачноватого и скучноватого» человека. Вот ведь почему в прозаические моменты жизни герои Авшалумова стараются уйти в свой особый мир. Мир, где они остаются наедине с самим собой, с окружающей природой. Кто знает, может, тогда он, Хизгил, и его герои, как поэты, ведут свои задушевные разговоры с природой. И яркий, красочный мир открывается их взору. Мир полный чудес и сказочных явлений. Самые сокровенные думы доверяют они природе.

Вот на какие размышления навела меня та поездка в родное село писателя.

Я вспомнил так подробно о той замечательной поездке вот ещё почему. Дело в том, что Хизгил Давидович в прежних беседах со мной часто говорил о любви к малой родине. При этом всегда подчёркивал, что без такой любви к родной земле невозможна любовь к большой родине. Много лет спустя я развил и продолжил эту мысль мудрого писателя и человека. Вот как я об этом писал в своей брошюре, посвящённой десятилетию международной ассоциации «Юность планеты», президентом которой я являюсь более десяти лет: «...Прежде чем дети разных народов, взявшись за руки, вместе дружно и громко заявят, что они, «дети разных народов, мечтою о дружбе и мире живут», надо сначала... постараться вызвать у них чувство уважения к родному языку, родному народу, родной культуре, истории... Ибо, не любя свой народ, свой язык, юный гражданин планеты бездушно отнесётся к языку, культуре, истории других народов, не поняв чаяний и устремлений своего народа, он останется глух и равнодушен к мечтам и помыслам других народов».

Я был благодарен Хизгилу Давидовичу за ту прекрасную экскурсию в сказочный край. Обычно немногословный, серьёзный на вид человек, он в родном селе шутил, смеялся. Словом, радовался всему, как мальчишка!

«Вот откуда, – думал я, – он, влюблённый в свой родной край, в его людей, черпал душевные силы. И ведь он был глубоко прав, когда без всякого лукавства писал: «Некоторые, читая мои «весёлые рассказы», думают, что я и впрямь – весёлый человек, интересный собеседник, остроумный шутник. А на самом деле в жизни я человек скучноватый, мрачноватый, малоразговорчивый, неостроумный. Сам удивляюсь: почему меня тянет писать весёлые вещи? Может, это оттого, что при всех недостатках моего характера я люблю людей и люблю куда больше, чем это кажется на первый взгляд...»

Да, действительно он любил своих земляков, глубоко уважал всех дагестанцев. И гордился многими из них! Интеллигентный, добродушный, талантливый человек, он по своему характеру не был способен в грубой форме критиковать существующие в обществе недостатки. Он умел и правду говорить шуткой. Мне кажется, что его мягкий юмор приносил куда больше пользы, чем едкая сатира некоторых авторов.

Я признателен судьбе за то, что она свела меня с Хизгилом Давидовичем. Он был мне и старшим другом, и хорошим терпеливым учителем. Так что его добрые советы и поныне помогают мне и в личной жизни, и в творчестве.

Москва, 2002 г.

*Манашир Азизов,
писатель, журналист.*

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О Х.Д. АВШАЛУМОВЕ

С творчеством татского писателя Хизгила Давидовича Авшалумова я познакомился ещё в детском возрасте, когда мне едва исполнилось десять лет. В то время я читал всё подряд запоем, но когда мне в руки попался его сборник рассказов, который назывался «Как я воскрес», для меня это стало таким открытием, которое меня просто потрясло. Особенно сильное впечатление произвёл на меня рассказ, по которому был назван сборник. Я смеялся буквально до слёз, читая этот рассказ, и сам сборник перечитывал по нескольку раз, настолько сильно поразил меня автор своим неиссякаемым юмором, который потом столь ярко проявился в образе Шими Дербенди. С этого момента я уже не пропускал ничего из того, что выходило из-под пера Х.Д.Авшалумова. И следующим произведением, которое я прочитал, была повесть «Возмездие». Это произведение стало для меня одним из любимых. Когда я учился в консерватории, меня всё время не покидала мысль о сценическом воплощении этого произведения в оперном жанре. Но впереди было ещё знакомство с самим писателем, долгие творческие и просто человеческие отношения.

Моя память не сохранила момент первого знакомства с Хизгилом Авшалумовым, но у меня такое ощущение, что я знал его всегда. Я часто советовался с ним по разным творческим вопросам, когда нужно было напи-

сать песню на тот или иной сюжет, его советы были для меня очень важны. Немаловажен был в наших отношениях и тот факт, что я дружил с его зятем Нисоном Гилядовым. Наша дружба, поначалу чисто человеческая, со временем дополнилась и совместным творчеством, а по этому поводу нам нужны были советы Хизгила Давидовича. Не все наши замыслы получали его одобрение.

Когда в середине девяностых годов в республике был объявлен конкурс написание дагестанского гимна, многие наши поэты и композиторы решили за это взяться. Я тоже решил попробовать свои силы и пришёл с этой идеей к Нисону Гилядову. Он предложил посоветоваться с Хизгилом Давидовичем. И вот сидя за хорошим столом (а Хизгил Давидович был очень хлебосольный хозяин), мы изложили ему свою идею. Он минуту помолчал (конечно, он знал об этом конкурсе), потом, внимательно посмотрев на нас, спросил: «Что, хотите попасть в историю с чёрного хода?». Мы с Нисоном молча переглянулись и ни у кого из нас не нашлось ответа на этот вопрос, мы для себя его просто закрыли. Я тогда расценил его ответ с не совсем творческой точки зрения, но смысл этого ответа дошёл до меня много позже, когда я написал одну из своих лучших песен на стихи Нисона Гилядова «Материнская боль». Именно тогда я понял смысл ответа Хизгила Давидовича. Он считал, что прежде, чем браться за такой сложный жанр, как гимн, необходимо быть очень большим патриотом и проявить себя достойно в творчестве, хотя бы в таком жанре, как патриотическая песня, – тогда можно рассчитывать на то, что у тебя что-то получится в более серьезных музыкальных произведениях.

Как раз благодаря дружбе с Нисоном, я стал человеком, близким семье Авшалумовых. Вот тогда я и заговорил с Хизгилом Давидовичем об оперном либретто по мотивам повести «Возмездие». Он с интересом вы-

слушал меня и спросил, читал ли я роман «Фамильная арка». Я, конечно, его читал, но именно повесть была моим любимым сочинением. Конечно, этот сюжет тоже был для меня интересен, я его держал в памяти, но начать хотелось с другого. И, естественно, я не мог пройти мимо такого яркого образа, как Шими Дербенди, и об этом мы тоже говорили с Хизгилом Давидовичем. Но и он, и я видели самую большую проблему в другом: в республике не было грамотного либреттиста. Я, конечно, мог разработать сюжетную линию, наметить основные образы, но написать текст либретто на стихотворном уровне не мог. Это особый жанр литературного творчества. К сожалению, этот замысел так и остался неосуществлённым.

В 1995 году я решил сменить место работы и, уйдя из аппарата Союза композиторов, вернулся на преподавательскую работу. Узнав об этом, Нисон предложил мне работу в татской редакции в должности корреспондента. Как обычно, мы посоветовались с Хизгилом Давидовичем. Я изложил ему свои опасения по поводу слабого знания языка, но он мне возразил, сказав, что я буду работать в сфере музыкальной деятельности, а кто же лучше композитора её знает, кроме того рядом работает такой специалист, как Нисон, и обещал также свою помощь. И слово своё он сдержал. Все мои музыкальные статьи переводил Нисон, но каждая статья корректировалась Хизгилом Давидовичем. Так, благодаря им, я в душе немного стал и журналистом, о чём никогда не жалел.

И ещё я заметил другое, в наших разговорах я всегда незримо чувствовал отношение большого мастера к тому, что в его народе есть свой профессиональный композитор. Он живо интересовался моими творческими замыслами, у нас было очень много точек соприкосновения по всем вопросам искусства. У нас оказались общими и проблемы национальной политики, о чём

мы каждый раз много и достаточно эмоционально говорили, причем эмоции присутствовали больше с моей стороны, что вовсе не мешало нам прийти к единому мнению. И, конечно, все эти беседы помогали мне во всём, в том числе и в творчестве. Каждый раз, когда выходила очередная книга Хизгила Давидовича, он обязательно дарил её своим близким друзьям, и все книги были с его дарственной надписью, и ни в одной книге содержание этой надписи не повторялось. Я храню все его книги, которые он мне подарил, часто их перечитываю, вспоминаю все наши беседы, и меня не покидает ощущение, что он и сейчас рядом со мной.

В мыслях возвращаясь назад, я всегда вспоминаю те минуты, когда в доме собиралась вся семья Авшалумовых, и мы говорили буквально обо всём, в том числе и о музыке. Хизгил Давидович всегда поддерживал меня в наших спорах, понимая мою искреннюю заинтересованность в развитии нашего национального музыкального искусства. Соглашаясь со мной в том, что песенные тексты отличаются от обычных стихов, он приводил пример из российской поэзии, предлагая мне попробовать написать песню на тексты того или иного поэта. Как он сам признавался, над своими песенными текстами на татском языке работал очень тщательно, переделывая их по многу раз. И только сейчас, когда в моём багаже более трёхсот песен, я понимаю, насколько прав был Хизгил Давидович и в вопросе написания гимна, да и во всех остальных вопросах, касающихся моего творчества.

Несмотря на то, что по объективным причинам многие мои замыслы, связанные с творчеством Хизгила Авшалумова, пока не сбылись, я всё же не теряю надежды, что какой-то из них всё-таки осуществится. Что я напишу все-таки оперу «Возмездие», балет по мотивам рассказа «Визирь табасаранского хана», комическую оперу на сюжет о Шими Дербенди, и поручкой в этом мне пос-

лужит образ великого Мастера, чей дух всегда незримо присутствует рядом со мной в счастливые минуты моего творчества. Ну а литературное творчество Хизгила Авшалумова ещё только начинает изучаться по-настоящему, – и здесь очень большое поле деятельности для искусствоведов, – хоть он давно занял своё место в ряду великих писателей нашей многонациональной республики.

2009 г.

Валерий Шаулов,
композитор

НАШ ХИЗГИЛ АВШАЛУМОВ

Официальное наше знакомство произошло в 80-х годах, хотя заочно с ним я был знаком и раньше. Я считал его своим кумиром. Для меня он был прекрасным писателем и аксакалом. Я всегда с гордостью говорил о его интернационализме и преданности родному Дагестану – родному Ньюджи, родному народу.

Вспоминаю, как мы познакомились ближе. Это произошло, как я уже отметил, в 80-х годах. Ко мне в танцевальный класс постучали. Открыв двери, я увидел взрослого человека, державшего за руку шестилетнего мальчика. В этом пожилом человеке я сразу же почувствовал море обаяния, интеллигентности и высокого благородства.

– Слушаю вас, – произнес я и услышал в ответ мягкий, собранный и певучий голос.

Я понял, что его лицо мне кого-то напоминает.

– Хочу записать своего внука к вам в школу танца «Счастливое детство». Очень люблю, когда мужчина может хорошо танцевать, – сказал вежливо пришедший.

– Да, конечно, – ответил я, но добавил то, что говорил и другим родителям: – Запишите ребенка и в начале сентября приходите. Мы будем проверять его ритмико-музыкальный слух, музыкальную память. У нас прием по конкурсу и к тому же бесплатное учебное заведение, мы отбираем самых талантливых детей.

– Я согласен, – ответил мне дедушка и добавил с

улыбкой: – Если у нас не окажется таланта к танцу, мы тогда попробуем себя в кружке кройки и шитья.

Я был поражен таким ответом. Имея уже не первый десяток лет опыта в наборе детей, я такого подхода от родителей не видел и не слышал. С таким юмором и философским подходом мог подойти только интеллигент и образованный в искусстве человек.

Когда я стал записывать в журнал набора нового ученика, меня чуть не приподняло со стула: мальчик четко, внятно произнес свою фамилию и имя – Авшалумов Марат. Я растерянно взглянул на дедушку Марата. Да как же я сразу не узнал!? Передо мной стоял Хизгил Давидович Авшалумов – писатель, прозаик, поэт, гордость татского народа.

Забегая вперед, скажу, что, к моему удовольствию, внук Авшалумова оказался с очень хорошими данными и протанцевал около десяти лет в качестве солиста ансамбля танца «Счастливое детство».

Вспоминаю, что Хизгил Авшалумов магически действовал на собеседника. Невозможно было с ним не соглашаться.

Но его отличало и то, что он не только умел говорить, но и мог красиво слушать собеседника. Это ли не мастерство поэта, писателя и глубоко интеллигентного человека?!

Читая художественные произведения Хизгила Авшалумова, лучше узнаешь историю, быт, культуру своего народа. Он никогда не использовал свой авторитет для личной выгоды, а использовал все преимущества своей большой личности в интересах людей.

Будучи много раз у него дома в гостях, я ощутил идеальную скромность, простоту, чистоту его домашнего уюта, всех членов его семьи.

Мои представления о помпезности его обихода были рассеяны. Что касается его творчества, то любое его произведение является талантливой хореографичес-

кой драматургией. Прочитав рассказ «Встречи у родника», Иосиф Матаев, художественный руководитель ансамбля «Лезгинка» (1982-1996 гг.), ахнул и с восторгом сказал: «Вот тебе и новый юмористический танец». Буквально в считанные дни в репертуар «Лезгинки» вошла новая постановка юмористического номера «У родника», имевшая впоследствии большой успех у зрителя. Танец этот с таким же успехом встречаются зрители и сегодня. Если говорить о юморе Хизгила Авшалумова, то можно отметить его гениальность в том, что он ни в беседе, ни в творчестве никогда не повторялся. У него на любой случай жизни была специальная юмористическая история, он любил импровизации, любил шутить.

Я признателен и благодарен судьбе, что с таким человеком у меня были частые встречи, застолья и общения. Его влияние, как истинного аксакала и мудреца, было очень большим и в эстетическом и нравственном отношениях.

2009 г.

*Шолуми Матаев,
художественный руководитель
ансамбля «Счастливое детство»*

ГЛУБОКАЯ РЕКА – ХИЗГИЛ

*М*оё стихотворение «Голоса» начинается строками:

*Бессонница. Ночь. Звездопад пронизал небеса.
И мысли полны нескончаемой тихой печали.
Не зная препятствий, знакомые нам голоса
Приходят такими ночами.*

Вот так же до меня доходит голос одного из талантливых сыновей дагестанского народа, замечательного писателя и человека Хизгила Давидовича Авшалумова. Доходит перекастистым эхом через склоны лет, которые он прошел с доброй улыбкой на лице и высокой честью в душе. Ему суждено было по крупичам собирать сокровищницу истории, культуры и языка своего народа, стать одним из основоположников татской (горско-еврейской) литературы – одной из жемчужин многонациональной литературы народов Дагестана.

Сегодня я мысленно слышу и вижу Хизгила Давидовича, – его тихий, но уверенный голос, удивительный взгляд карих глаз, чуть грустный, но с искорками смеха. Он был подобен глубокой реке, из которой можно и пить, и в которой можно лошадей купать. А глубокие реки не шумят, но от этого не теряют свою мощь и красоту...

Говорят, «искусство требует жертв». Талант же любит беспредельную преданность и полную отдачу избранному делу.

Талант – это народное достояние и большая ответственность перед самим собой. «Служить литературе – великая радость и большое бремя. Надо иметь огромную смелость тому, кто решил посвятить себя поэзии», – говорил К.Кулиев, балкарский поэт и современник Х.Авшалумова.

Особенно трудно основателям, первопроходцам литературы и искусства своего народа. Х.Авшалумов не боялся трудностей. Он стоял у истоков татской литературы и театра, его скромное величие парило над культурой своего народа не грозovým облаком, а благодатной дождевой тучей.

Х.Авшалумов относится к тем художникам слова, которые и в своей судьбе и в творчестве смогли соединить трагедию войны с неугасаемым народным юмором. Даже самые драматические страницы его книг дышат оптимизмом, верой в торжество справедливости и свободу человека.

Этим пафосом исполнены новеллы «О хитроумном Шими Дербенди», которые в течение многих лет широко печатались и пользовались большой популярностью не только в Дагестане, но и за пределами России. Их читали на немецком, английском, французском, испанском и др. языках. Это еще раз свидетельствует о том, что мысли и чаяния писателя волнуют всемирного читателя. В них одновременно слышны печаль и трагедия Бабьего Яра, и ликование Дня Победы.

Раны войны заживают нескоро, какой бы искусный лекарь их ни бинтовал. Это знает только тот, чье сердце тревожит боль, у кого в душе рана. Мы, дети войны, несем в душе эту боль. Она досталась одному побольше, другому поменьше, – но досталась всем. Половина моих лучших стихов посвящены военной теме. Отца я не видел – родился после того, как он снова уехал на фронт после госпитального отпуска и в 1942 г. пропал без вести в боях за Крым. Образ отца я старался воссо-

здать по рассказам матери, его боевых товарищей, уцелевших в пожаре войны.

Но больше всего в этом мне помогли встречи с такими фронтовиками, как Хизгил Давидович. В их разговорах, походе, осанке, улыбке я видел черты отца. Представлял его таким, как они. Он тоже был кавалеристом, как Хизгил...

Говорят, человек лучше всего познается в дальней дороге. Это было в 1982 году. Проходили Дни дагестанской литературы в Таджикистане. Нашу большую делегацию возглавляли Расул Гамзатов и Алипаша Умалатов. В течение недели мы жили в центре Душанбе, в райских условиях правительственных дач. Аварский певец М.Омаров и я поселились в одной комнате, напротив был номер Х.Авшалумова и Р.Рашидова. Они, как старшие, проявляли отеческую заботу о нас.

Однажды ранним утром, идя из ванной, в спешке я перепутал двери и случайно вошел в соседнюю комнату. То, что я увидел там, меня поразило. В середине комнаты Хизгил Давидович стоял на руках с прямо вытянутыми ногами. Видимо, делал утреннюю зарядку. Но не это меня удивило. Его крепкое, обнаженное до пояса мускулистое, как у юноши, тело сплошь было покрыто глубокими шрамами. Он был подобен одинокому дубу, исхлестанному беспощадными молниями. Постояв с минуту незамеченным, я тихо закрыл двери, чтобы не мешать ему...

С того дня Хизгил Давидович как бы открылся мне заново. Хотя мы были уже немало знакомы и часто бывали в совместных поездках по республике, но никогда, ни одним словом он не обмолвился, что воевал, был ранен, имеет боевые ордена и другие награды.

После этого я написал стихи, переведенные спустя много лет моим другом, замечательным поэтом П.Кошелем, где есть такие строки:

*Когда бушует солнечная сила
И день пронизан яркостью до дна,
Горят рубцы и жаркие шрамы Хизгила,
Горят, как боевые ордена.*

У нас в Дагестане была плеяда замечательных писателей-фронтовиков: кумык А.-В.Сулейманов, аварец М.Сулиманов, табасаранец М.Митаров, лакец Эф.Капиев и др.

Они были для нас примером не только в творчестве. У них хватало внутреннего света и для себя, и для нас. Они не просто прошли через огонь, обожгли себя, но и донесли его, передали нам, послевоенному поколению.

К великому сожалению, с неменьшей силой их души обжигали раны, нанесенные им судьбой уже в мирное время за их честность и правду.

Мы до сих пор чувствуем их тепло и закалку, иначе не вынесли бы таких резких перемен нашего неуютного времени.

*Те, чья совесть чиста, уходили на бой,
Так как с честью творили и жили:
Чтоб её борозда оставалась прямой,
Плуг эпохи подправить спешили...*

*Но порою в дверях ты стоишь начеку,
Ждешь добро, что обещано в роде.
А тем временем зло пробралось к очагу,
Путь себе проложив в дымоходе.*

Характер Хизгила, как в чистой воде, отражается в характере его славной дочери – Людмилы Хизгиловой Авшалумовой. Вот уже столько лет она несет на своих хрупких плечах нелегкую ношу жизненных забот государственной важности, с достоинством и честью

выполняя свой долг до конца. «Под грушевое дерево яблоко не падает», – говорят кумыки по такому поводу.

Дербент–древнейший город, соединяющий Европу с Азией. Один из главных городов Великого шелкового пути. Центральная улица города носит имя Хизгила Давидовича Авшалумова. Все «улицы» поэтов, создателей слова ведут к сердцу человека, соединяются в нем, дышат одним дыханием.

Улица превращается в проспект таланта и чести, выходит на площадь свободы. Я иду по ней, стараясь догнать и не отстать от каравана Хизгила Давидовича Авшалумова. Снова слышу впереди его знакомый, зовущий голос.

*Бессонница. Ночь. Звездопад пронизал небеса.
И мысли полны нескончаемой тихой печали.
Не зная препятствий, знакомые нам голоса
Приходят такими ночами.*

2013 г.

Бадрутдин,
поэт, лауреат
Государственной премии РД

МАЛЕНЬКИЙ КУНАК БОЛЬШОГО ПИСАТЕЛЯ

Есть люди, которые оказывают на других огромное личное влияние не пылкими назидательными речами, а собственным жизненным примером.

Таким человеком был Хизгил Давидович Авшалумов – народный писатель Дагестана, фронтовик, незаурядная личность, ставший нравственным ориентиром для многих молодых дагестанских литераторов. Необычайная сила его духа, природная доброта и отзывчивость притягивали к нему всех. В числе его юных друзей оказался и я.

Будучи еще школьником младших классов, возвращаясь из школы, я часто заходил в вестибюль Союза писателей Дагестана, где на стене висел огромный стенд с фотографиями писателей-фронтовиков. «Они защищали Родину» – гласила надпись. Подолгу я рассматривал строгие лица молодых офицеров, звездочки на погонах и командирские портупеи... По слогам читал их имена и фамилии: Магомед Сулиманов, Багаутдин Митаров, Абдулмеджид Хачалов, Хизгил Авшалумов... Последнее имя меня завораживало больше других, видимо, потому, что было для меня редкостным. Я восхищенно смотрел на бравого офицера в фуражке и представлял его высоким и могучим героем, бесстрашно бьющимся с врагами... Но однажды в вестибюль вошел невысокий пожилой человек с добрым уставшим лицом и стал меня расспрашивать, кто я и к кому пришел... Я назвался и

ответил, что пришел к родителям, которые работают в этом здании. Услышав фамилию моих родителей, незнакомец приветливо заулыбался и воскликнул: «Тогда давай знакомиться! Меня зовут Хизгил Давидович Авшалумов. Я друг твоих родителей, а, значит, и твой».

Честно говоря, в тот миг я оторопел, ведь герой войны, которым я любовался столько раз, оказался вовсе не таким, каким я представлял его в своих мальчишеских фантазиях. И он, казалось, почувствовав это, рассмеялся и сказал: «Эта фотография сделана в 1945 году... Тогда я вернулся из Японии... Сорок лет прошло, братец... Целая жизнь. А про Японию я тебе расскажу и про кавалерию тоже, ведь теперь мы с тобой кунаки». Он взял меня за руку и мы вместе стали подниматься по широкой лестнице на второй этаж – я к своей маме, а он – к Расулу Гамзатову. Это был 1985 год. Хизгил Давидович, который долгие годы работал ответственным секретарем Союза писателей Дагестана и был парторгом писательской организации, в это время уже был на пенсии, но продолжал активно участвовать во всех писательских правлениях и творческих дискуссиях. Это было время, когда работали не из-за денег, и Хизгила Давидовича можно было встретить в Союзе писателей чаще, чем иного нерадивого работника. С тех пор мы стали видеться постоянно, и всегда лицо Хизгила Давидовича излучало теплый свет при встрече со мной. Он всегда находил для меня доброе слово и непременно называл кунаком, чем я очень гордился. Только много лет спустя я узнал, что внук Хизгила Давидовича мой ровесник и почти тезка. Может быть, я напоминал ему внука и поэтому маститый писатель всегда находил время для общения с маленьким мальчиком.

Я рос, переходил из класса в класс и даже стал ездить вместе с родителями в интересные командировки по Дагестану. В 80-е годы прошлого века писательская жизнь в республике, да и во всем Союзе, бурлила. Бюро

пропаганды художественной литературы СССР организовывало всевозможные поездки в разные регионы страны. И дагестанское Бюро не отставало. Писатели постоянно ездили в горы, на отдаленные кутаны, встречались с моряками и чабанами, доярками и виноделами, школьниками и ветеранами... Обычно такая выездная писательская группа формировалась по принципу личных симпатий. Особым спросом у аудитории пользовались известные писатели и поэты-сатирики, и каждый молодой литератор считал удачей попасть именно в такой состав. Таким образом, вместе со своей мамой, тогда еще молодым поэтом и переводчиком Мариной Ахмедовой, я часто оказывался в поездках вместе с Хизгилом Авшалумовым, Нариманом Алиевым и Байрамом Салимовым – блистательным сатирическим триумvirатом, который любая дагестанская аудитория буквально носила на руках. Иные выступления затягивались на два-три часа. Сидя в первом ряду, я был очень горд, что имею непосредственное отношение к этим знаменитым людям, и, как и все в зале, закатывался от смеха. И хотя тогда я не понимал еще тонкостей дагестанской сатиры, но заражался веселым настроением и искренним смехом от окружающих меня людей. Мне нравились басни Наримана Алиева и Байрама Салимова, но особенно рассказы Хизгила Авшалумова про хитроумного Шими Дербенди, который так и предстал перед моим внутренним взором. После таких выступлений люди еще долго не расходились: окружив писателей, они задавали им вопросы, просили автографы, приглашали к себе в гости. Хизгилу Давидовичу было в то время уже за семьдесят, но он с удовольствием принимал участие в таких выступлениях, не ведая усталости. Мне кажется, он даже заряжался от этого и молодец душой. В те школьные годы поездки с писателями я воспринимал чаще как семейную необходимость. И только теперь понял, как много они

для меня значили, как много мне открыли. Ведь потом, когда мы возвращались в голубом «Кубанце-буханке» в Махачкалу, Хизгил Давидович в своей неторопливой сердечной манере рассказывал мне о службе в кавалерии, о кабинете Гитлера, в который он попал сразу же после победы, о далекой Японии, где закончилась вторая мировая война. Паренек из татского селения Ньюджи прошел всю войну от Дербента до Берлина и потом через всю Европу и всю Россию доехал до Японии, где и закончил свою армейскую службу. Крестьянский сын стал драматургом и ученым, романистом и поэтом, народным писателем Дагестана, известным не только на Кавказе, но и во всем СССР.

Сегодня, когда мы на каждом шагу видим скептическое отношение молодых к советскому прошлому, я радуюсь, что на моем жизненном пути оказался такой человек, как Хизгил Авшалумов – человек, который лично делал историю страны и литературы, не кланялся пулям, не прятался в щели, но достойно нес имя Человека и Писателя.

Когда я вырос и всерьез занялся публицистикой, Хизгил Давидович был одним из тех, кто искренне радовался моим первым успехам. Он не давал назойливых советов, не поучал, просто беседовал, как с равным. И это было выше всех похвал.

О кончине писателя мы узнали от Расула Гамзатова и тут же поспешили на улицу Гаджиева, в знаменитый писательский дом, к которому стекались все те, кто знал и любил Хизгила Давидовича. В просторном дворе яблоку негде было упасть, а люди шли и шли, чтобы в последний раз проститься с любимым писателем. Был теплый сентябрьский день 2001 года, такой же умиротворенный и спокойный, как и душа человека, с которым мы пришли проститься.

Прошло несколько лет, и однажды, включив телевизор, я увидел на экране мальчишку-школьника, читаю-

щего свои первые стихи. Он чем-то напомнил мне себя в детстве: то ли забавной угловатостью, то ли картавым, но звонким голосом... Я не стал переключать каналы, решив дослушать юного поэта до конца. И тут появились титры... Хизгил Авшалумов, ученик 4-го класса гимназии № 13. Что-то ёкнуло в груди... Вдруг вспомнился вестибюль Союза писателей и огромный стенд с фотографиями писателей-фронтовиков... Конечно же, это внук Хизгила Давидовича, подумал я, а, значит, и мой кунак!

2011 г.

*Мурад Ахмедов,
публицист*

ХИЗГИЛ АВШАЛУМОВ

(ученик гимназии №13 г. Махачкалы)

9 МАЯ

*Посвящается моему дедушке
Хизгилу Авшалумову*

«Девятое мая»! В названье его
Так много таится всего.
До девятого – боль и война,
А после – память ее.
До девятого вся страна
Жила лишь стремленьем одним –
Любой ценой победить врага,
Нужно – погибнуть с ним.
Так жил и мой дед,
Что изранен в боях,
Так жил его друг, его брат.
И дед рассказывал, что страна
Была, как один кулак,
Мощный, сильный и очень большой,
Фашистам его не согнуть,
Не было в мире страны другой,
Где преградили б им путь.
Сила была в любви к той стране,
В дружбе и братстве людей,
– Поэтому, – говорил мой дед, –

Помни всегда о ней.
Помни, что жизнь – это трудный путь,
Его надо честно пройти,
А если слабеть начнешь,
Вспоминай, как жили в годы войны.
Помни о тех, кто остался в бою
За этот праздничный май,
Помни о всех, когда я уйду,
Помни, не забывай.

2001 г.

РАЗГОВОР С СОЛДАТОМ

Ты знаешь, солдат, мы – не дети войны
И не видели те тяжелые дни.
Нам не раз говорили об этом отцы,
Мы смотрели кино, много книжек прочли,
И в рассказах о страшной, жестокой войне
Представляли, солдат, что досталось тебе.
Представляли мы также, что если бы нам
Оказаться случилось не здесь, а там,
Мы смогли бы, как вы, отстоять наш народ,
Под танки, под пули идти лишь вперед?
Мне хотелось бы верить, ведь внуки же мы,
В чем-то главном на вас походить мы должны,
Только б не было больше проклятой войны!

Ты знаешь, солдат, о войне говорить,
Это раны твои без конца бередить,
Но страшнее молчать и без памяти жить,
Это значит – предать! Это значит – забыть!
Не пришлось нам с тобою войну пережить,
Так позволь нам, солдат, твою боль разделить,
Ведь, уверен, пусть даже пройдет целый век,

Твоя боль не уйдет, ты ж, солдат, человек.
Человек ты, поэтому жил как герой.
Ты, советский солдат, был всего лишь собой:
И в атаку ты шел, и в окопах ты спал,
И друзей хоронил, и не раз умирал.
За друзей, за любимых, Отчизну свою
Ты, солдат, отслужил свою службу в бою
И молил об одном, даже в светлые дни:
«Только б не было больше проклятой войны!»

Ты знаешь, солдат, лучше нам помолчать,
Не найдется ведь слов, чтоб тебе описать,
Что ты значишь для нас, кем ты стал для страны,
Для истории, мира, для каждой семьи,
И что было бы с нами и с этой землей,
Если б на ней не родился герой.
Тот герой, у которого много имен,
Но солдатом зовется с тех давних времен,
Когда землю спасал от фашистской чумы,
Чтобы не было больше проклятой войны!

2002 г.

В БОЙ ИДУТ ОДНИ СТАРИКИ

В бой идут одни старики,
Хоть давно заслужили покой.
Идут, чтоб за наши грехи
Не пришлось им болеть душой.

В бой бесстрашно идут старики,
Что в наследство оставили нам
Мир и дружбу между людьми,
И державу свою как Храм.

Снова в бой идут старики,
Хоть не могут понять порой:
С кем бороться, ведь все – свои,
Но на каждом шагу – чужой.

Наши в бой идут старики,
И в борьбе каждый хочет собой
Заслонить нас от зла и лжи,
Как от смерти в час роковой.

В бой идут одни старики,
Как в последний решительный бой,
Видно, это не им, а нам,
Как ни странно, пора на покой.

2003 г.

НА ГАДЖИЕВА, 3

(Дом писателей)

Кто не жил на Гаджиева, 3,
Не поймет того, кто не может
Быть счастливым от дома вдали,
Хоть дворец ему дай – не поможет.

Кто не жил на Гаджиева, 3,
Тот не знает, что дом этот – крепость,
Стены в ней – это я, это ты,
И хранят они память и верность.

Верность дедам и нашим отцам,
Их профессии, братству и дружбе,
Пусть давно уже кто-то там,
Этот дом им, как памятник, будет.

Кто не жил на Гаджиева, 3,
Тот не знает, что жизнь здесь, как праздник,
Чтоб попасть на него, увы,
Не любой может выдержать кастинг.

На Гаджиева,3 все умны,
Ждут их слава и перспективы,
Ведь традиции таковы,
Нет у дома альтернативы.

Если кто-то с Гаджиева, 3
Оказался в Москве иль Канаде,
Друг, ты сам виноват, не грусти,
Дом родной тебя встретит, как надо.

Мы – команда, мы – дом, мы – семья,
Если надо, то все одолеем,
Но, Гаджиева, 3, лишь тебя
Никогда разлюбить не сумеем.

2007 г.

ФОТОИЛЛЮСТРАЦИИ

ПРОДЪЛЖАВАНЕ
КОМУНИКАЦИЯ

ХИЗГИЛ ДАВИДОВИЧ
АВШАЛУМОВ

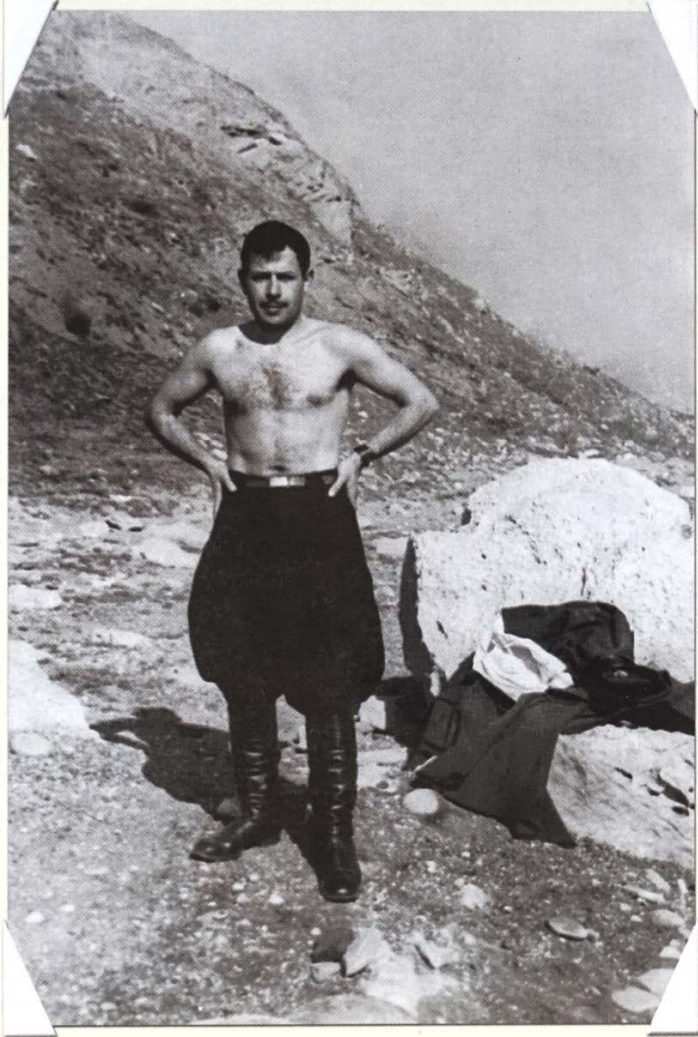
С дочерью Людмилой

Хизгил Авшалумов на фронте

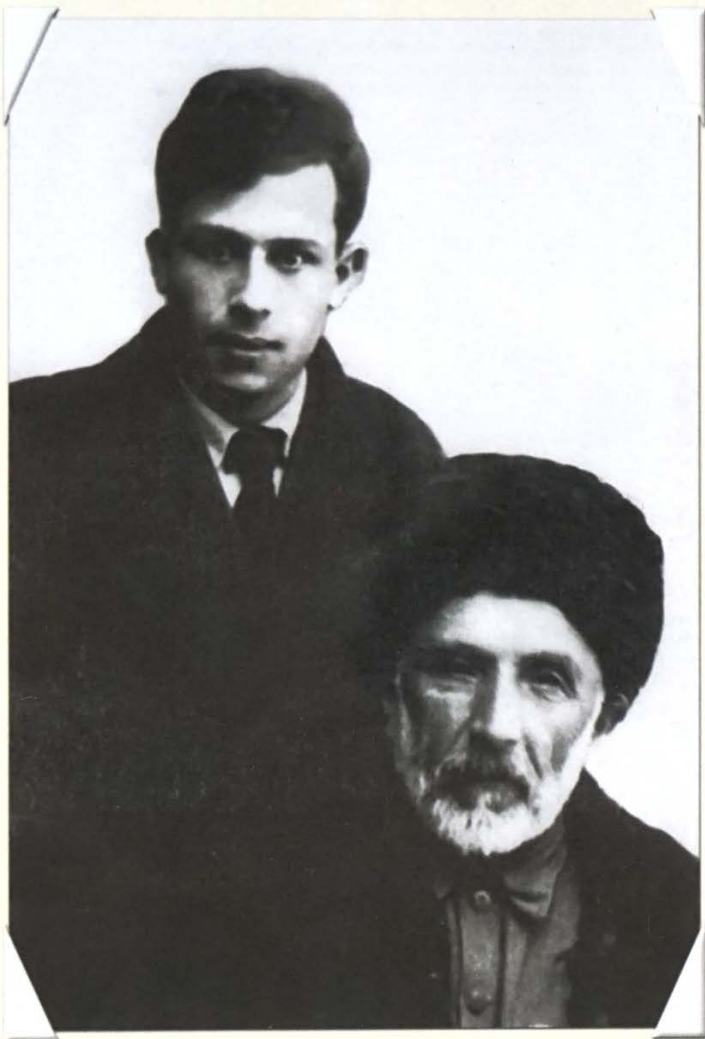
В кавалерийском полку

У моря

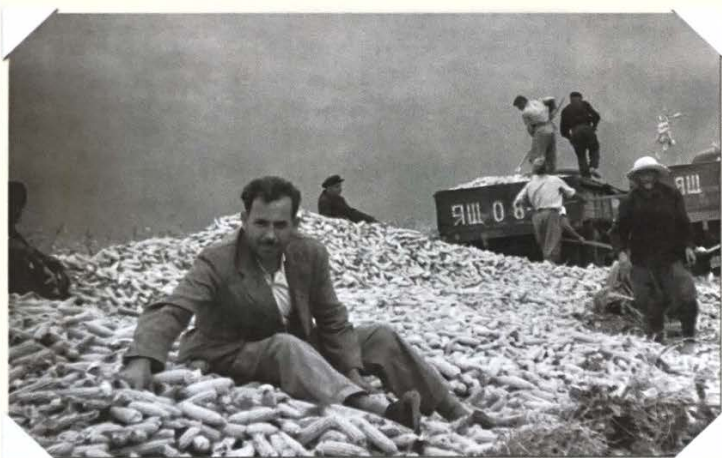
Купание зимой

С Гамзатом Цадасой

С Расулом Гамзатовым

В журналистской командировке

С Гамзатом Цаболом

В кругу писателей

*В Союзе писателей. Х.Авшалумов-второй
справа в верхнем ряду*

*С народным писателем Дагестана
Ахмедханом Абу-Бакаром*

С татским писателем Миши Бахшиевым

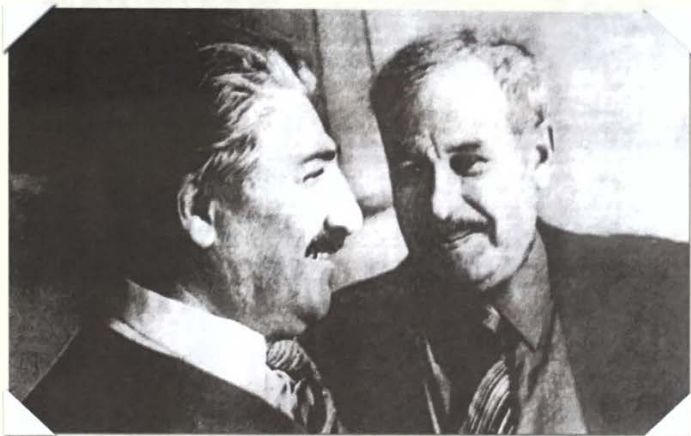
*Дагестанские писатели в Дербентском районе-
родине Хизгила Давидовича*

*С Героем Социалистического Труда
Гюльбоор Давыдовой*

*Хизгил Авшалумов с дочерью Людмилой и
поэтом Сергеем Изгияевым в с.Нюгди*

*С народным писателем Дагестана
Юсуфом Хаппалаевым*

*Дагестанские писатели на сельском годекане.
В центре-народный писатель Хизгил Авшалумов*

*Дни литературы Дагестана
в России*

В Кизляре

*Дагестанские писатели в
городе-герое Волгограде*

*Далее в книге рассказано о встрече
А. Бондарева, А. Барто и др. с дагестанскими
участниками Великой войны.*

Дагестанская делегация писателей и журналистов в Волгограде

На встречах с молодежью

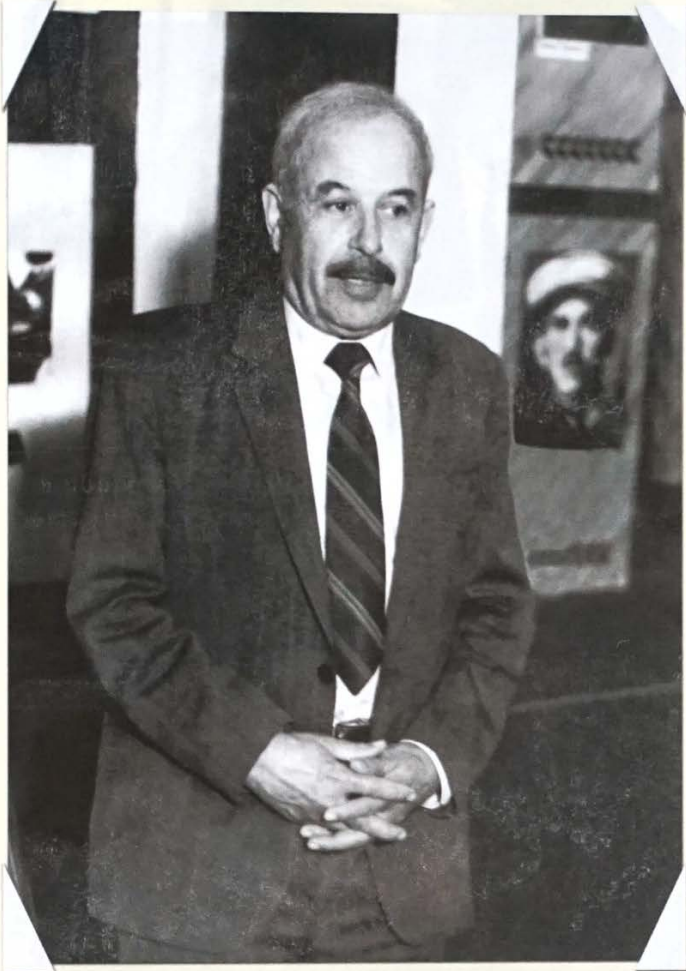
*Дагестанские писатели-фронтовики
Х.Авшалумов, А.Хагалов и М.-С.Яхъяев с
угащимися правовой академии*

В праздничный день 7 ноября на площади в г.Махагкале. Справа -Магомед Джамбулатов

*С народным поэтом Муталибом Митаровым
среди студентов педуниверситета*

На правлении Союза писателей Дагестана

Книжка - подарок от Союза писателей Дагестана
и читателям библиотеки

С Юсупом Хаппалаевым

*С Яковом Агаруновым- видным
деятелем татской культуры*

*С Председателем Госсовета Республики Дагестан
Магомедали Магомедовигем Магомедовым*

*Председатель Народного Собрания РД
Муху Алиев поздравляет Х.Д.Авшалумова
с юбилеем*

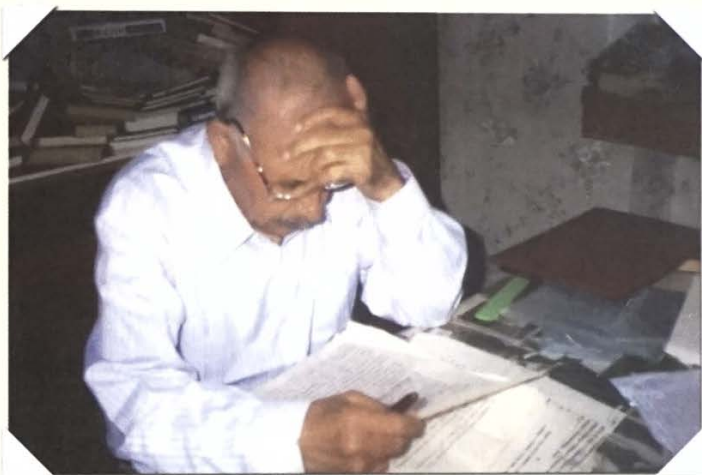
*Хизгил Авшалумов и Леонид Соболев
в Москве*

*Хизгил Авшалумов и Камал Абуков
за дружеским столом*

С Нисоном Гилядовым и Валерием Шауловым

Не пишется...

В родном селении Нюгди

Встреча с земляками

В парке с семьей

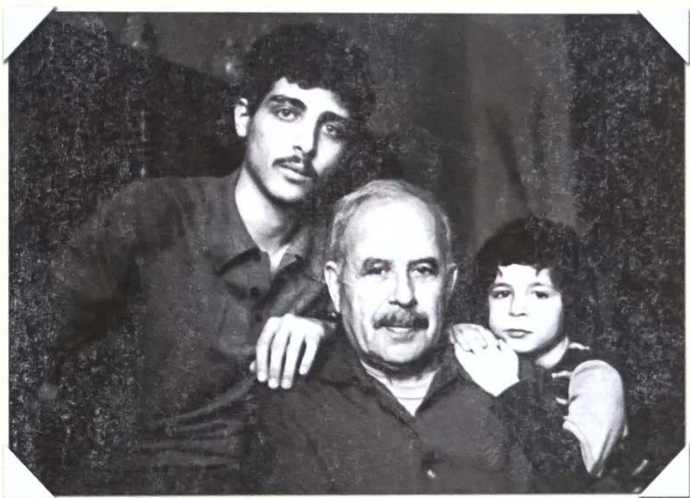
С женой Татьяной Авшалумовой

С внуками

С внучкой Гулей

С внуками Маратом и Гулей

*С догерьми Людмилой и Наидой у
памятника погибшим воинам-фронтовикам*

С внуком Хизгилом

На воинском кладбище в г. Махагкала

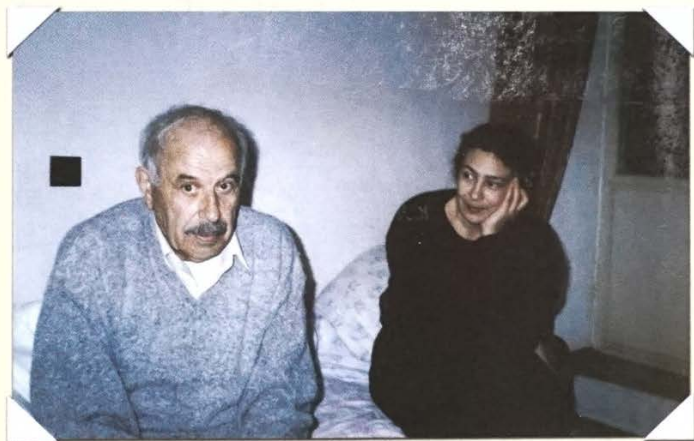
9 мая, с дочерью Людмилой у воинского мемориала

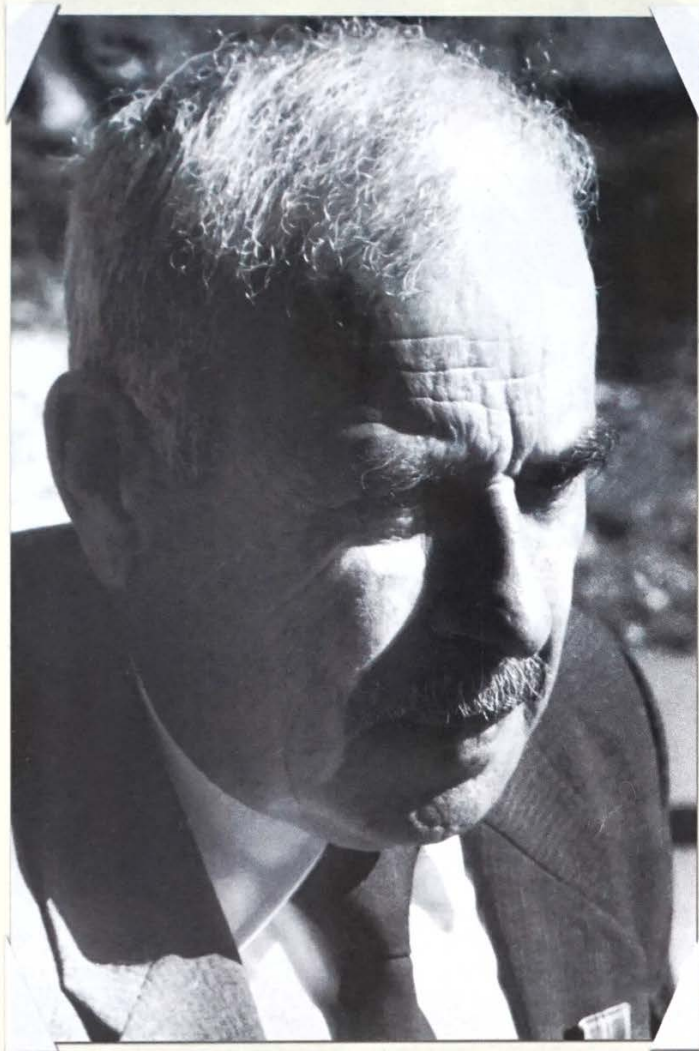
*С внуком Маратом на воинском
кладбище*

*День Победы: Нисон Гилядов, Людмила
Авшалумова, Хизгил Авшалумов, внук
Марат и Наида Авшалумова*

Дома с дочерью Наидой

*Хизгил Давидовиц Авшалумов
-мудрец из Нюгди*

*Юный поэт
Хизгил Авшалумов- младший,
внук писателя*

УКАЗ

ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

**О присвоении имени Авшалумова Х.Д.
Нюгдинской средней общеобразовательной школе
Дербентского района**

В целях увековечения памяти Авшалумова Хизгила Давидовича за заслуги перед республикой в области литературы Государственный Совет Республики Дагестан **п о с т а н о в л я е т :**

Присвоить имя Авшалумова Хизгила Давидовича Нюгдинской средней общеобразовательной школе Дербентского района и впредь именовать ее Нюгдинская средняя общеобразовательная школа имени Авшалумова Х.Д.

**Председатель
Государственного Совета
Республики Дагестан**

М.Магомедов

С ГЛУБОКИМ ЗНАНИЕМ ЖИЗНИ

Недавно в Дагестанском книжном издательстве вышла новая книга татского писателя Х. Авшалумова «Фамильная арка».

Книга открывается одноименной повестью, в основу которой положен действительный случай, имевший место в Дербенте. В повести «Фамильная арка» речь идет о тех уродливых социальных явлениях, религиозных предрассудках дореволюционного Дагестана, жертвой которых стала девушка из простой татской семьи. В повести Авшалумова показана жизнь дербентских богачей в предреволюционные годы и в период гражданской войны. Писатель как бы изнутри показывает духовное бесплодие угнетателей, их моральную деградацию и историческую обреченность. В этом смысле жизнь Марал, дочери халвачи, проданной богачу Оширу, выглядит символично. Ее «возвышение», богатое замужество стали началом ее падения. Марал усваивает все предрассудки и мораль господствующих классов. Писатель постепенно раскрывает духовную деградацию своей героини, ее эгоизм и те обстоятельства, которые способствовали развитию в ней паразитических черт. Вместе с тем ее беспомощность перед сильными мира, ее внешняя красота и женственность вызывают у читателей определенные симпатии, которые, однако, уступают место ироничному (и даже насмешливому) отношению, когда речь заходит о проявлениях ее эксплуататорской сути во время социалистических преобразований.

Общественно-политические события в повести не составляют безразличного по отношению к судьбе героини фона, напротив, они активно формируют характер, определяют ее взаимоотношение с окружающими людьми. Всем ходом своего повествования писатель утверждает неодолимость социалистических преобразований, неизбежность победы новой морали, свободной как от религиозных предрассудков, так и от коммерческих расчетов. Не случайно писатель выводит в прологе и эпилоге передового колхозника дядю Юсуфа, который недвусмысленно высказывает народный взгляд на причины нравственных потерь героини.

Символична в повести и судьба фамильной арки Ошира, претенциозного сооружения, призванного, по замыслу богача, служить своего рода фамильным гербом хозяев виноградных плантаций и других владений. Разрушение арки – последнего предмета воспоминаний Марал о былом могуществе и богатстве – символизировало неодолимость нового, обреченность мечтаний Марал о возврате к прошлому.

В отличие от ряда предыдущих изданий, где были представлены новеллы самых разных жанров, отличающихся как по тематике, так и по манере исполнения, в данной книге читатель встречается только с теми новеллами, что посвящены «хитроумному Шими Дербенди». Этот шаг писателя представляется оправданным, учитывая, что Шими Дербенди стал одним из главных героев в его творчестве (по крайней мере в последнее десятилетие).

Известно, что в фольклоре различных народов и в мировой литературе создано немало образов, с большой художественной силой воплотивших мудрость, юмор и жизнелюбие народа. Напомним здесь хотя бы Моллу Насреддина в восточном фольклоре. Шими Дербенди – явление несколько иного плана. В отличие от Моллы Насреддина он имеет свою конкретную биогра-

фию, обусловленную своим временем и той социальной средой, из которой он вышел. Шими Дербенди – определенный социальный тип, собирательный образ представителя татского народа. Он выходец из Дербента и разделил судьбу своего народа. В молодости, еще до революции, он был батраком, выполнял всевозможные работы и поручения, но не увидел счастья и не нажил богатства. Об этом периоде его жизни имеются новеллы: «Шими Дербенди на службе у царя», «Ум и богатство»...

Теперь Шими Дербенди – пожилой колхозник, человек чудаковатый, но уважаемый. Он – воплощение народного юмора, жизнелюбия и оптимизма. Человек он честный и, пожалуй, бесхитростный, хотя и говорится о нем как о «хитроумном Шими Дербенди». Он грубоват, вспыльчив, может повздорить с женой из-за пустяка, выпить лишнее... И все же, его «ошибки» и чудачества глубоко поучительны. Они обогащают читателя нравственным опытом, незаметно подводят его к усвоению той или иной истины.

Книга прозы Х.Авшалумова (как новеллы, так и повесть) написана сочным, выразительным языком. Думается, она станет хорошим подарком для читателя.

1993 г.

Сулейман Ахмедов,
литературовед,
доктор филологических наук

ДАГЕСТАНСКИЙ ОТЕЦ НАСРЕДДИНА

Ходит по земле Дагестана веселый, неутомимый человек Шими Дербенди. Как доброму другу, рады ему в каждом доме. Любят его за качества, издревле почитаемые в народе, – честность и трудолюбие, прямоту и доброту, мудрость и смелость, с которой вступает он в бескомпромиссный бой с носителями разноликого зла – религиозных предрассудков, пьянства, жадности, взяточничества, воровства, ловкачества, накопительства...

Кто же он, Шими Дербенди? Где проживает? Можно ли встретиться с ним, поговорить?

Все просто. Достаточно обратиться к юмористическим новеллам известного дагестанского писателя Хизгила Авшалумова, и Шими предстанет перед нами во плоти, во всей своей самобытности и неповторимости. Автор и главный персонаж его художественных миниатюр, представляющий собой собирательный образ, сослужили добрую службу друг другу: с легкой руки своего создателя Шими, этот своеобразный дагестанский Ходжа Насреддин, завоевал поистине фольклорную популярность в народе и со своей стороны принес Х. Авшалумову наибольшую литературную известность, лишний раз подтвердив правоту оценки, данной писателю еще Леонидом Соболевым. Внимательно следивший за развитием дагестанской литературы, Л. Соболев назвал драгоценной чертой

творчества Х. Авшалумова его юмор, имеющий глубокие народные корни.

Заслуженный работник культуры РСФСР и ДАССР, лауреат Республиканской премии имени С. Стальского Хизгил Авшалумов много сделал для развития культуры своего татского народа, нашедшего достойное место в дружной семье братских народов Дагестана. Он автор свыше десятка книг повестей и рассказов, труд литератора сочетает с плодотворной работой переводчика.

Успех произведений Хизгила Авшалумова обусловлен глубоким знанием народных обычаев, богатым жизненным опытом. Рано лишившись матери, он с детских лет познал нелегкий крестьянский труд, что нашло отражение еще в его довоенной прозе. В годы войны Х. Авшалумов служил комиссаром в кавалерийской дивизии, был дважды ранен, с боями дошел до Берлина. По возвращении в Махачкалу работал в республиканской газете «Дагестанская правда», затем становится секретарем Союза писателей республики, много сил и энергии отдает воспитанию литературной молодежи, помогает созданию татского радиовещания, организует выпуск альманаха на татском языке.

Дагестанский Насреддин – Шими, как уже говорилось, пришел к читателям из коротких новелл Хизгила Авшалумова. Два года назад новеллы эти составили сборник «Хитроумный Шими Дербенди», выпущенный Дагкнигоиздатом на татском языке. А в канун нынешнего года книга вышла на русском языке.

В предисловии к этому изданию Хизгил Авшалумов пишет: «...Как и другие авторы, выступающие в «веселом жанре», я в меру моих скромных возможностей пишу свои смешные истории, новеллы не ради одного смеха или забавной шутки, а чтобы бороться с недостатками, которые в них высмеиваются».

Книга, полная живого, искрометного народного юмора, – добрый подарок читателям, заметная веха в творческой биографии Хизгила Авшалумова.

1994 г.

Б. Нувахов,
заместитель директора Института
ревматологии АМН

ОРИЕНТИРЫ ТВОРЧЕСТВА

К 70-летию Хизгила Авшалумова

В современной многоязычной и многокрасочной литературе и культуре Страны гор Хизгил Авшалумов проложил собственную неповторимую тропу. И символично то, что юбилей писателя-воина, прошагавшего фронтовыми дорогами с начала войны до ее конца, отмечается в атмосфере приближающегося великого всенародного праздника – сорокалетия Победы.

Х. Д. Авшалумов завоевал признание многочисленных читателей как талантливый сатирик и юморист, по признанию Р. Гамзатова, «наблюдательный и интересный прозаик», драматург, поэт, собиратель, популяризатор родного татского фольклора, публицист. Существенные стороны идейно-художественного содержания его оригинального творчества, его краски, национальный колорит, особенности образного мышления писателя во многом обусловлены личной его судьбой, своеобразием быта, обычаев и нравов татского народа, социально-общественными условиями жизни односельчан Х. Авшалумова, среди которых он познал первые радости и горести, рос, воспитывался и начал трудиться.

Нелегкими были его детские и юношеские годы. Совсем еще ребенком он остался без матери, а когда ему шел тринадцатый год, умер и отец. Жизнелюбивого и

впечатлительного мальчика-сироту воспитал колхоз. Будучи подпаском, а затем работая в полеводческой бригаде, он рано и сполна постиг цену земледельческого труда, сформировался как личность в здоровой трудовой атмосфере.

В том, что Х. Авшалумов стал писателем, имело определенное значение то, что его тогда окружала живая фольклорная стихия, что его отец, неграмотный крестьянин, был отличным рассказчиком, знающим множество сказок, песен, легенд, что мальчик в детстве жадно слушал исполненные богатейшей фантазии и мудрости произведения устной народной поэзии, рассказы выдавших виды многоопытных стариков-односельчан, а также других татских сказителей. Вот почему столь ощутимо в его зрелых литературных произведениях творческое воздействие фольклорных традиций.

Не случайно и то, что он, работая с 1938 по 1941 г. научным сотрудником Дагестанского филиала АН СССР, во время командировок с любовью записывал, затем систематизировал и издал первый и единственный в этом роде сборник «Фольклор тати» (1941).

Х. Авшалумов, самые ранние литературные опыты которого относятся к тридцатым годам, великолепно знал не только родную устную народную поэзию, но и фольклор, и ашугское искусство азербайджанцев, сочинял четверостишия на азербайджанском языке. В выборе им писательского пути сыграло свою роль и его сотрудничество в татской газете «Захметкеш» («Труженик»), в которой он помещал первые свои заметки и фельетоны.

Вот как вспоминал о первых шагах Х. Авшалумова в литературе известный татский писатель и журналист М. Бахшиев: «Имя Хизгила Авшалумова я услышал впервые, прочитав в середине тридцатых годов в татской газете «Захметкеш» нашумевший фельетон «Проданная невеста», в котором остро бичевались вредные

адаты, оскорблявшие и унижавшие честь и достоинство девушки горянки».

Так что первые пробы пера Х. Авшалумова в литературном творчестве относятся к периоду его работы в качестве журналиста, потом собирателя и исследователя фольклора в стенах института. В это время среди татских читателей становились известны поэты М. Дадашев, Д. Атнилов, драматург Ю. Семенов, прозаик М. Бахшиев. Это было время интенсивного роста всей дагестанской советской литературы, когда начинающий литератор Х. Авшалумов стал писать статьи, фельетоны, очерки, учась мастерству у ее основоположников – С. Стальского, Г. Цадасы, А.-П. Салаватова, выдающихся азербайджанских писателей – Низами, М.-А. Сабира, Дж. Мамедкулизаде, гениальных русских и западноевропейских сатириков и юмористов.

В этот период его творческих поисков грянула война. И в самом ее начале Х. Авшалумов добровольцем отправился на фронт, служил заместителем командира кавалерийского эскадрона, был дважды тяжело ранен. После войны более десяти лет служил военным корреспондентом.

Наиболее плодотворный период в творчестве Х. Авшалумова начинается, когда он, умудренный жизнью журналист, вернувшись в 1955 году в родной край, стал работать в «Дагестанской правде». Работа в качестве корреспондента позволяла ему быть в самой гуще трудовых будней республики, знакомиться с различными сторонами жизни современных горцев, давала богатейший материал для творчества. Не удивительно поэтому, что сюжеты подавляющего большинства произведений «малых» жанров его прозы почерпнуты из современной реальной жизни и быта народов Страны гор. Образы реальных простых тружеников, представителей интеллигенции естественно вошли в его художественный мир. Чаще всего Х. Авшалумов выступал в жанре рас-

сказа, в особенности очерка. Спустя немного времени Х. Авшалумов вырос в талантливую рассказчика и новеллиста, привлечшего к себе внимание известных советских литературоведов и писателей. Так, профессор Литературного института имени М. Горького Н. Замошкин высоко оценил его рассказ «Встречи у родника», в числе лучших произведений этого жанра обсужденный на Всероссийском семинаре рассказчиков в Малеевке, проходившем в 1959 г. под председательством Л. Соболева. По свидетельству Дм. Трунова, на обсуждениях дагестанской прозы в дни Декады дагестанской литературы и искусства в Москве в 1960 г. председатель Союза писателей РСФСР Л. Соболев назвал «ряд рассказов Х. Авшалумова («Встречи у родника», «Жених бабушки Фатьмы», «Обиды старого Гасана», «Хабар и хинкал») великолепными, а рассказ «Как я воскрес» написанным по-твеновски».

В последующие годы Х. Авшалумов показал себя, как одаренный писатель с широким идейно-тематическим и жанровым диапазоном, глубоко знающим жизнь народов Дагестана. Им издано более двадцати книг на родном и русском языках в Москве и Дагестане. В них воссозданы картины тяжелого положения угнетенного народа до революции, дана своеобразная остросюжетная художественная летопись социальной борьбы трудящихся и их отдельных представителей за свободу и национальную независимость, показана дружба народов даже в условиях разжигавшейся царизмом межнациональной розни (повести «Возмездие», «Фамильная арка», «Толмач имама», чудесная легенда «Сказание о любви» об основании аула Ньюджи, о жестокости ханов и дружбе татских и табасаранских бедняков). Но основное внимание в его творчестве уделено изображению новой жизни дагестанских народов в годы Советской власти. Перу Х. Авшалумова, помимо названных, принадлежат также повести «Сын ряженого», «Под

чинарами», «Дочь пастуха», пьесы «Сестра», «Покойник среди живых», «Любовь в опасности», ряд статей, посвященных творчеству татских писателей, проблемам дагестанской прозы и литературной критики. Он также автор острых публицистических выступлений, одноименной поэмы о Герое Социалистического Труда Гюльбоор Давыдовой, стихов, сборника поэтических произведений о детях и для детей «Солнце в доме».

Наибольшую известность принесли Х. Авшалумову глубоко содержательные, проникнутые духом подлинной народности очерки и особенно композиционно цельные, миниатюрные, но емкие по смыслу и окрашенные индивидуально неповторимым юмором и сатирой рассказы и новеллы.

Творчески развивая национальные фольклорные традиции, опираясь на художественно-эстетический опыт морально-дидактической сатиры С. Стальского, Г. Цадасы, новеллиста - рассказчика Ю. Герева, русских и азербайджанских классиков, Х. Д. Авшалумов проявил в этих жанрах подлинно новаторские черты своего самобытного сатирико-юмористического таланта. Современность содержания и звучания – характернейшая особенность его рассказов и новелл, в которых, как обычно, актуальность проблематики счастливо сочетается с совершенством художественной формы.

Беря под прицел своей сатиры пьяниц (рассказ «Мечь»), спекулянтов, тунеядцев и носителей частнособственнических инстинктов («Сосед мой – враг мой»), высмеивая кое-где встречающийся во время свадеб вредный обычай ойшабаша в одноименной новелле, с блестящим юмором обнажая абсурдность религиозных суеверий («Шайтан»), то с легким юмором, то с язвительной иронией раскрывая нелепость ложного понимания мужской чести в отношениях с женщиной («Встречи у родника», «Женская профессия») и т. д., Х. Д. Авшалумов подмечает разноликость негатив-

ных проявлений. При этом он всегда на стороне нового, руководствуется внутренним стремлением сбросить с пьедестала то, что уже не принадлежит настоящему.

Широкому временно-пространственному охвату писателем жизни помогает собирательный условно - обобщенный, но в каждой отдельно взятой новелле конкретный образ трудолюбивого, неподкупно честного Шими Дербенди. Этим образом объединен целый цикл сатирических и юмористических новелл Х. Авшалумова. Шими Дербенди – плоть от плоти простого народа. Он воплощает лукавый ум и остроумие, мудрость и практическую сметку, неистребимое жизнелюбие и непримиримость к недостаткам, свойственные трудовому люду.

Шими Дербенди – до революции батрак, острый на язык, ловко одурачивающий сильных мира сего, богатеев и чиновников. В годы Советской власти он пожилой рядовой колхозник, хозяин страны, человек, в котором ярко пробудилось чувство человеческого достоинства. Вечно неугомонный и беспокойный Шими Дербенди с присущей ему искренностью и прямоотой борется против тех же отклонений от норм морали, которые подвергаются осмеянию и в других сатирических и юмористических произведениях Х. Д. Авшалумова.

Национально окрашенный образ Шими Дербенди, своеобразный современный аналог Моллы Насреддина, образ, своими корнями восходящий к фольклору, это художественное открытие Х. Д. Авшалумова. Пользующийся с легкой руки Х. Авшалумова фольклорной известностью образ Шими из литературы шагнул на театральные подмостки. По мотивам новелл Х. Авшалумова на сцене Кумыкского музыкально-драматического театра имени А.-П. Салаватова весной этого года была поставлена хорошо принятая зрителем веселая и умная музыкальная комедия. Образ Шими Дербенди, подобно образам Дон-Кихота, Кола Брюньона, Кичи

Калайчи, столь естественно входит в жизнь, что иногда с ним смешивают самого его создателя. Интересная судьба, говорящая об истинной народности таланта Х. Авшалумова.

Остро злободневные, затрагивающие животрепещущие вопросы современного бытия новеллы Х. Д. Авшалумова, вобравшие в себя богатства народного языка, как бы специально рассчитаны на устное звучание, на исполнение по радио, телевидению, на эстраде. Это ценный и благодарный материал для идейно-нравственного и художественно-эстетического воспитания трудящихся. Сама миниатюрная форма новелл Х. Авшалумова, в которых словам тесно, а умному юмористическому и сатирическому смеху просторно, способствует их распространению через периодическую печать. Не случайно поэтому они изучаются в наших вузах, школах республики, по ним проводятся читательские конференции, встречи и беседы. А многие из них переведены на языки народов нашей и ряда других братских республик, на французский, испанский, польский, немецкий и некоторые другие иностранные языки.

Заслуги Х. Д. Авшалумова высоко оценены народом. За свою плодотворную литературную, общественно-публицистическую деятельность он удостоен звания заслуженного деятеля культуры РСФСР и Дагестана, Республиканской ДАССР премии имени С. Стальского 1966 г., награжден орденом «Знак Почета». Прекрасный собеседник и скромный обаятельный человек, Х. Д. Авшалумов всегда в строю, на бессрочной службе, как, впрочем, и его герой Шими Дербенди.

1983 г.

*М. Гасанов,
литературовед,
кандидат филологических наук*

ДОБРОМУ – ДОБРОЕ!

Спросите-ка нынешних школьников, кем они хотят стать? Ну, конечно же, космонавтами, капитанами кораблей, артистами кино, писателями... Но не все дороги жизни ведут только в романтику. А бывает и так – не думал паренек о романтической профессии, а жизнь взяла да и указала на каком-то перекрестке крутой поворот. Романтично открывать фантастически далекие галактики или алмазные трубы и золотоносные жилы. Удел писателя – раскрывать тайны человеческих душ. Это не менее романтично!

Нет, не думал татский паренек из селения Нюнди Хизгил Авшалумов стать писателем. Окончил школу и пошел работать рядовым колхозником.

Но вот – перекресток, крутой поворот.

У этого перекрестка есть даже свое название – злое, устрашающее: «Смерть женам».

Под таким названием был в угодьях нюндинского колхоза заброшенный, пользовавшийся недоброй славой земельный участок. Испокон веков ходило поверье, что у того, кто попробует распахать его, жена при родах умрет. И ведь даже из поколения в поколение передавались имена покойниц...

Усомнился в этом комсомолец Хизгил Авшалумов и подумал: не пришло ли время дать бой суевериям старины? Набрался смелости и провозгласил вместо смерти женам смерть бредням. Да еще как! – через республиканскую газету.

Нашумел сигнал из Ньюди. Хлестко стегнул он по недобрым пережиткам и обратился в доброе дело. Распахали колхозники пустошь и – никаких покойниц. А в газете все чаще стало появляться имя Хизгила Авшалумова.

Так началась от поля «Смерть женам» тропа в литературу.

Теперь-то уже не тропа, а широкая дорога. Размашистым шагом идет по ней наш Хизгил. Сколько уж полей помог он «распахать» своим «урожайным» пером! И радуют, сердечно радуют авшалумовские посевы на целинных угодьях дагестанской литературы.

От кривого дерева не бывает прямой тени. Выпрямление – вот ради чего работают ум и сердце мастера Авшалумова. И меркнут кривые тени прошлого. «Как я воскрес», «Встречи у родника», «Невеста с сюрпризом», «Кушак бездетности» – как они «выпрямляют», очищают от ржавчины иные человеческие души, подверженные пороку, как облагораживают они характеры! Юмор Хизгила не злой, не желчный. Писатель не стегает крапивой по сердцу. Он уничтожает пороки умным и светлым, тихим и добродушным смехом. Без окрика и грубого упрека он заставляет устыдиться тех, кто еще носит родимые пятна недоброй памяти темного прошлого.

Но в прошлом много и светлого. Так и кажется, что писательскую колыбель Хизгила качала народная мудрость. Качала и напевала много звучных песенок и рассказывала много умных сказок, сложенных в недрах народа. Потому у писателя такая сыновняя любовь к фольклору своего народа, потому и родился на страницах его книг веселый и неудачливый, смысленый и хитроумный татский Молла Насреддин – Шими Дербенди.

Да и в других книгах писателя мы находим и эпизоды, и словесные краски, идущие от палитры народа-художника.

За книгу «Невеста с сюрпризом» Авшалумов удостоен Республиканской премии имени Сулеймана Стальского. От мудрости жизни, от крепнувшего таланта пришло к нему звание лауреата. А теперь ему присвоено почетное звание заслуженного работника культуры ДАССР.

Доброе сердце у Хизгила. А доброму – доброе!

1980 г.

*Дм. Трунов,
писатель*

С ЛЮБОВЬЮ К ЛЮДЯМ

К 80- летию Хизгила Авшалумова

Не всем людям дано быть на гребне значительных событий своего времени.

Хизгилу Давидовичу Авшалумову – человеку трудолюбивому, настойчивому в достижении цели – судьба не всегда благоволила. Но, родившийся в крестьянской семье, он прошел путь от колхозника в родном с.Нюгди Дербентского района до народного писателя Республики Дагестан. Х. Д. Авшалумов – кавалер орденов Отечественной войны I степени, «Знак Почета», многих боевых медалей, а недавно Указом Президента Российской Федерации он награжден орденом Дружбы. Заслуженный деятель культуры Российской Федерации и Республики Дагестан, лауреат Республиканской премии им. С. Стальского, он по праву может гордиться тем, что его труд был нужен и полезен людям, Родине, что он снискал любовь и уважение читателей.

В год 50-летия нашей Победы много теплых слов было сказано о ветеранах Великой Отечественной войны. Немного осталось ныне тех, кто в те грозные годы, не щадя жизни своей, воевал против ненавистного врага. Хизгил Авшалумов – воин кавалерийского полка, прослуживший в Советской Армии с 1941 до 1955 года, – один из тех, перед кем следующие поколения в неоплатном долгу за сохранение свободы и независимости Отчизны.

А разве не заслуживает благодарности довоенный труд в колхозе, приведший пытливого, ищущего молодого человека в ряды сельских корреспондентов, откуда начался путь в профессиональную журналистику и чуть позже – в большую литературу Дагестана!

Если бы стало традицией чествовать журналистов – летописцев современной жизни, несомненно, Хизгил Давидович Авшалумов, исколесивший в качестве собкора «Дагестанской правды» весь родной Дагестан, был бы отмечен в ряду журналистов-интернационалистов, писавших проникновенно и с любовью о жизни и труде, быте и бытии горцев.

Но Х. Д. Авшалумову больше удалось сделать в родной татской литературе. Без его произведений, без его творчества сегодня невозможно говорить об уровне развития не только татской, но и всей дагестанской литературы.

Заметен вклад Хизгила Авшалумова в развитие дагестанского рассказа.

О таланте прозаика, рассказчика Х. Авшалумова высказывались авторитетные писатели и исследователи литературы: Р. Гамзатов, А. Абу-Бакар, Л. Соболев, Д. Трунов, М. Бахшиев, профессора Литературного института им. М. Горького Н. Замошкин, В. Огнев, дагестанские литературоведы К. Абуков, М. Гасанов, С. Ахмедов и др. В дни Декады дагестанской литературы и искусства в Москве в 1960 году председатель Союза писателей РСФСР Л. Соболев назвал ряд рассказов Х. Авшалумова («Встречи у родника», «Жених бабушки Фатьмы», «Обиды старого Гасана», «Хабар и хинкал») великолепными, а рассказ «Как я воскрес» – «написанным по-твеновски».

Рассказы Х. Авшалумова имеют жизненную основу, хотя их сюжеты содержат нечто необычное, непривычное.

В рассказе «Жених бабушки Фатьмы» герой, который клянется у ног по ошибке похищенной им бабушки Фатьмы, освобождается от скверны, от дури и тем ограждает сельчан от будущих неприятностей. В рассказе «Встречи у родника» герои – сельские интеллигенты, – в силу не зависящих от их воли обстоятельств с пустыми ведрами и кувшинами оказавшиеся одновременно у родника, раскрепощаются, освобождаются от закостенелого обыденного сознания, бытового поведения.

Аналогичная, смешная ситуация в юмористических рассказах Х. Авшалумова, как правило, всегда эффективна, действенна. Она вызывает изменения в душевном настрое героя, оказывает облагораживающее действие на его нравственность. Героиня рассказа «Черные слезы» столетняя бабушка заведующего ветеринарной службой «Заготрогатскота» привезена (вернее, перевезена) в город внуком, чтобы увеличить количество жильцов в своей двухкомнатной квартире и таким образом получить четырехкомнатную во вновь построенном десятиквартирном доме на берегу моря. В развенчании афериста, способного на подлог и обман, принимает участие (пусть не целенаправленно) близкий человек, который, сам того не ведая, получает заряд человечности и нравственности.

Время создания этого и других рассказов сборника было периодом, исключаящим критику реальных причин деградации многих руководящих работников, какого бы ранга или масштаба они ни были. И тем ценнее попытка Х. Авшалумова, хотя бы на уровне ветеринарной службы «Заготрогатскота», подвергнуть резкой критике, осмеянию таких руководящих работников.

Идеологическая, воспитательная работа в недавнем прошлом, как известно, проводилась под руководством партаппарата. Её изъяны, недочеты известны теперь из писаний так называемых демократически настроенных публицистов, которые сделали правилом критику про-

шлого, не замечая того, что нынешние власть имущие в худшем варианте повторяют ошибки своих предшественников. Корить их за выявление истинного положения вещей было бы по крайней мере несправедливо. Но приятно признать, что были личности, которым было не безразлично, что происходило в воспитательной, идеологической работе. Человека может изменить, преобразить только образование, только знание того, что человек, индивид не может быть зависим от себе подобного. Но если кто-то попытается своим словоблудием, дилетантством или демагогией отвернуть людей от уже принятых ими установлений и решений, его постигнет неудача.

Неудача постигает и героя рассказа «Хабар и хинкал».

Прямолинейность пропаганды, ее шаблонность и поэтому бездейственность подвергнуты писателем критике беспощадной. Верующие аульские старики и старухи, в основном люди малограмотные, которым приезжий лектор читает лекцию «О происхождении жизни и человека», глубоко шокированы, оскорблены, когда он говорит им, что предки нынешних людей произошли не от Адама и Евы, как сказано в Библии и Коране, а от человекоподобных обезьян, они один за другим с возмущением покидают зал.

При ждановско-сусловской системе идеологической работы подобный герою рассказа лектор во многих случаях был типичным пропагандистом. Безуспешность, малоэффективность потуг горе-лектора, стало быть, горе-идеологического работника, развенчаны Х. Авшалумовым остроумно и убедительно.

Человеческие пороки, людские недостатки всегда были предметом сатирического осмеяния или юмористической оценки в литературе. У Х. Авшалумова немало рассказов, где претензии героя на порядочность, честность, щедрость, работоспособность, начитан-

ность, образованность, исполнительность оказываются только претензиями, не более того. Герой рассказа «Фанфарон» тщится показать себя хорошим руководителем, а жена увидела в нем не фигуру номенклатурную, а всего-навсего фанфарона. Кстати, герой рассказа (он же и рассказчик), несмотря на то, что имеет диплом об окончании вуза, не знает значения слова, которым часто характеризует его жена. Простая домохозяйка еще в доперестроечные годы заметила загнивание руководящей верхушки и своеобразно восстала против складывающейся кадровой ситуации. Она это делает, безусловно, стихийно, и в этом, наверное, заключается правда жизни.

Реальность изображаемого автор иногда подчеркивает соответствующей пометкой. Многие рассказы не имеют такой оговорки, но по ходу изложения событий писатель нет-нет да и ввернет словечко, сошлется на очевидный факт, сделает ссылку на аналогичный, известный читателю случай, дату, человека, приведет пословицу. И такие аналогии, параллели, ссылки действуют убедительно. Рассказ «Исповедь нищего господина», рисующий бедную жизнь старого горца, помечен автором как «невыдуманный рассказ». О времени, когда произошли события, описываемые в рассказе «Последний бокал», дано узнать уже в первом предложении: «Ассалам алейкум, го... го... то... то... Прошу прощения, профессор. Я в затруднении. Как называть вас теперь, когда у нас в стране другие порядки: по-новому господин или по старому – товарищ?..» Не только эта стилизованная особенность выдает манеру их автора. Оба рассказа – исповеди, монологи несчастных людей – пенсионеров, ставших в перестроечное время изгоями, париями, отверженными людьми. Судьба у них одна, хотя героя рассказа «Исповедь нищего господина», в ненастный осенний день более часа ожидающего автобус, увозит

какой-то владелец «Волги», а на второго героя нападают хулиганы с целью ограбления и разбивают ему голову.

Рассказ героя о собственной жизни в иных рассказах становится приемом саморазоблачения. Саморазоблачается герой рассказа «Сосед мой – враг мой». Автор письма к редактору газеты просит напечатать фельетон о его соседе, некоем Сары-Самеде, который злословит и обзывает его и сорняком, и жадиной, и злостным нарушителем трудовой дисциплины. Убеждая редактора фактами, доказывающими виновность соседа, автор письма раскрывает, сам того не замечая, собственный неприглядный образ жизни.

Хизгил Авшалумов получил широкую известность как автор остросатирических, юмористических рассказов о хитроумном Шими Дербенди. Рассказы эти, публикуемые в периодической печати, отражают настроение народа в тот или иной период общественного развития, выявляют самое насущное, значительное в жизни, показывают причины срыва, побудительные мотивы отступления героев от общепринятых норм поведения.

Шими Дербенди, как и Молла Насреддин в фольклоре народов Дагестана, наделен способностью «от противного» отличать хорошее от плохого, доброе – от злого. Ему достаточна одна реплика, одна оценка, чтобы охарактеризовать человека, раскрыть сущность. Безобидные проделки Шими в рассказах «Как Шими ехал на осле задом наперед», «Сердце», «Осел в колодках», «Вылечился от слепоты», «Ослон поехал, ослон приехал...», «Какие арбузы – такие монеты» показывают неординарность мышления героя, его здоровый юмор. Целенаправленные поступки Шими в рассказах типа «Капканы Шими», «Как Шими был певцом на тайной свадьбе», «Баран на шашлык», «Шими на свадьбе», «Дружба наполовину с водой, наполовину с уксусом» свидетельствуют о его сообразительности, гибкости

его ума, способности постоять за себя и за свою честь. В новеллах «Землетрясение», «Коровы на двух ногах», «Могила хана», «Похвальное слово взяточнику», «Как Шими разом проглотил две чубайсовские «Волги», «Как Шими просился в сумасшедший дом» и других, которые по идейно-композиционным признакам выделяются в самостоятельную группу, для обличения социального зла достаточными оказываются рассказ о носителе порока и заключительное остроумное суждение, раскрывающее не только подноготную героя, но и причину того, почему герой дошел до такого положения.

Почти во всех новеллах о хитроумном Шими Дербенди итоговая, заключительная фраза героя, его краткая оценка имеют целью не только подытожить изложенное, охарактеризовать тех, о ком говорил или с кем взаимодействовал. Заключительное слово Шими, как правило, раскрывает первопричину, основу того несуразного положения, о котором рассказывалось.

Мастерство прозаика проявилось и в повестях Хизгила Авшалумова. В отличие от других дагестанских авторов, пишущих на историко-революционные темы, Х. Авшалумов в повести «Возмездие» не претендует на детальное изображение роста политического сознания горцев Дагестана, обретения ими исторической правды – необходимости ликвидации эксплуататорского общества и замены его обществом социальной справедливости. Главная задача писателя – изображение тяжелой, невыносимой для бедняков жизни в дореволюционном селе Ньюнди.

Рисуя историю семьи Ишмаила, незавидную судьбу фактически убитого Гомуилом бедняка, и его детей Сосуна и Пери, автор раскрыл неизлечимые социальные язвы общества, которые непременно должны были привести его к гибели. Нарождающееся новое неизвес-

тно героям, поэтому естественно, что повесть как бы обрывается изображением картины бандитского нападения на селение.

Если бы автор пошел по пути «большевизации» сознания нюгдинцев, правда истории, вероятно, была бы нарушена. Если учесть, что в переводе на русский язык повесть была издана в 1978 году (М.: Современник) – в период наивысшего расцвета идеологии «развитого социализма», нельзя не отметить политическое и художественное чутье автора повести. Он не копирует опыт многонациональной советской литературы в изображении роста политического, классового сознания трудящихся бывших окраин царской России, не «помещает» героев в революционную сферу, не показывает роли миссионеров-революционеров из города, хотя Дербент находится недалеко от селения, где разворачиваются драматические события.

В основе другой повести Хизгила Авшалумова «Фамильная арка» лежат реальные события, имевшие место в прошлом в Дербенте.

Бывают люди, которые исчерпывают себя как личности на определенном жизненном этапе, после какого-либо поступка, деяния. Гомуил из «Возмездия» и Марал из «Фамильной арки» потеряли себя как личности. Марал выходит замуж за человека в два раза старше себя, потому что он богат. Богатая женщина коротает время со слугой не потому, что влюбилась, а потому, что он рядом и удобен для пользования. И это, в конечном итоге, завершается страшной трагедией для юного слуги, который действительно любит красавицу-госпожу больше жизни. Не очень претит ей и роль наложницы. Она бы не прочь уехать с Шефик-пашой, но не может оставить богатство – виноградники. Собственническая психология уничтожила в ней все человеческое – дарующее радость другим и приносящее счастье себе. Поэтому Марал, на первый взгляд страдающая женщина

(по характеристике Бобои – ведьма), и Гомуил, беснующийся злодей, – не антиподы. Их образы дополняют друг друга.

Хизгил Авшалумов является автором нескольких пьес, которые ставились на сценах Татского, Кумыкского и Лезгинского театров.

В творчестве Х. Авшалумова главенствующее место занимает изображение социальной жизни народа и его этических, нравственных принципов. Рассказ «Сказание о любви» – авторская интерпретация возникновения села Ньюнди.

И здесь мы видим то же естественное стремление людей, независимо от их национальной и религиозной принадлежности, к дружбе, единению во имя общего блага, общего счастья и свободы.

Хизгилу Авшалумову удается изобразить человека в разных его проявлениях – национальных, социальных, индивидуально-личностных, поэтому его произведения, написанные с любовью к человеку, пользуются широкой популярностью у читателей, поклонников его доброго таланта.

1993 г.

*Абдулла Вагидов,
литературовед,
доктор филологических наук*

ИЗ НАРОДНЫХ РОДНИКОВ СЛОВОТВОРЧЕСТВА

Этим заглавием статьи мы вовсе не хотим сказать, что писатель Хизгил Авшалумов почерпнул свои сюжеты и их разработки из фольклора. Нет, он создал образы своих замечательных и популярных героев, но при этом, бесспорно, следовал народным традициям, мировоззрению своего древнего и героически отстаивавшего собственную самобытность, веру отцов татского народа, одного из самых своеобразных народов Дагестана. Этот численно небольшой, но очень трудолюбивый и талантливый народ воздвиг здание собственной национальной культуры, строил города и закладывал виноградники, имел свой уникальный театр, газету, радиовещание, был неповторим. Жаль, конечно, что в связи с эмиграцией многое из произведенного этим народом материального и духовного богатства приходит ныне в упадок, предается забвению. Но, главное, дух народа, его принципы и самобытность останутся в веках, пока жив татский язык и поддерживается его словесность.

Народного писателя Дагестана, лауреата Республиканской премии имени Сулеймана Стальского, заслуженного работника культуры Российской Федерации Хизгила Давидовича Авшалумова нет нужды представлять не только татскому, но и другим дагестанским народностям, которые давно уже тесно знакомы с его творчеством, полюбили его литературных героев.

Этот человек самоотверженно трудился над созданием не только литературы, но и истории, и этнографии, и культуры в целом родного народа, был его патриотом в лучшем смысле этого слова. Мало жанров в художественной литературе, которые бы не разрабатывал этот самобытный писатель, занявший достойное место в ряду таких классиков дагестанской литературы, как прозаики Эффенди Капиев, Ахмедхан Абу-Бакар, Магомед-Расул и многие другие.

Главным трудом своей литературной жизни и творчества сам писатель, очевидно, считает уникальный, единственный в своем роде, свод новелл о хитроумном Шими Дербенди. Иначе бы он не издал в столице России именно эту книгу, собрав разрозненные новеллы в единое целое, в некую эпопею юмористического и сатирического характера, не лишённую собственной философии и мировоззренческого отношения к жизни. Такое прекрасное, безупречное, по полиграфическому исполнению на уровне самой современной печатной технологии издание выходит у писателя впервые, хотя и сравнительно небольшим тиражом. А ведь этот увесистый, красочно оформленный том – лишь малая часть созданного прозаиком, поэтом, публицистом и драматургом Хизгилом Авшалумовым. Прежде, чем перейти к этой книге непосредственно, мы должны вспомнить такие прекрасные, совсем не шуточные произведения писателя, как повесть «Возмездие» – памятник гражданской войне, заканчивающаяся героической гибелью главного героя, борца за народное дело; роман «Фамильная арка», – где перед нами проходит вся сложная и запутанная жизнь женщины, для которой память о родовом богатстве стала чуть ли не единственным стимулом жизни и которая лишь в предсмертном, агонизирующем состоянии вдруг начинает чувствовать и понимать всю никчемность и бессмысленность своей жизни; поэма «Гюльбоор», в которой прекрасным и об-

разным слогом певучего татского языка воспета наша первая Герой Социалистического Труда Гюльбоор Давыдова, женщина, пользовавшаяся огромной популярностью и авторитетом в республике, ставшая символом героического нашего народа; пьеса «Толмач имама», где показано участие представителя татской народности в антиколониальной борьбе имама Шамиля, и многие другие.

Писатель прожил большую, героическую, неутомимую жизнь, всегда, до самого преклонного возраста, был на гребне народной борьбы и труда. Он был превосходным кавалеристом, прошедшим всю Великую Отечественную войну, известным в республике журналистом, корреспондентом областной газеты, был близко знаком и дружен со всеми видными современниками. Х. Авшалумова хорошо знали и доброжелательно встречали в самых дальних уголках высокогорного Дагестана.

Как пришла писателю идея создания образа хитроумного Шими Дербенди? Когда впервые возникла мысль именно таким путем увековечить память своих современников, в большинстве простых и малограмотных колхозников, вся жизнь которых проходила в труде на виноградных плантациях? Этот момент нигде не зафиксирован, только автор, вероятно, запомнил тот момент, когда смутное ощущение этого бессмертного персонажа впервые сложилось в четкий образ его произведений.

Надо сказать, что по своему характеру образ Шими Дербенди, конечно, имеет аналогии в мировой литературе. На Востоке – это прославленный Молла Насреддин, на Западе – герой так называемого плутовского романа, возникшего в средние века. Но в целом новеллы о Шими Дербенди – это совершенно новое слово в литературе и, главное, созданы не фольклорным путем, а трудом одного человека, который формировал этот емкий и богатый свод новелл год за годом. Книга,

вышедшая ныне в Москве, состоит из большого цикла новелл о Шими Дербенди и в качестве, вероятно, приложения – из рассказов, тематика которых во многом выходит за пределы дагестанской жизни и быта горских народов. Ясно, что Шими Дербенди – собирательный образ, отразивший лукавый и мягкий юмор многочисленных своих живых прототипов. Но, странное дело, по прочтении он воспринимается как конкретный, весьма определенный человек с собственным отношением ко всему на свете. Даже родная жена считает своего мужа человеком странным и чудаковатым. Далеко не всегда понимают его сородичи. Но нам, читателям, всегда предельно ясна позиция героя в самых разнообразных обстоятельствах его жизни. Эта позиция часто носит социальный характер. Шими недолюбливает неумных выскочек и далеких от народа начальников, надменных и бесчеловечных богатеев. Он прост, как сама земля, говорит всегда, что думает, он большой правдолюбец и правдоискатель. Всякую ложь и фальшь он воспринимает иронически и высмеивает в своей немного странной и мягкой манере, как бы бормоча слово правды в собственную бороду.

В самых тяжелых, сложных ситуациях жизни Шими Дербенди не отказывает чувство юмора – то грубоватого (бесцеремонно спустив штаны, он садится высидывать цыплят), то тонкого (воплощение в Господа бога), то философичного («Разве можно обижаться на брыканье осла?»).

Люди относятся к выходкам Шими Дербенди по-разному. Его уважают за возраст и седую бороду. Его любит молодежь, многие побаиваются за острый язык и сметливый ум, который проявляет себя всегда необычно, а не по привычным стандартам.

Надо еще раз подчеркнуть, что Шими Дербенди – именно простой человек из народа, а не какой-либо ученый богослов и философ. Но ведь как раз народ

дает писателю богатый материал для размышлений и выводов о природе самого человека, о характере нашей жизни.

Шими Дербенди всегда показывается в самых обычных, рядовых, житейских и бытовых обстоятельствах. Ему достается немало несправедливых оплеух, оскорблений. Но он никогда не унывает, воспринимает свою нелегкую и не слишком сытую, несмотря на непрерывный труд, жизнь как должное, делит с народом его большие невзгоды и маленькие радости.

Он далек от тщеславия: написав стихи, правда, он поначалу о них довольно высокого мнения. Но почитав их любителям крепкой выпивки, легко соглашается с тем, что все неумеренные восхваления вызваны не качеством стихов, а количеством выпитой водки.

Неувядающий образ Шими Дербенди пользуется непреходящей славой у всех народностей Дагестана. Недаром в предисловии к книге приводится факт: изданные тиражом 15 тысяч экземпляров (для нашей республики тираж этот огромный) новеллы о Шими Дербенди разошлись буквально в три дня. Этот сборник был издан на русском языке, причем надо помнить, что прекрасным переводчиком новелл был сам автор. А теперь «Похождения Шими Дербенди» вышли за пределы нашей республики, на всероссийскую арену и, уверен, будут восприняты с большим интересом и благожелательно каждым читателем, в руки которого попадет эта по-своему неповторимая книга.

Что касается остальных рассказов, то автор отводит им второстепенную роль. Но каждый из них отличается литературным мастерством, тщательностью отделки, прекрасным чувством русского языка, хотя Хизгил Авшалумов и остается именно татским писателем.

Особой оценки требует заключающая книгу татская легенда, названная «Сказанием о любви» и посвященная истории создания родного селения Хизгила Дави-

довича Ньюджи, расположенного в Дербентском районе. «Прекрасны горы Табасарана, – пишет автор, – и люди, – добавляет он, – под стать прекрасной природе родной земли».

Писатель отмечает: схожесть судеб табасаранцев и татов, когда-то населявших эти горы, уже в том, что жизнь их омрачало жестокое иго ханов. И целое селение в поисках лучшей доли покидает этот прекрасный край, потому что свобода и честь дороже.

И автор просто, без витиеватости заключает: «Вот так возникло наше селение». Конечно, эта новелла, отличающаяся лиризмом, без толики юмора, имеет свой сюжет и содержание. Но познакомиться с нею мы отсылаем самого читателя с его добрым непредвзятым отношением к произведениям первого профессионального татского писателя, прижизненного классика дагестанской литературы Хизгила Авшалумова, творчество которого незримо присутствует в доме каждого дагестанца.

1998 г.

Б.Иосифов,
корреспондент татской газеты
«Ватан»

ПИСАТЕЛЬ, ПАТРИОТ, ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ

Видный прозаик и драматург, автор многих литературных произведений Хизгил Давидович Авшалумов родился 16 января 1913 года в селении Нюгди (Мишкюр) Дербентского района. Еще будучи школьником, он активно сотрудничал с республиканской газетой «Захметкеш» («Труженик»), издававшейся на татском языке в Дербенте. Его заметки и корреспонденции из жизни села и района привлекли внимание редактора Асаила Бинаева, который пригласил паренька на работу в качестве корреспондента. Начиная селькор уже тогда мастерски писал свои первые юмористические рассказы.

Огромное влияние на его творчество оказали народные сказители Хиизгие Эмин и Шаул Симанду.

Х.Д.Авшалумов в середине 30-х годов окончил совпартшколу. В мае 1939 года он начинает работать в Дагестанском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы в городе Махачкале. Тогда же осуществилась его заветная мечта: он познакомился со знаменитыми дагестанскими писателями Гамзатом Цадасой, Абуталибом Гафуровым и другими.

В 1940 г. в 27-летнем возрасте Хизгил Авшалумов стал членом Союза писателей СССР. В самом начале Великой Отечественной войны Хизгил Давидович уходит на фронт, воюет на Северо-Кавказском и Белорусском фронтах. Хизгил Авшалумов прошел всю войну, дважды был

ранен, дошел до Берлина и день Великой Победы встретил в бункере Гитлера. За храбрость и мужество, проявленные в боях с фашистскими захватчиками, Хизгил Давидович был награжден многими боевыми наградами.

До 1955 года Хизгил Авшалумов служил в рядах Советской Армии. Демобилизовался в звании капитана и приступил к работе в редакции газеты «Дагестанская правда», был консультантом и секретарем правления Союза писателей Дагестана.

В 1956 году в Дагестанском книжном издательстве вышла в свет его первая книга – сборник рассказов «Дружба». В последующие годы были изданы на татском и русском языках сборники рассказов «Судьба Сосуна», «Как я воскрес», «Кушак бездетности», «Дочь пастуха», «Невеста с сюрпризом», «Жена брата» и т.д. В разные годы центральные издательства выпустили сборники рассказов и повести Х. Авшалумова.

Говоря о новеллах писателя, нельзя не упомянуть их примечательную особенность. В целом их ряде отражены этнография, быт, традиции и обычаи татского народа.

Хизгил Авшалумов являлся лауреатом Республиканской премии ДАССР имени С.Стальского 1966 года (за книгу «Невеста с сюрпризом»), заслуженным деятелем культуры РСФСР и ДАССР, членом правления Союза писателей Дагестана, принимал участие в работе III и IV съездов писателей РСФСР и V съезда писателей СССР. Х.Д.Авшалумов награжден орденами «Знак Почета» и «Дружбы народов», медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Ветеран труда», неоднократно награждался Почетными грамотами Верховного Совета ДАССР.

Творчество видного писателя навсегда вошло в золотой фонд дагестанской литературы.

Дербент, 2002 г.

Тагир Салех,
член Союза журналистов РФ

ПОКОРИТЕЛЬ СТИХИИ

Штормит январский Каспий. Стремительный прибой заливаает пляж, дробится о прибрежные камни. А над горизонтом уже поднимается холодное зимнее солнце, высвечивая на горбатом уступе скалы человека в спортивных плавках. Он молча вслушивается в грозную симфонию моря. Внезапный бросок, и смуглое коренастое тело врезается в кипящие пеной волны. Его не пугает морская стихия. Гибким дельфином, рассекая бушующие волны, то исчезая, то поднимаясь над ними, он плывет навстречу солнцу.

Татского писателя Хизгила Авшалумова друзья и соратники по перу в шутку называют покорителем морских стихий. Он «морж». В любое время года, в любую погоду у него ежедневное свидание с морем.

У меня сохранилась давняя фотография: на заснеженном пляже Хизгил Давидович выходит из вздыбившихся волн, а рядом на скамейке сидит, кутаясь в меховую шубу, его жена Таня.

Мы с Авшалумовыми живем в одном доме, дружим семьями. Я хорошо знала Таню, женщину пленительной красоты и такого же неотразимого обаяния. Она боготворила мужа, жила только для него и своих детей. Ни один очерк, рассказ, повесть Хизгила не выходили в свет, пока их не одобрит Таня.

Дочь Авшалумовых Наида рассказывает:

– Маме помогала какая-то особая природная интуиция. Она относилась к творчеству мужа очень серьезно.

Папа и мама садились за стол, и она начинала корректировать, говорила: здесь у тебя слишком резко написано, смягчи, а здесь тебя просто не поймут, разъясни, уточни тему. И он беспрекословно следовал ее советам.

Море никогда не предавало Хизгила. Но когда безвременно ушла из жизни Таня и в траур оделся наш дом, потому что ее все любили, он не то, чтобы охладел к морской стихии, но встречи с морем стали приносить ему боль, ведь там рядом с ним почти всегда была Таня.

Говорят, характер человека определяется с детства, а оно у него было нелегким. Будучи ребенком, потерял мать, а в 13 не стало и отца. В семье мачехи, где было еще четверо малолетних детей, он стал единственным мужчиной - кормильцем. Работал в колхозе подпаском, ходил за плугом, выращивал овощи. Жизнь трудовую знает не понаслышке. Понимает, как важна для человека улыбка, незлобивая шутка, снимающие душевное и физическое напряжение, а порой, в трудные минуты, становящиеся и защищающей броней. Его юморески, сатирические рассказы известны далеко за пределами его родины, переведены на многие языки соседних республик. Книги, кстати, не только сатирического плана, но и исторические, бытовые, Хизгил Авшалумов творит, в основном, в самом трудном литературном жанре - сатиры и юмора. Произведения издаются за рубежом: в Англии, Германии, Испании, во Франции. А Владимир Познер издал книгу - исследование о жизни и творчестве татского писателя.

Хизгил Давидович, улыбаясь, вспоминает, как неожиданно для себя он пришел сначала в журналистику, а потом и в большую литературу:

– В нашем колхозе было поле, которое называлось «Смерть женам», и на нем все боялись что-либо сеять. Рассказывали, что если это поле засеять, то у крестьянина обязательно умрет жена. Рядом с нами жил сосед,

у которого было четыре дочери. Каждый раз, когда жена приносила ему девочку, он угрожал ей: «Если ты не родишь мне сына, я пойду и засею поле «Смерть женам». Мне было тогда 17 лет. Я хорошо знал эту добрую, несчастную женщину. Мне было очень жаль ее. И я написал об этом рассказ, конечно, изменив имена, и послал в дербентскую газету «Труженик». Приехала комиссия. Вопрос о суевериях обсуждался на джамаате. Многие односельчане на меня тогда очень рассердились, но были и такие, которые хвалили за смелость. Поле это засеяли, и ни одна женщина в селении не умерла. А в редакции меня попросили стать селькором и писать заметки о моем родном селе Ньюджи. Затем меня пригласили в Дербент, где после года учебы зачислили в штат редакции.

Хизгил Давидович работал и одновременно учился в Дагестанском педагогическом институте на историческом факультете. Незаурядные способности талантливого юноши заметили в столице и вскоре предложили ему в научно-исследовательском институте языка и литературы в Махачкале заняться темой татского фольклора. За короткое время он обобщил, систематизировал ценности народной мудрости татов и издал об этом книгу, а также подготовил татско-русский словарь.

Война прервала научную карьеру Х. Авшалумова. На фронте он был заместителем командира кавалерийского казачьего сабельного эскадрона. Как воевал – об этом, свидетельствуют ордена Отечественной войны первой степени, орден «Знак Почета», боевые медали.

На родину Хизгил Давидович вернулся только спустя долгие годы. В послевоенное время работал военным корреспондентом в разных городах Советского Союза. С 1955 года он бессменный собкор республиканской газеты «Дагестанская правда». Изъездил, исходил все районы, – где на машине, где на лошади, где и пешком по горным тропам. Досконально изучил обычаи, про-

блемы и нужды многонационального дагестанского народа, принял их в свое сердце. Он жил в своей эпохе, как на лезвии бритвы, бичуя в своих злободневных очерках существующие в тогдашнем обществе изъяны: очковтирательство, бюрократизм, чиновничий беспредел. Его корреспонденции приобретали силу фельетона, воздействуя на общественное мнение.

В это же время Хизгил утверждает себя в большой литературе. Его перу принадлежат четыре пьесы, одна из которых – историческая драма «Толмач имама» – не сходит с подмостков местных национальных театров. Он автор повести «Возмездие», исторического романа «Фамильная арка», серии рассказов в книге под названием «Как я воскрес».

Роман «Фамильная арка» написан в пору зрелости писателя. В нем раскрыты, обобщены реальные события, происходившие в Дагестане во время гражданской войны и в годы революции. История высвечивается через образ красавицы-татки Марал. Марал – простая горская женщина с чистой душой, мечтает о тихой семейной жизни, муже, детях. И тем не менее постоянно совершает, по мнению односельчан, «грехопадения», поэтому презираема ими. Но нет в том ее вины. Существующие обычаи, адаты лишают ее права самостоятельно распорядиться своей судьбой. Она не может выйти замуж после смерти мужа за любимого человека, так как по традиции должна стать третьей женой своего деверя. А время революционных потрясений, в котором ей приходится жить, как жерновами, размалывает все ее будущее. Беда в том, что она пассивна, не способна защитить себя от насилия и, как многие, не понимает, куда несет ее рок событий. Этим обусловлен ее бесславный конец. Я бы назвала этот роман не только трагедией бесправной горской женщины, но и трагедией века минувшего.

Мне кажется, в силу своего разностороннего дарования Хизгил Давидович просто не мог не испытать себя в лирике, поэзии.

Вот что он говорил:

– Иногда я писал стихи, но это был порыв, эмоциональная разрядка в минуты вдохновения. Но об одной женщине я просто должен был написать поэму. Зовут ее Гюльбоор Давыдова, в переводе ее имя означает «весенний цветок». Гюльбоор – замечательная женщина. Ее так же, как и мою мать, выдали замуж в 12 лет, когда ее ручонки даже полки не доставали.

Муж вскоре умер. И замуж она больше не выходила. Вырастила, выучила двоих сыновей и обоих потеряла на войне. Вступив в борьбу со старыми пережитками, предрассудками, она встала вровень с мужчинами, организовала в селе женский колхоз, за свой труд удостоилась звания Героя Социалистического Труда.

Х.Авшалумов не только талантливый писатель, он прекрасный, добрый внимательный и любящий людей человек. Человек с большой буквы.

1995 г.

*Вероника Зеленина,
журналист*

ХИЗГИЛ АВШАЛУМОВ У ПИСАТЕЛЬСКОГО ЧИРАГА В КАНУН XXI ВЕКА

Интервью

– Хизгил Давидович, Вам, известному писателю, воину, гражданину, есть много что вспомнить в канун XXI века.

– Мне уже за восемьдесят, воспоминаний никогда не писал, и боюсь, рассказ мой будет немного рыхловатым. Родился я в селении Ньюди Дербентского района в крестьянской семье. Матери не помню. Отец умер, когда мне было 13 лет. Родственники мои были неграмотными, и никто не заботился о моей учебе. Да и школы не было в селе. Ее открыли позже благодаря инспектору Наркомата просвещения Т.Шалбузову. Когда умер отец, я взял на себя заботы о младших братьях и сестрах от второй его жены: работал подпаском в колхозе, хлеб, овощи выращивал, за плугом ходил.

Я не стал бы ни журналистом, ни писателем, если бы не случай. Поля, окружавшие наше село, носили различные названия. Одно называлось «Кровавым», другое – «Сумасшедший злак». Было поле «Смерть женам». Бытовало предание: у того, кто вспашет это поле, умрет жена. И его никто не пахал, на нем было клеймо проклятия.

У нас было предание: если у мужчин рождаются одни девочки, его называли хамом. Значения слова никто не знал. Такие люди обвязывались красным матерчатым поясом – кушаком. Так вот у одного из сельчан рождались

одни девочки, и, когда в очередной раз жена была в положении, он пригрозил ей: если ты опять принесешь девочку, я пойду пахать поле «Смерть женам». Бедняжка, веря преданию, рыдала целыми днями. Мне стало жалко эту женщину, и однажды я написал в газету заметку, подвергнув критике ее мужа. Газета выходила в Дербенте. Заметку мою опубликовали. Она имела успех у читателей, но в родном селе поднялся переполох, многие мужчины и женщины ругали меня за нее. Народ, находился под страхом не только этого, но и других суеверных обычаев. Меня ругали за то, что при новой, Советской власти нельзя было гласно говорить о вредных обычаях. Да и начальство из Дербента пришлет в село пахарей, начнут вспахивать поле «Смерть женам», и одна за другой станут умирать наши женщины-матери.

А тут из редакции газеты пришло письмо, в котором расхвалили мой материал и просили, чтобы в дальнейшем я не терял с газетой связь. Ну я и не прекращал писать в газету. Писал о новостях села, о колхозных делах, о людях. Через некоторое время меня пригласили работать в газету «Захметкеш» /«Труженик»/. Начали публиковать мои зарисовки, статьи, новеллы, рассказы. Работал я в редакции до мая 1937 года. Потом меня пригласили в Махачкалу научным сотрудником в Дагестанский научно-исследовательский Институт истории языка и литературы. Мне, молодому, пришлось тогда работать с такими учеными, имена которых были уже известны во всем Дагестане: это Алим-Паша Салаватов, Микаил Шигабудинов, Сайгид Абдуллаев, Магомед-Сайд Саидов и другие. Рядом с ними я получил духовное развитие, расширил мирознание. Работая в Институте, я собирал татский фольклор, который вошел в сборник татского фольклора, изданный в 1940 году.

– Были ли Вы в это время знакомы с писателями, посещали ли Союз писателей Дагестана?

– С 1939 года, когда я переехал работать в Махачкалу, почти каждый день бывал в Союзе писателей. Встречался с писателями, поэтами - Гамзатом Цадасой, Аткаем, Абуталибом Гафуровым, Анваром Аджиевым, Багаутдином Астемировым, Юсупом Гереевым, Амиром Курбановым, Юсупом Шовкринским.

Очень интересным человеком и поэтом был Гамзат Цадаса. Он не владел русским языком, но русскую классическую, в том числе и европейскую, литературу знал лучше других. И переводил некоторые произведения классиков, например, А.Пушкина «Руслан и Людмила» на аварский язык. Потом выяснилось, что, блестяще владея арабским языком, Г.Цадаса познакомился с ними на арабском языке. Обладая большими знаниями, он был очень скромн, обаятелен, вежлив. Старался не выделяться среди других писателей. В 1940 году меня приняли в члены Союза писателей СССР и пригласили работать в аппарат писателей Дагестана. Теперь я почти каждый день встречался с Г.Цадасой и другими писателями. Приходя на собрание, Г.Цадаса садился в угол и внимательно слушал выступающих. А в конце, будто анализируя все выступления, произносил речь. И мы все восхищались его знанием не только аварской дореволюционной литературы, но и общедагестанской.

После Первого съезда писателей СССР и выступления на нем Сулеймана Стальского Максим Горький направил в Дагестан группу русских писателей – Н.Тихонова, П.Павленко, В. Луговского и других. Они многое сделали для изучения дагестанской литературы, перевода ее на русский язык. До этого мало кто знал поэтов, писателей других национальностей – Дагестана, Кавказа. А теперь стали уделять большое внимание переводам наших поэтов и писателей на русский язык. Вслед за ними приехали и другие переводчики. Так окно дагестанской литературы в Европу было уже открыто.

В ту пору секций на национальных языках в Союзе писателей Дагестана не было и писателей было совсем мало. Мероприятия, связанные с датами, событиями, проводились порою совместно с сотрудниками Дагестанского НИИ истории, языка и литературы. Помню, в 1940 году в библиотеке имени А.С. Пушкина проводился вечер, посвященный Махмуду из Кахаб-Росо. Собралось много народу: ученые, писатели студенты, другие любители поэзии. В президиуме сидели видные писатели, ученые. А Гамзат Цадаса отказался сидеть в президиуме. Доклад о Махмуде сделал ученый Шигабудинов Микаилов. Оказывается, он почти всего Махмуда знал наизусть.

– Встречались ли Вы с Сулейманом Стальским?

– К сожалению, мне не удалось встретиться с ним. Но много слышал о нем от ученых и просветителей. Я ещё совсем молодым был, когда умер Сулейман. Он жил в Ашага-Стале, в Махачкале бывал совсем редко. Спустя три года после его смерти из Пятигорска приехал Эффенди Капиев, собрал писателей и ученых для обсуждения своих очерков о Сулеймане Стальском. Тогда я впервые встретился с Эффенди Капиевым. Свои рассказы и очерки на русском языке он читал сам, читал выразительно, как диктор радиовещания. Мы восхищались богатством его языка. Когда перед нами появилась картина о простой крестьянской жизни Сулеймана, сидевшего в своем саду, у Аткая на глазах навернулись слезы. Все присутствующие одобрили очерки о С. Стальском, поблагодарили Эффенди Капиева за этот очень важный шаг в его творчестве.

В пору, когда я работал ответсекретарем Союза писателей, у меня произошла еще одна интересная встреча – с писателем Магомедом Хуршиловым. Как-то ко мне в кабинет заходит мужчина лет тридцати пяти в военной форме, худощавый, костлявый. Подает руку, представляется: Магомед Хуршилов. Тут же говорит, что принес свой роман «Сулак-свидетель» на обсуждение. Писал

он, как и Эффенди Капиев, на русском языке. Про читав его рукопись, передал другим. До обсуждения выразил ему удовлетворение, что аварец пишет на русском языке. Но роман был немного сыроватым, и слишком много было крови. Прочитавшие роман русский литературовед А. Назаревич и другие писатели указали на недостатки, предложили доработать. После доработки роман стал явлением в дагестанской литературе. Тем более, что в те годы мало кто занимался прозой.

– Хизгил Давидович, среди дагестанских писателей Вы один из тех, кто в первые же дни Великой Отечественной войны встал на защиту Отечества. И после войны, как известно, долго служили в Советской Армии. Разумеется, писали о фронтовых дорогах, сражениях, о боевых друзьях.

– День объявления войны был воскресным. С утра я ходил на море, купался, загорал. По возвращении домой вижу: у столба, на котором установлен громкоговоритель, собрался народ. Я подошел, спросил: «Что происходит?» Мужчина, стоявший рядом, ответил: «Война началась с Германией. Иди домой, готовь рюкзак». О начале войны по радио сообщал В.М.Молотов. Пришел домой. Жена уже знала и плакала. Через неделю я уже был на фронте. Служил в кавалерийском полку. Сначала гордость заполняла сердце: обнажив сабли, не касаясь земли, мы летели на врага. Но вскоре поняли, что кавалерия на этой войне, как в гражданской, не приведет к успеху. Царицей была пехота. Бывали случаи, мы мчались в атаку, а пулеметные и автоматные очереди косили нас.

Впервые я был ранен осенью 1942 года в 30 километрах от Туапсе, в горах. Рана была тяжелая, в левый бок. Недалеко от меня, в этих же местах, воевал известный аварский писатель Магомед Сулиманов (об этом я читал из его произведений). Раненого, меня привезли в Туапсе, а оттуда – санитарным поездом в Сочинский госпиталь. Когда стали бомбить и Сочи, нас поездом

отправили в Тбилиси. Здесь я долго лечился. Однажды, узнав, что я из Дагестана, один из раненых офицеров говорит мне: «Хизгил, я читал роман вашего писателя Магомеда Хуршилова «Сулак-свидетель». Здорово, понравилось». – «Откуда он достался тебе? – удивился я. – Ведь мы его обсуждали в Союзе писателей перед войной. Значит, Магомед уже издал его. Молодец!» – «Из Дагестана прислал мой друг», – ответил офицер.

Пять с лишним месяцев лечился я в Тбилиси. Потом меня направили в резервную часть. И опять на фронт. Теперь я уже принимал участие в наступлении – в битве за Кубань. Второй раз меня ранили в районе Георгиевска. После выздоровления направили на переподготовку офицерских курсов в Среднюю Азию, в Андижан. Среди нас были офицеры, получившие ранения и находившиеся в запасе. Пока мы находились на переподготовке, наши войска уже перешли с боями границу СССР. После окончания курсов нас направили в действующую армию, наступавшую в Германии. Штурмовать Берлин мне не удалось. Но мечтал, если останусь живым, побывать в рейхстаге, в гитлеровском логове. На третий день после победы мы, офицеры, договорились посетить эти места. После обхода помещений нас повели в канцелярию Гитлера. Не описать нашу гордость и за себя, и за нашу страну, и за нашу славную армию, победившую такого злого врага благодаря сплоченности и братскому единению всех народов Советского Союза.

– После окончания войны Вы продолжали служить в армии?

– На войне я был дважды тяжело ранен, контужен, и хотелось вернуться в Дагестан, продолжить работу в Институте истории, языка и литературы. Я написал рапорт об увольнении из армии. Но мне отказали, потому что в моей биографии было указано, что я журналист и писатель. Направили сначала военным корреспондентом в Белоруссию, а потом служил в военных округах

Казахстана, Баку, Сталинграда и т.д. И так одиннадцать лет военным корреспондентом ездил по стране, писал о службе, о жизни солдат и офицеров Советской Армии. Демобилизовался я в 1955 году после четырнадцатилетней службы в армии в звании капитана.

По приезду в Махачкалу устроился работать корреспондентом республиканской газеты «Дагестанская правда». Часто ездил по районам, вникал в жизнь горцев, полеводов, чабанов, рыбаков, писал о них очерки, зарисовки. Мне самому было это интересно. В те годы в «Дагестанской правде» работали очень опытные, одаренные писатели-очеркисты: Миши Бахшиев, Виталий Горбач, Александр Грач, Александр Шмонин, Дмитрий Трунов и другие. Одновременно с очерками мы печатали в газете рассказы, юморески. Здесь же были опубликованы получившие одобрение у читателей мои рассказы «Встречи у родника», «Жених бабушки Фатьмы», «Возмездие» и другие. Сюжет этих рассказов подсказала сама жизнь. В Цумадинском районе мне рассказали такой случай: влюбленный в доярку парень решил похитить ее. Когда в доме жениха развернули бурку, оказалось, что вместо невесты похитили ее бабушку. Так и получился у меня рассказ «Похищение бабушки Фатьмы».

Потом меня пригласили работать в Союз писателей Дагестана консультантом. Был и секретарём парторганизации, и председателем профкома, и руководителем секции.

– В те годы наш Союз писателей славился не только в Дагестане, но и в стране.

– Союзом руководил популярный во всем мире поэт, общественный деятель Расул Гамзатов. Не скрою, благодаря его славе, популярности славилась и дагестанская писательская организация. К нашей писательской организации приковано было внимание и потому, что в нее входили и плодотворно работали очень одаренные, талантливые поэты и писатели – Анвар Аджиев, Аткай

Аджаматов, Омар-Гаджи Шахтаманов, Фазу Алиева, Юсуп Хаппалаев, Нуратдин Юсупов, Рашид Рашидов, Ахмедхан Абу-Бакар, Кияс Меджидов, Шах-Эмир Муратов, Муталиб Митаров и другие. Вслед за ними шла плеяда одаренных молодых поэтов и писателей, получивших профессиональное образование в Литературном институте в Москве.

Обсуждая проблемы российской да и всесоюзной литературы, обязательно касались проблем многонациональной дагестанской литературы. О нас говорили серьезно, как о литературе, имеющей большое значение для развития дружбы между народами страны. В те годы в Союз писателей Дагестана входило более ста членов Союза писателей СССР. И это говорило, что в маленьком Дагестане живет и творит столько талантливых писателей. А стать членом Союза писателей СССР было очень трудно.

– Большой популярностью у читателей пользуется Ваша книга «Похождения хитроумного Шими Дербенди». Как возник замысел создать эти рассказы и новеллы о Шими Дербенди? Существовал ли такой человек или это придуманный Вами литературный герой?

– Я уже говорил, что сам из крестьянской семьи. Знал хорошо жизнь труженика. А у простого народа юмора много. У нас в деревне было принято в осенне-зимние вечера собираться у кого-нибудь и слушать рассказы, сказки, притчи. Происходивший из этого сословия населения, Шими был батраком до революции, потом колхозником. Вокруг его фигуры я создал много рассказов и новелл юмористического и сатирического характера. Старался, чтобы мой герой был героем не только маленького татского народа, а и всего дагестанского народа.

– Как отразились на жизни писателей Дагестана изменения в стране?

– Народ не только не получил того, что ожидал, но многое потерял. Разрушена наша великая страна. Это очень сильно повлияло на жизнь и наших писателей. Можно сказать, они бедствуют. У меня есть новелла, где говорится о том, чтобы плакать, тоже надо иметь настроение. Чтобы творить, тем более надо иметь вдохновение. Писатель – легко ранимый человек. Ему необходима моральная и материальная поддержка. Они сейчас этого лишены. Они даже растерялись, не зная, о чем писать, что воспевать. В газете была напечатана беседа одного корреспондента с русским писателем В.Распутиным. На вопрос, над чем работаете, он ответил, что то, что мы видим и переживаем сейчас, далеко переходит даже художественное осмысление. Но писателям надо писать, работать. Это наша судьба, наше призвание. Жалко мне молодежь. Много у нас пишущих ребят, но нет у них опоры. Их книжки не выходят, они лишены всего необходимого, у них нет жилья. И как писать в таком неблагоустроенном мире?

– *Хизгил Давидович, вот-вот мы вступим в третье тысячелетие. Какие книги, каких поэтов и писателей Вы взяли бы с собой в двадцать первый век?*

– Хороших писателей и хороших книг много. Но среди них я взял бы с собой стихи Пушкина и Есенина, романы Л. Толстого и Достоевского, «Мой Дагестан» Р.Гамзатова и «Похождения хитроумного Шими Дербенди» Х. Авшалумова. Всех книг и авторов не перечислишь.

– *Ваше пожелание дагестанцам?*

– Мира – нашей земле. Сплоченности – народу.

1999 г.

Беседовал
Абдулла ДАГАНОВ,
народный поэт Дагестана

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Авшалумова. Слова благодарности 5

Хизгил Авшалумов в воспоминаниях

<i>Р. Гамзатов. В наших сердцах он останется навсегда</i>	21
<i>Р. Магомедов. Несколько слов о Хизгиле Авшалумове</i>	24
<i>М. Джамбулатов. Мудрец из Ньюгди</i>	30
<i>М. Митаров. Тихий мыслитель</i>	35
<i>М.-С. Яхъяев. Мы были друзьями</i>	44
<i>М. Гамидов. Человек с большой буквы</i>	48
<i>Н. Алиев. Слово о друге</i>	51
<i>М. Ахмедов. Добрый, искренний и человечный</i>	53
<i>Х. Хаметова. Он учил нас глубинным вещам</i>	57
<i>З. Хизроева. Человек ясной души и чистого сердца</i>	63
<i>О. Муртазалиев. Защитник Отечества</i>	68
<i>Р. Эльдарова. Мое скромное слово о Хизгиле Авшалумове</i>	70
<i>Магомед-Расул. Его невозможно было не уважать</i>	74
<i>Б. Кулунчакова. Отец народного героя</i>	77
<i>К. Абуков. Воспоминания под унылый стук колес жизни (штрихи к портрету Хизгила Авшалумова) ...</i>	81
<i>А. Вагидов. Незабываемые встречи</i>	87
<i>С. Ахмедов. Мои встречи с Хизгилом Авшалумовым</i>	94
<i>Б. Салимов. Последнее обещание</i>	100
<i>С. Хавчаев. Добрый след на земле</i>	103
<i>М. Мататов. Большой интернационалист</i>	107

<i>Б. Аджиев. Он был магнитным полем добра и человечности.....</i>	109
<i>М. Ахмедова. Дагестан – обетованная земля Хизгила Авшалумова</i>	115
<i>М. Азизов. Старший друг и учитель</i>	120
<i>В. Шаулов. Мои воспоминания о Х.Д. Авшалумове</i>	136
<i>Ш. Матаев. Наш Хизгил Авшалумов</i>	141
<i>Бадрутдин. Глубокая река – Хизгил.....</i>	144
<i>М. Ахмедов. Маленький кунак большого писателя.....</i>	149
<i>Х. Авшалумов-младший. 9 мая.....</i>	154
<i>Разговор с солдатом</i>	155
<i>В бой идут одни старики.....</i>	156
<i>На Гаджиева, 3</i>	157
<i>Фотоиллюстрации</i>	159

Рецензии, отзывы, заметки, интервью

<i>С. Ахмедов. С глубоким знанием жизни</i>	199
<i>Б. Нувахов. Дагестанский отец Насреддина</i>	202
<i>М. Гасанов. Ориентиры творчества</i>	205
<i>Д. Трунов. Доброму – доброе!.....</i>	212
<i>А. Вагидов. С любовью к людям.....</i>	215
<i>Б. Иосифов. Из народных родников словотворчества.....</i>	224
<i>Т. Салех. Писатель, патриот, интернационалист.....</i>	230
<i>В. Зеленина. Покоритель стихии</i>	232
<i>А. Даганов. Хизгил Авшалумов: у писательского чирага в канун XXI века</i>	237

**ХИЗГИЛ ДАВИДОВИЧ АВШАЛУМОВ –
МУДРЕЦ ИЗ НЮГДИ**

Воспоминания современников

Составитель *Л. Авшалумова*
Редактор *Н. Рагимова*
Художественный редактор *М. Левченко*
Художник *Р. Джамамедов*
Технический редактор *В. Гаджиева*
Корректор *А. Рагимов*

Лицензия ИД 05334 ОТ 10.07.01.

Подписано в печать 11.06.2013.

Формат 84x108^{1/32}. Бумага мелованная.

Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Уч.-изд.л. 10,0. Усл. печ.л. 13,0.

Тираж 300 экз. Заказ № 103.

Цена свободная.

ГАУ «Дагестанское книжное издательство»
Министерства печати и информации РД
367025, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Пушкина, 6

ООО «Издательство «Лотос»,
367025, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Пушкина, 6

